

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 24 (96)
2007

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 9

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **В.С. Балакин** (*отв. редактор*),
д-р филос. наук **Ф.М. Землянский**, доктор искусствоведения **Н.В. Парфентьева**,
канд. ист. наук **С.А. Кривоногова** (*отв. секретарь*),
канд. филос. наук **Е.В. Миронов**,
д-р ист. наук, д-р искусствоведения **Н.П. Парфентьев**, канд. филос. наук **В.Е. Хвощев**

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	4
От редакционной коллегии	5
ИСТОРИЯ	
Балакин В.С. Специфика социокультурного развития советской науки в 1950-е — 1970-е годы	7
Балакин В.С., Балакина Л.П. Человеческий капитал и развитие индустрии Урала в XX веке	13
Деменова В.В. Мир буддийской металлической скульптуры (на материале коллекции Свердловского областного краеведческого музея)	17
Журавлева В.А. Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения края в 20—30-е годы XX века	21
Куликовских С.Н. К вопросу о профессиональной подготовке кадров для златоустовских горных заводов (конец XIX — начало XX вв.)	27

Пономаренко Е.В. Особенности формирования церквей городов-заводов Южного Урала в XVIII — первой половине XIX вв.	34
Свистунов В.М. К вопросу истории строительства и планировки Верхне-Кыштымского завода 1755—1815 гг.	39
Сёмочкина Е.И. Периодизация истории российской эмиграции	52
Сибиряков И.В. Челябинское отделение Союза писателей СССР в первые послевоенные годы	56

ПОЛИТОЛОГИЯ

Герман В.А. Парадигмы региональной национальной политики и проблемы совершенствования национальных отношений	62
Евсеев И.В., Хвощев В.Е. Политический дискурс по вопросу о количестве заключенных в сталинской исправительно-трудовой системе	66
Лукина Ю.А. Сущность политического времени	70
Медведева Н.В. Международная деятельность в системе высшей школы — одно из основных направлений развития современных международных отношений	74
Петров В.И. Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации	78
Прилукова Е.Г. Политический мир как виртуальная реальность	83
Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Дискурс политического бренда	85
Сазонов В.О. Формирование научного фундамента ядерной безопасности России в первой трети XX в.	88
Хвощев В.Е. Идеи активности и самодвижения в учении об эманации Прокла Диадиха	92

ФИЛОСОФИЯ

Вишев И.В. Философия науки и проблема ее гуманизации	95
Григорьева Л.М. Понятие функции: к проблеме существования объектов математической теории	100
Зарубина О.А. Принцип персональности в морали и праве: встреча Соловьева с Кантом	104
Кашапов Ф.А., Терентьев О.В., Цейслер В.Э. Здоровье как ценность: культура и биоэтика	107
Мионов Е.В. Политическая концепция Б.Н. Чичерина и конституционный процесс в современной России	112
Русских Л.В. И. Кант о взаимодействии культуры и экономики	116
Сидорова У.В. Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект	119

Страхова К.А. Проблема равенства полов в конфронтации антифеминизма и феминизма	123
Усов В.Н. Рефлексия как способ философского мировоззрения	127
Чистов Г.А. Диалектика рассудка и разума в контексте современной цивилизации	132
Рефераты статей	136
Summary	140
Сведения об авторах	144

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИМА — Архив Военно-исторического музея инженерных войск, войск связи и артиллерии.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области.
ЗАО — Златоустовский архивный отдел.
ЗГАО — Архивный отдел администрации г. Златоуста.
ЗКМ — Краеведческий музей г. Златоуста.
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
ЦДОСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей, подготовленных к публикации учеными университета и вузов России. Редакционная коллегия сочла целесообразным сохранить три раздела журнала: «История», «Политология» и «Философия».

Тематика исследований историков охватывает временной интервал от древности до XXI века. В.В. Деменева в статье «Мир буддийской металлической скульптуры» анализирует мир буддийской бронзовой пластики, включая творческий процесс, концептуальность материала и другие аспекты ее создания и бытования. Социокультурные проблемы региональной истории XVIII—XIX вв. на примере строительства заводов и церквей городов-заводов рассматривают В.М. Свистунов (К вопросу истории строительства и планировки Верхнее-Кыштымского завода 1755—1815 гг.) и Е.В. Пономаренко (Особенности формирования церквей городов-заводов Южного Урала в XVIII—XIX вв.). По тематике к ним примыкает и статья С.Н. Куликовских (К вопросу о профессиональной подготовке кадров для Златоустовских горных заводов (конец XIX — начало XX вв.)). В.А. Журавлева обратилась к изучению проблемы влияния коммунального хозяйства Урала на социальное развитие города (Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения края в 1920—1930-е гг.). Проблема взаимоотношения власти и художественной интеллигенции анализируется в статье И.В. Сибирякова (Челябинское отделение Союза советских писателей в первые послевоенные годы). Е.И. Семочкина посвятила свою статью содержанию и периодизации всего многовекового процесса российской эмиграции (периодизация истории российской эмиграции). В.С. Балакин и Л.П. Балакина в статье «Человеческий капитал и развитие индустрии Урала» продолжили изучение социального, человеческого аспекта в развитии Уральской промышленности, В.С. Балакин также представил статью Балакин В.С. «Специфика социокультурного развития советской науки (1950-е — 1970-е годы)» в которой раскрываются особенности социокультурной динамики советской науки.

Теоретические проблемы политической науки и историко-антропологических исследований стали предметом изучения В.А. Германа (Парадигмы региональной национальной политики и проблемы совершенствования национальных отношений), И.В. Евсеева и В.Е. Хвощева (Политический дискурс по вопросу о количестве заключенных в сталинской исправительно-трудовой системе), Ю.А. Лукиной (Сущность политического времени) В.О. Сазонова (Формирование научного фундамента ядерной безопасности России в первой трети XX в.), О.Ф. Русаковой и Д.А. Максимова (Дискурс политического бренда), В.И. Петрова (Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации) и Е.Г. Прилуковой (Политический мир как виртуальная реальность). Актуальные вопросы истории политической мысли рассмотрены на страницах работы В.Е. Хвощева (Идеи ак-

тивности и самодвижения в учении об эманации П. Диадокха). В статье Н.В. Медведевой анализируется роль международных связей высшей школы в общей системы международных отношений.

Раздел «Философия» содержит исследования И.В. Вишева (Философия науки и проблема ее гуманизации), О.А. Зарубиной (Принцип персональности в морали и праве: встреча Соловьева с Кантом), Ф.А. Кашапова, О.В. Терентьева, В.Э. Цейслера (Здоровье как ценность: культура и биоэтика), К.А. Страховой (Проблема равенства полов в конфронтации антифеминизма и феминизма) и Г.А. Чистова (Диалектика рассудка и разума в контексте современной цивилизации). Эти работы посвящены ряду современных проблем социальной философии. Другие участники рубрики обратились к анализу эпистемологических оснований герменевтики (У.В. Сидорова), изучению рефлексии как способа философского мировоззрения (В.Н. Усов) и закономерностей развития математического знания (Л.М. Григорьева). Л.В. Русских посвятила статью изучению кантовского понимания взаимосвязи культуры и экономики (И. Кант о взаимодействии культуры и экономики). Е.В. Миронов продолжил изучение политико-философских взглядов Б.Н. Чичерина.

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В 1950-е — 1970-е ГОДЫ

Наука — не просто многогранное общественное явление, она и особый социокультурный институт. На первый взгляд, социальное может быть рассмотрено как нечто внешнее по отношению к науке. Долгое время в литературе господствовала модель, согласно которой эволюция науки — познавательный процесс, который происходит в определённых социальных условиях, детерминирующих её развитие (экстернализм). Такая позиция, в самом деле, отражает некоторые стороны генезиса науки. Однако на смену этим представлениям пришло другое понимание взаимодействия социума, культуры и науки.

Этот подход признаёт не только органическое взаимодействие и взаимовлияние между наукой и обществом, но и обосновывает идею о том, что наука социальна по своей собственной природе. Наука понимается как саморазвивающаяся система, как динамичный социальный организм, постоянно меняющий формы саморегуляции и ценности. Научная профессионализация рассматривается как особая социальная форма, предполагающая относительно устойчивые традиции, ценностные ориентации и нормы поведения учёных, посвящающих себя исследовательской работе.

Социальная система науки охватывает различные виды отношений: логико-познавательные (гносеологические), организационно-управленческие, экономические, социально-психологические, нравственные и др. Познавательная и преобразовательная (социальная) функции науки неразрывны, но существенную роль в развитии науки играют внешние социокультурные факторы.

Факторы, влияющие на развитие исследовательской деятельности, лишь условно можно разделить на внешние по отношению к науке (социокультурные) и внутринаучные. В действительности они тесно переплетаются и через цепь опосредований и преобразований переходят друг в друга.

Разработка систематизированного перечня факторов развития науки — дело трудное, но чрезвычайно важное. В науковедческой литературе существует несколько подходов к изучению тех или иных отдельных факторов. В данной статье понятие «фактор» трактуется как причина, движущая сила какого-либо совершающегося процесса, которая определяет его характер или отдельные его черты.

Факторы, характеризующие условия протекания научной деятельности, могут быть сгруппированы

в систему внешних политических, экономических, культурных и юридических регуляционных механизмов. Эта группа факторов может быть рассмотрена в качестве социокультурных, интегрирующих всю систему социальных отношений и культурных традиций общества¹.

Быстрое развитие научного знания, массовость исследовательской деятельности привели к формированию социальной организации науки, её внутринаучных социальных механизмов, социальной институционализации науки. Внутренняя социальность науки включает в себя отношения между структурами разного типа (академические институты, университеты, исследовательские учреждения и т. д.), процессы интеграции в цикле фундаментальные прикладные исследования общественная практика, новые организационно-управленческие механизмы, системы оценки научных результатов и научной квалификации, условия формирования учёного как члена научного коллектива, неформальные, межличностные отношения между научными работниками.

Влияние внутренней социальности проявляется как на уровне всего научного сообщества, так и на уровне научных коллективов, непосредственного взаимодействия учёных в процессе научной работы. Одновременно развивается само научное знание (коллективное и индивидуальное теоретическое мышление, логико-познавательная и экспериментальная деятельность), его дисциплинарная структура, логика научных идей, методология познания.

Центральное место в этой проблеме занимает вопрос социокультурной обусловленности развития науки и относительной самостоятельности динамики научного знания, аспекта научной деятельности. Действительно, возникновение новых перспективных научных направлений можно проанализировать с точки зрения логики развития науки, эволюции теоретического сознания учёных и тем самым осуществить историческую реконструкцию этого процесса. Но когда мы хотим раскрыть реальные механизмы и описать конкретный процесс развития научной деятельности, то здесь не обойтись без учёта значения и влияния и внешних социокультурных факторов, и внутренней социальности науки, и личностных качеств учёных, характеризующих их индивидуальные цели, ориентации, потребности и мотивы поведения.

В партийно-государственных решениях ЦК КПСС и Советского правительства 1950-х гг. о развитии науки так и не удалось преодолеть технократический подход. Командно-административные методы проведения в жизнь своих постановлений, наращивание научно-технического потенциала за счёт экстенсивных факторов, значительное увеличение количества научных работников, открытие большого числа новых институтов, завершило создание специфической «государственной», «организованной и иерархически построенной науки». В 1960-е гг. наука превратилась в относительно самостоятельную крупную отрасль, обладающую своими производственной и территориальной структурами, своими органами управления. Массовое распространение науки вширь, когда техническое совершенствование производства потребовало резкого увеличения объёмов проектно-конструкторских, исследовательских и экспериментальных разработок, началось с середины 1950-х гг. и длилось до начала 1960-х гг. За этот период создано в два раза больше научных учреждений, чем за предшествующие 8 лет. В 1963—1975 гг. темпы роста науки снизились и стабилизировались на уровне 7...8 процентов в год².

В трёх звеньях системы научной деятельности: академическая, отраслевая и вузовская наука — утвердилась жёсткая централизованная структура управления, копирующая систему руководства народным хозяйством. Если традиционное дисциплинарно-академическое развитие научного сообщества обеспечивает свободу исследований, норм научного обмена, поддерживает устойчивые межличностные отношения, то административно-бюрократическая организация науки по мере увеличения масштаба научной деятельности стала её сдерживать и привела к резкому снижению эффективности научного труда.

Вместе с тем ещё в первой половине 1950-х гг. компетентные учёные указывали, что главный для советской науки резерв — свобода творчества, организация науки по принципу общественной творческой организации. При этом обращалось внимание на ситуацию в академической науке, где отчёты об итогах деятельности академии фактически не обсуждались, обычно работала она по образцу министерско-бюрократического учреждения, руководящая деятельность Президиума в значительной мере являлась также бюрократической, а уровень научных дискуссий был низким. Об этих недостатках говорили при переизбрании Президента АН СССР на новый срок в октябре 1956 г. академики Л.А. Арцимович, Г.С. Ландсберг, И.Е. Тамм и др.³.

П.Л. Капица в докладе на собрании актива Академии наук и в своих статьях высказывал предложение объединить научную работу в высших учебных заведениях с работой Академии, поставить её под одно «идейное руководство». Ещё более современно звучит его предложение о необходимости

создавать проблемные научно-технические организации большого и малого масштабов, которые надо рассматривать не как постоянно существующие научные подразделения, но как созданные только на время решения проблемы, будь то на несколько месяцев или на несколько лет⁴. Однако эти предложения не были в должной мере осмыслены большинством его коллег по академии, равнодушно к ним отнеслось и высшее партийно-государственное руководство.

Партийно-государственная система руководства наукой оказала мощное воздействие на характер социальных, межличностных отношений в научном сообществе. Социальные отношения в науке по мере расширения исследовательской деятельности всё быстрее трансформируются под влиянием собственных закономерностей развития. Ключевым для понимания особенностей социальных отношений в научных учреждениях является анализ личных и групповых интересов, мотивов, целей, форм организации научных исследований, охраняющих того или иного руководителя, школу, направление. В целом деформации межличностных отношений оказались связанными с нарушением демократического механизма статусного и престижного стимулирования в науке.

Именно в послевоенный период в советской науке формируется влиятельная социальная группа — околonaучная бюрократия. Она начинает контролировать все каналы связи партийно-государственного руководства с научными организациями. Расслоение научных работников на исследователей и администраторов, а затем усиление последних приводит к возникновению бюрократической системы стимулирования в сфере науки. Основным её критерием становятся должностное место в иерархии и звание. Так, монополизация лысенковцами «мичуринской биологии» — это не только использование ошибочных взглядов одного человека, но, прежде всего социальное явление.

Внедрение в науку постулатов идеологической борьбы привело к «кадровой революции» и политизации научной деятельности, а формирование околonaучной бюрократии опиралось на монополизм руководителей централизованной науки. Многочисленные факты свидетельствуют, что люди, возглавляющие «авторитарные научные школы», решительно отвергают новации неформальных лидеров, имитируют «крупные научные результаты» и активно ведут борьбу с целью официального запрещения того или иного конкурирующего направления. Средства пресекать новые открытия в изобилии имелись, особенно в отраслевой науке.

Ориентация на подчинение науки практическим нуждам, требование управляемости предрешили такое организационное построение отраслевой науки, при котором научные учреждения подчинялись органам, руководящим производством. Такая орга-

низация отраслевой науки без особых изменений просуществовала с середины 1930-х до середины 1950-х гг.

В середине 1950-х гг. большинство отраслевых институтов перешло в ведение совнархозов. Доля общего числа научных кадров, приходящихся на отраслевой сектор, составила в 1950 г. 47, а в 1970 г. 72 процента. Научное обслуживание действующего производства превращало отраслевую науку в ведомственную. При этом качественные характеристики подготовки кадров в этом секторе науки были чрезвычайно низкими. В 1961 г. в 87 научно-исследовательских институтах Российской Федерации, подчинённых совнархозам, работники со степенями докторов и кандидатов наук составляли 5,8 % от их общего числа⁵.

Ведомственность порождает монопольное положение каждого института в своей подотрасли, при котором ему отдаются все новшества, адресованные данному производству. Однотипна и социально-культурная мотивация работающих в этих научных структурах. Руководители отраслевых институтов, являющиеся по статусу наиболее крупными учёными, вынуждены создавать впечатление об открытиях «высоко ранга», «новых, незаурядных научных результатах». В результате проводится масса экспериментов, нарастает число статей и диссертаций.

Важные научные достижения, сделанные рядовыми научными сотрудниками, рассматриваются в этой социокультурной обстановке как нарушение иерархии, как претензия их автора на руководящий пост. Так научные дискуссии наполняются страстями, эмоциями в защиту определённых номенклатурных привилегий. Внутри научного сообщества противостоят подобным типичным конфликтам организованной науки нечем. Поэтому десятилетиями мощь организованной науки, умноженная на мотив защиты руководящего поста, может противостоят использованию любых нововведений.

В 1963 г. геологические эксперименты подтвердили справедливость гипотезы о тектонике материковых плит, вскоре ставшей теоретической основой всех геологических наук. Советские геологи Н.С. Шатский, А.А. Богданов, А.В. Пейве, А.Л. Яншин к этому времени разработали собственное понимание тектоники древних платформ. Однако большинство советских геологов отказывалось более 15 лет признать эту теорию⁶. Как известно, нечто подобное происходило в кибернетике, биологии, космологии, психологии, в социологии и в других областях науки.

В организованной науке в большинстве случаев новая теория официально провозглашалась истинной директивными органами. В некоторых случаях авторитарные лидеры, способные предвидеть своё поражение, осуществляли медленный дрейф в сторону нововведения и наводняли его своими «трудами».

Исторически сложилось так, что научная работа в высших учебных заведениях находилась в подчи-

нённом положении у преподавательской деятельности. Постепенно высшая школа была полностью нацелена на массовую подготовку специалистов. В своём социальном и организационном развитии вузовская наука в целом повторяла путь, проделанный отраслевой наукой (планирование, хозрасчёт, интеграция с производством). По-прежнему оставались в силе противоречия социально-психологических установок: только научная работа делает преподавателя полноценным учёным либо исследовательская деятельность не обязательное дополнение к учебно-методической работе. В мировоззренческих установках вузовских преподавателей больше прослеживается учебно-воспитательный уклон, желание быть воспитателем, чем стремление к формированию у студентов навыков исследовательской работы и творческого мышления.

Деформации социальных отношений в науке выразились в том, что научное сообщество и потребители научно-технической продукции постепенно перестали участвовать в оценке работы научных коллективов. Ведомственность как органическая часть административно-бюрократического механизма управления наукой привела к использованию формальных оценок научной деятельности: степени, звания, количество опубликованных статей, печатных листов, выступлений на научных конференциях и т. п. На первый план выдвигаются исполнители, зачастую имитирующие активную деятельность, либо подбор и расстановка кадров по так называемым анкетным данным.

В течение длительного времени основной характеристикой развития научных кадров был их количественный рост. Если рассмотреть данные о числе научных работников, то обнаруживается их стабильное увеличение. В 1950 г. научных работников насчитывалось 162,5 тысячи человек. За 1950-е гг. численность научных кадров удвоилась. В дальнейшем особенно быстрый рост имел место в начале 1960-х гг., когда интенсивно шёл процесс создания новых научных учреждений (право открывать научные организации имели и совнархозы). За 1961—1965 гг. их было открыто почти столько же, сколько за все 50-е гг.

Статистика учёных степеней является пока единственной основой для анализа квалификационной структуры научных кадров на уровне страны и отдельных областей науки. Наивысшей доля докторов наук в общей численности учёных за весь рассматриваемый период была в 1950 г.: 5,1 процента (8,3 тысячи человек), а затем снизилась до 2,6 процента в 1975 г. (32,2 тысячи человек). Наибольший удельный вес кандидатов наук приходится на 1955 г.: 34,9 процента (78 тысяч человек). Позднее удельный вес кандидатов наук сокращается к 1975 г. до 26,7 процента (326,8 тысячи человек). Доля же работников без степени за весь период устойчиво росла и составила в 1975 г. 864,3 тысячи человек, или 70,4 процента⁷.

Регулирование профессиональной структуры научных кадров в значительной степени опиралось на планирование подготовки научных кадров в разрезе специальностей, что входило в компетенцию министерств и ведомств СССР и Советов Министров союзных республик. На уровне же государственного плана на тот или иной год задания разрабатывались и утверждались в разрезе областей науки. Государственный Комитет по науке и технике СССР, разрабатывая проекты государственных планов, основное внимание уделял увеличению подготовки научных кадров, прежде всего в таких областях наук, как технические, физико-математические, медицинские и некоторые другие.

В результате, число защищающих диссертации распределялось весьма неравномерно. Так, в 1976 г. в области технических, физико-математических и экономических наук защищено соответственно 718, 279 и 209 докторских диссертаций и 10 634, 3082 и 2775 кандидатских диссертаций, а в области биологических, исторических, юридических и психологических наук соответственно 267, 228, 57 и 22 докторских диссертаций и 1800, 1234, 370 и 112 кандидатских диссертаций.

В стране постоянно имелась несбалансированность спроса и предложения среди научных кадров по ряду специальностей: по одним специальностям наблюдался явный недостаток кадров (психология, юриспруденция), а по другим — устойчивое переизобилие (технические, физико-математические).

Обращает на себя внимание и существенное различие квалификационных характеристик различных отраслей науки. Особенно выделяются две отрасли: медицинские науки чрезвычайно высоким и технические науки весьма низким удельным весом кандидатов и докторов наук. Эти показатели в 1970 г. составили соответственно 63,6 процента и 15,9 процента (в 1986 г. 74 и 21 процент).

Задача изучения личностного аспекта развития научного сообщества выводит на проблему ролевых отношений в исследовательской деятельности. Законченной теории оптимального функционирования научного коллектива, опирающейся на опыт развития общественной организации труда, не существует. Отшумели дискуссии о том, является ли труд учёного по-прежнему сугубо индивидуальным или всё более коллективным. Сложилась общепринятая точка зрения о том, что научный труд имеет сложную диалектику личного и коллективного, удельный вес учёных, производящих весь цикл исследований полностью в одиночку, относительно мал, точно так же, как и удельный вес коллективных исследований, в которых на каком-то этапе не требуется индивидуальная творческая работа.

Особенностью социальной организации советской науки является полное доминирование «непосредственно коллективных» форм взаимодействия, когда учёный включен, прежде всего, в конкретный

научный коллектив и лишь затем — в сеть опосредованных научных связей и взаимодействий. Из возможных аспектов изучения социальной структуры научного коллектива наиболее интересным является анализ типологических ролевых функций учёных в ходе научного исследования.

Термин «учёный» — общее, абстрактное понятие. Основные конкретные разновидности (роли) этой профессии существенно отличаются друг от друга. Один из ведущих типов научного работника — талантливый учёный, способный вырабатывать качественно новые идеи («генератор идей»). По данным социологических исследований, даже в наиболее авторитетных научных коллективах к нему относится не более нескольких процентов учёных. Во многих научных коллективах представителей такого типа учёных нет совсем.

Высокопрестижный статус учёного — «генератора идей» опирается на создаваемый культ выдающихся деятелей науки прошлого, в результате сложилась соответствующая массовая ориентация общественного сознания. Между тем опыт показывает, что работников такого типа не нужно особенно много на коллектив. В противном случае получится «переизбыток идей», в субъективном плане возможно взаимное ожесточение носителей новых идей, ухудшение служебной атмосферы. По своему психическому складу «генератор идей» работает на пределе самоотдачи и требует от коллег того же. Однако для развития выдвинутых «общеконцептуальных идей» до уровня теории, как правило, требуется огромная работа, на которую сами «генераторы» не способны.

Возможно, производственные конфликты между академиками Н.Г. Басовым и А.М. Прохоровым, философами М.Н. Кедровым и М.Б. Митиным⁸, историками М.Я. Гефтером и Б.Ф. Поршневым⁹ во многом носили характер столкновения «генераторов идей», то есть были разновидностью глубоких теоретических разногласий. Поэтому следует стремиться к оптимальному сочетанию «генераторов идей» с научными работниками других, также важных типов. К числу последних относятся талантливый критик (модернизатор) новой научной информации и разработчик новой идеи (методолог-эрудит). Роль критика неблагоприятна, но абсолютно необходима для нормального функционирования и развития науки. Дельная критика превращает теоретический «полуфабрикат» в зрелую научную теорию.

Подавляющее большинство научных работников коллектива должно приходиться на разработчиков новой идеи. Эти работники могут быть и анализаторами новой информации, и синтезаторами разрозненных частей её в одно целое, и систематизаторами, которые приводят подобные совокупности в определённые системы и т. д. От работы каждого из них зависит, станет ли новая научная идея теорией,

пригодной для широкого использования на практике. Роль разработчика очень значительна для делового взаимодействия в научной группе. Носители этой роли неизбежно стремятся к устойчивым контактам с родственным типом работников.

Социологические исследования М.Г. Ярошевского и В.П. Карцева, проведённые в 1970-х гг. в проектных и исследовательских институтах, показали, что носители «конкурирующих» ролей практически всегда находились друг с другом в ситуации эмоционального «взаимоневыбора». Истинным субъектом научного творчества внутри научной группы является «ролевой ансамбль», состоящий из «генератора идей», «критика» и «разработчика-эрудита». Эксперименты показали высокий уровень работоспособности коллективов, составленных из носителей этих ролей¹⁰.

Исследования выявили и скромный статус «генератора идей» в научных коллективах, он со своим полётом мыслей не так уж и нужен в отраслевой лаборатории или отделе. На вопросы социологов эксперты отвечали: «Сейчас уже достаточно хороших теорий», «путь, по которому нужно идти, давно известен». Оказалось, что нет особой необходимости и в «критике». Его роль слишком слабо сочеталась с лозунгом дня: «Нужны работающие методики и действующие экспериментальные установки». А вот «разработчики-исполнители» прекрасно вписываются в действующий кодекс строителя науки. «Организаторы» науки в силу своего положения прекрасно чувствуют «злобу дня» и опираются в своей работе на котирующихся исполнителей, закрепляя тем самым существующий порядок функционирования коллективов. Таким образом, прагматическая модель научного коллектива является структурой, адаптирующейся к существующим условиям производства знания в реальной социокультурной обстановке. Она налагает ограничения на творческий потенциал коллективов, индивидуальные различия учёных остаются невостребованными и нереализованными. Приспособление научных коллективов к действительности организованной науки вырабатывает деформированные стереотипы научной деятельности. Дело осложняется тем, что на практике перечисленные типы научных работников очень редко встречаются в «идеальном» виде. В жизни у каждого учёного обычно имеется несколько более или менее развитых способностей перечисленных типов, и задача заключается в поддержании, стимулировании и развитии всего его творческого потенциала. Процесс формирования и социальной эволюции научных кадров связан не только с характером межличностных отношений и социальной организацией науки, но и с мотивами и ценностными установками учёных. Он также зависит от динамичности общественного духовного производства и восприимчивости социальной структуры к инновациям.

Вероятно, нет автоматического действия социального фактора вообще, его роль реализуется в контексте социокультурного процесса, то есть единства или противоречия социальных отношений и культуры. Культурный фактор обеспечивает перспективу развития социума, освоение личностью культурных ценностей, создание новых регулятивных норм духовной жизни.

Структура советской социокультурной жизни складывалась по принципам, присущим не западным цивилизациям. В её основе была идеологическая доктрина: «единственно верное учение», сопровождаемое обширными комментариями и догматикой; освящённые фигуры основателей и вождей; партия как организатор и вдохновитель всей идеологической жизни, руководитель социально-экономической сферы. Такая социокультурная система держала на себе всю совокупность духовного производства. Она утверждала стереотипы культуры и поведения в мировоззрении, образе жизни, языке, нормах поведения, желательных ценностях и перспективных идеалах¹². Всё это воплощалось в крупномасштабной системе идеологического воспитания, насаждалось через массовую культуру. Духовное пространство общества было обставлено предметными воплощениями персонифицированного вождя как надличностной реальности, придающей смысл каждой индивидуальной жизни. Изымались все произведения, которые могли восприниматься как идущие вразрез с официальной идеологией, культом партийного секретаря.

Важной частью авторитарной культуры выступала политическая мифология, ведущими темами которой были «строительство коммунизма», «единство партии и народа», «капитализм — отживший и обречённый строй», «слава КПСС» и т. д. При этом реальность подлежала не объективному осмыслению, а «правильной» трактовке. История подлежала интерпретации и переписыванию для приведения её в соответствие с принципами идеологии. Замалчивание и искажение действительности вели к распространению социального притворства и лицемерия.

Идеологический диктат опирался не только на стереотипы общественного сознания, но и на особое социокультурное мышление, личностную психологию, основными чертами, которых были идеологизация, этатизм, романтическая нацеленность на «светлое будущее» и слабый интерес к настоящему. Ментально-символические, подсознательные структуры сознания научных работников могут быть определены через стереотипы поведения, печатные работы, эпистолярную продукцию. Подробно эта проблема будет рассмотрена в специальной главе.

В 1950—1970-е гг. в советском научном сообществе нельзя не заметить находящуюся в «тени»

культуру инакомыслия и оппозиции, культуру «подполья» и культуру, «выдвинутую» за рубеж. Пробуждаются новые мировоззрение и мировосприятие, начинается борьба с авторитаризмом, переосмысливается роль личности, начинается прорыв к общечеловеческим ценностям, гуманизму. Учёные получают возможность черпать «культурную» энергию из лучших образцов отечественной и мировой культурных традиций, частично нейтрализовать действие авторитарных факторов социальных отношений. Эти обстоятельства привели к глубокому внутреннему разладу, «двойному сознанию», удивительной двойственности в мышлении и деятельности научных работников.

Таким образом, к основным особенностям социокультурного развития советского научного общества можно отнести следующие черты: сдерживающую роль партийно-государственной системы руководства наукой, идеологический диктат в отношении обществоведов и навязывание «общей» методологии учёным естественнонаучного направления, номенклатурный принцип осуществления кадровой политики, жёсткую централизацию и иерархичность организации всей научной деятельности, юридическую беззащитность учёных, монополизм, проявившийся в господстве отдельных авторитарных лидеров и школ, связанность научных работников личными отношениями различных типов, существование на индивидуальном уровне особого мышления и менталитета. Многие из этих тен-

денций научной жизни нарастали десятилетиями и всегда маскировались.

Примечания

¹ Козютинский, В.В. Социокультурные факторы динамики научного знания / В.В. Козютинский, В.С. Степин // Вопросы философии. — 1988. — № 7 — С. 65.

² Лахтин, Г.А. Организация советской науки: история и современность / Г.А. Лахтин. — М.: Наука, 1990. — С. 15.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф 5. Оп. 30. Д. 181. Л. 62—72.

⁴ Капица, П.Л. Эксперимент. Теория. Практика: статьи и выступления / П.Л. Капица. — М.: Наука, 1987 — С. 165, 168.

⁵ Архив Российской академии наук (Архив РАН) Ф 591. Оп. 1. Д. 980. Л. 15.

⁶ Шатский, Н.С. Портреты геологов / Н.С. Шатский. А.Л. Яншин. — М.: Наука, 1986. — С. 30, 40—41.

⁷ Научные кадры СССР: динамика и структура. — М.: Наука, 1991. — С. 66.

⁸ РГАНИ. Ф 5. Оп. 67. Д. 151. Л. 86—87.

⁹ История России: диалог российских и американских историков. — Саратов Изд-во СГУ, 1994. — С. 52, 57.

¹⁰ Емельянов, Е. Анализ структуры ролевых отношений в современных научных коллективах / Е. Емельянов, Е. Шипова // Вопросы социологии. — 1993. — № 1 — С. 158—159.

¹¹ Научные кадры СССР: динамика и структура. — С. 171—172.

¹² Ерасов, Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов. — М.: Наука, 2002. — С. 435—436.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ УРАЛА В XX ВЕКЕ

Экономическая активность, трудовая аскеза и мастерство, предпринимательство и коммерция были и остаются стержнем развития индустрии. При этом средства макроэкономической стабилизации способны лишь ускорить или затормозить ее прогресс. Не случайно реализация социальных целей, совершенствование социальных условий формирования человеческого капитала отнесены к главным направлениям современной государственной политики. Национальные проекты стали ответом властей на вызовы времени и являются ключевым элементом развития человеческого потенциала. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) с начала 1990-х гг. используется ООН в качестве интегрального показателя результатов функционирования социальной сферы и экономической динамики стран мира. Традиционно он объединяет индексы дохода, долголетия и образованности.

Задача статьи заключается в раскрытии роли субъекта индустриального развития Урала в XX веке, в определении динамики и составляющих интеллектуального потенциала Уральского региона, а также в выявлении значения высшей школы в накоплении знаний, их рациональном применении и наращивании человеческого капитала.

Человеческий капитал рассматривается автором, прежде всего, как социально-экономическая категория. В современной отечественной и зарубежной историографии представлена система оценок на роль и место его в общественной структуре, исследуются факторы и особенности его формирования и использования на различных уровнях экономического развития. В результате можно выделить две трактовки понятия, обозначающего человеческий капитал. Первая определяет его социальную значимость, характеризует общий уровень воспроизводства производительных сил человека в современном обществе. Второй подход акцентирует внимание на конкретных знаниях и навыках отдельного индивидуума для последующей реализации их в процессе экономической деятельности.

Человеческий капитал это знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культура труда¹. В соответствии с этим подходом можно выделить организационный капитал и клиентский капитал. Организационный капитал это, прежде всего процедуры и системы управления, программное обеспечение, оргструктура, патенты, бренды, корпоративная культура. Клиентский капитал (связи с кли-

ентами, информация о клиентах, история взаимоотношений с клиентами) составляют потребительский капитал.

В измерении цивилизационного масштаба речь идет о том, что глобальное соперничество из области финансово-промышленной и военно-технической перешло в область образования, науки, культуры и воспитания. Уровень развития человеческого капитала может рассматриваться и как характеристика социального развития страны (региона) и как критическое условие экономического развития России. Необходимость перехода к ускоренному росту удельной отдачи от наличного человеческого потенциала обостряет проблему его регионализации². Регионализация человеческого потенциала требует не только соответствующей концентрации ресурсов, но и осуществления комплекса мер по целенаправленному развитию всех его составляющих.

Дореволюционный, советский и современный периоды индустриального развития значительно различаются по отношению к человеку. В 1901—2001 гг. можно выделить несколько периодов таких господствующих отношений и рефлексии работников.

В начале XX века работные люди, мастеровое население, люди заводские — это рабочая сила. Сложный противоречивый характер процесса выделения рабочих в особую социальную группу на Урале во многом был обусловлен консервацией вплоть до 1917 г. окружной системы. Вместе с тем мастеровые уже сами утверждали, что не всякий кто обладает физической силой и умением трудиться, способен «выполнять огневую работу»³. Приоритет интеллектуального (управленческого) труда принадлежал предпринимателям, коммерсантам, инженерам и управляющим.

Миф о якобы отсталой в экономическом отношении России в начале XX века все еще господствует в общественном сознании. К таким мало обоснованным идеям относится и утверждение о том, что русское купечество не стремилось создать промышленный капитал и национальную индустрию. История развития индустрии и предпринимательства на Урале опровергает это мнение.

В XVII—XVIII вв. промышленное развитие Урала происходило благодаря огромной работе семейного бизнеса Демидовых и Строгановых. Только Акинфий Демидов построил на Урале 25 железнорудных и медных заводов. Первым на Урале совместным с иностранным капиталом предприяти-

ем было созданное в 1881 г. русско-бельгийское акционерное общество «Любимов и К^о», которое через два года организовало производство соды в Березниках. Тем самым И.Любимов, по существу положил начало развитию химической промышленности на Урале⁴. В первой четверти XIX купцы-староверы из Екатеринбурга А. Рязанов, А. Баландин и В. Казанцев организовали товарищество для отыскания и обработки, золотосодержащих руд, позже возникла знаменитая семейная фирма Ф. Подвинцева. Благодаря деятельности уральских золотодобытчиков Россия избавилась во внешнеторговых операциях от валютной иностранной зависимости и начала чеканить золотую монету. В начале XX в. на смену торговым домам Рязановых и Казанцевых пришли другие коммерсанты и предприниматели. Прежде всего, следует отметить предпринимателей Логиновых и деятельность торгового дома братьев Злоказовых.

В результате упорной борьбы В.И. Логинова с «железными королями» Урала он сам превратился в «главного спичечника Урала». Вначале спичечники пользовались отходами древесных складов металлургов. Позже горный департамент был вынужден разрешить продажу лесоматериалов. В 1898 г. вместе с купцом М.А. Ворожцовым В. Логинов основал акционерное общество спичечных фабрик, а в 1905 г. он уже самостоятельно открыл спичечную фабрику в Тюмене и стал крупнейшим производителем спичек в Урало-Сибирском регионе. В 1908 г. С.В. Логинов и томские промышленники создают Всероссийский синдикат «Русское общество спичечной торговли» (РОСТ)⁵.

В начале XX в. фирма «Братья Злоказовы» построила Воздвиженский хромпиковый и Полевской химический заводы. Основателем фирмы был каслинский купец Петр Злоказов, а первый значительный капитал семья получила от виноторговли. Злоказовы потеснили многочисленных соперников на рынке черных металлов, построив в Златоустовском уезде Никольский чугунолитейный завод, производивший литейный чугун, посуду, детали к железнодорожному транспорту, сельхозмашинам, паровым и водяным двигателям. Накануне первой мировой войны Николай и Сергей Злоказовы начинают возводить Исетский металлургический завод. Таким образом, Злоказовы осуществили диверсификацию производства, и перешли от виноторговли и производства сукна к металлургии.

Владелец Усть-Катавского, Катав-Ивановского и Юрюзаньского заводов князь С.Г. Белосельский-Белозерский стал инициатором акционирования своих заводов, строительства одноколейной железной дороги и цементного завода. В результате акционирования Усть-Катавского железоделательного завода и создания «Южно-Уральского анонимного металлургического общества» на его территории в 1899—1900 начинает работу вагоностроительный

завод. В 1914 г. Катав-Ивановский цементный завод выпустил первую партию высококачественного цемента. В 1900 г. Кыштымский округ также превратился в акционерное общество. Основным капитал составил более 11 миллионов рублей. Осуществляется переоборудование доменного цеха Верхне-Кыштымского завода, две литейные мастерские строятся на Каслинском заводе, на Нязепетровском заводе вошла в строй мартеновская печь⁶.

В целом купечество и предприниматели Южно-Уральских горных округов не имели больших капиталов. Из частных предприятий Катав-Ивановска наиболее известной была гвоздильная фабрика Н. Цыганова построенная за счет торгового капитала. На ней работало 50 наемных рабочих, кроме гвоздей выпускались петли, шпингалеты, ручки, скобы, шурупы. Сын Николая Цыганова А. Цыганов прошел обучение в Германии, стал технически грамотным специалистом и хорошим управленцем⁷.

Устойчивость всей окружной системе хозяйствования в конце XIX — начале XX вв. по-видимому, придавала патерналистская модель руководства. Главный управляющий округом имел почти неограниченные права и при строгом соблюдении обязанностей своими работниками гарантировал им целый ряд привилегий и достаточный уровень жизни. В округе функционировали доступные для работников школы, больницы, аптеки, библиотеки. Примером такого главного управляющего в начале XX в. был П.М. Карпинский.

История частных округов сохранила и другие примеры. Печальную известность чуть ли не во всей России имел владелец «Катав и Юрюзань-Ивановского горнозаводского округа» генерал И.О. Сухозанет. Однако патерналистский тип руководства казенными округами постепенно исчезает в первое десятилетие XX в. Наметившееся было участие простого человека в управлении хотя бы на местном уровне не успело развиваться. Мастерские часто не могли решить простые житейские вопросы даже у управляющего всеми заводами округа. К тому же делится прибылью полученной за счет новой техники многие владельцы заводов, и акционеры оказались не готовы. Эти противоречия реально усложняли социальные отношения и требовали их быстрого разрешения.

Таким образом, в начале XX в. на Урале было уже немало преуспевающих акционерных обществ. Их история может быть основой для выявления характерных черт успешной деятельности, опыта использования человеческого капитала. Предприниматели, коммерсанты, управители-инженеры, мастера были в эту эпоху носителями определенной культуры и определенных социальных отношений. Лидирующее руководство, готовность действовать, свобода и контроль, склонность к нововведениям, современный уровень управления, забота о работнике, приоритет потребителя — вот черты успеш-

ных торговых домов и предприятий. Октябрьские события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война смели всех купцов и предпринимателей горнозаводского края, индустриальное развитие от этого не ускорилося, да и жизнь в рабочих поселках в 1920-е годы богаче не стала.

В советскую эпоху в понимании труда можно выделить три этапа: отношение к труду как к трудовому ресурсу (1917—60-е гг.), второй — понимание роли субъекта как «человеческого фактора» (1970—80-е гг.). Наконец, с 1990-х гг. наметился выход на новую ступень — отношение к человеку как к суверенной личности (человеческий капитал). Рамки статьи не позволяют нам одинаково подробно проанализировать все эти этапы. Поэтому ограничимся лишь некоторыми положениями.

Советское руководство создавало систему трудовых отношений в соответствии с главной задачей — догнать и превзойти уровень капиталистических стран в промышленном производстве и, прежде всего в военных технологиях. Для решения этой задачи использовались как изощренная пропаганда так и внеэкономические и административно-принудительные методы. В 1940 г. была создана система государственных трудовых резервов. Профессиональные учебные заведения комплектовались путем мобилизации, их выпускники распределялись по предприятиям в централизованном порядке. Также был установлен порядок обязательного перераспределения инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие.

Термин «человеческий фактор» в экономической научно-популярной литературе начинает употребляться с 1970—80-х гг.⁸. Однако в официальных партийно-государственных документах нам не удалось найти пример использования этого термина до 1985 г. Только в докладе М.С. Горбачева на совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса (11 июня 1985 г.) было сказано о том, что решающим фактором всех перемен является — человеческий фактор⁹. В дальнейшем понятие «человеческий фактор» использовалось в основном в связи с постановкой проблемы ускорения научно-технического прогресса и «идейно-политического воспитания научно-технической интеллигенции»¹⁰.

В середине 1990-х гг. Правительство РФ начинает участвовать в Программе ООН (ПРООН), нацеленной на разработку концепции развития человека. Доклады о развитии человеческого потенциала в России становятся ежегодными. Динамика индексов развития человеческого потенциала в России за последнюю четверть XX века значительно менялась. Уральский регион демонстрирует весьма показательную динамику человеческого потенциала. В 1979—89 гг. происходил сравнительно устойчивый рост ИРЧП и всех его составляющих. В Свердловской области индекс вырос с 0,733 до

0,773, в Челябинской и Пермской областях соответственно с 0,741 до 0,779 и с 0,721 до 0,771¹¹. В 1989—1994 гг. происходит падение индекса человеческого потенциала, так как снижается индекс долголетия и материального благополучия, и лишь индекс образованности продолжал медленно повышаться. Повышение индекса человеческого потенциала начинается в середине 1990-х годов, однако, ни в одной из Уральских областей в 2001 г. он не достиг уровня 1989 г.

В Свердловской, Пермской, Челябинской областях ИРЧП в 2001 г. соответственно равнялся 0,745, 0,757, 0,756. Более высокого уровня ИРЧП добились регионы, сумевшие подкрепить высокий уровень образования, высоким уровнем материального благосостояния. При этом наблюдался сравнительно малодифференцированный уровень образованности.

Развитие человеческого потенциала во многом зависит от того, в какой мере люди занятые в различных секторах научно-образовательной сферы и производства, в ходе своей деятельности, могут использовать и передавать знания и основываться на них. Поэтому отношение общества к накоплению и развитию образования является важнейшим показателем социальной составляющей человеческого капитала.

Новая парадигма образования, наращивания интеллектуального капитала пока не стала составной частью государственной политики. Она оперирует старыми понятиями и использует не эффективные методы управления. Организационная структура человеческого капитала, науки и системы образования, а также их информационного обеспечения несут в себе черты прошлого. Главными нерешенными проблемами системы высшего образования остаются устаревшая структура специальностей и, соответственно, организационных подразделений, высокая доля заочного образования, огромное расширение платного приема на все формы обучения, преобладающая доля преподавателей пенсионного возраста, второстепенность научной работы, низкий уровень финансирования.

Одной из важнейших проблем научно-технического развития Уральского региона остается организация межотраслевых связей предприятий оборонных и гражданских отраслей. Предприятия военно-промышленного комплекса, как правило, были размещены во всех городах Урала, достигая в годы максимальной загрузки своих мощностей от до 80 % объема производства в хозяйстве соответствующих населенных пунктов. В программе конверсии Уральского региона (1995 г.) были выделены следующие приоритетные направления развития военно-промышленного комплекса: промышленная электроника, автоматика и электротехника; бытовая электроника и электротехника; средства связи и инфор-

матика; высокотехнологичные конструкционные материалы; оборудование и технологии для решения экологических проблем. Однако военно-промышленный комплекс Урала оставался в состоянии стагнации до 2001 г. Только значительное увеличение госзаказа вывело его из этой ситуации. В случае отсутствия новой парадигмы высокотехнологического и интеллектуального развития застой может возобновиться.

В Уральском регионе в течение длительного времени сохраняется техническая ориентация научных исследований и разработок. В Челябинской области в 1995 г. в сфере науки работало 16,8 тыс. человек, а в 2002 г. 20 тыс. научных работников¹². Из них 80 % специалистов научной сферы были заняты работами в области технических наук. В современных условиях необходим отбор научных и проектных разработок, навыков, и мировоззрения носителей интеллектуального ресурса. Иными словами изменение содержания человеческого капитала. Это и должно явиться основой перестройки структуры индустриального комплекса.

По данным ряда социологических исследований (2001 г.) наука, интеллектуальная деятельность в системе приоритетов не была доминирующей сферой, респонденты также были уверены в том, что наука не пользовалась материальной и моральной поддержкой властей и общественности. В связи с реализацией национального проекта «Образование» и предстоящими выборами в Государственную Думу и Президента РФ эти настроения могут измениться. Передовые российские индустриальные фирмы уже обладают достаточно большим интеллектуальным капиталом. Поэтому формируются условия для роста и человеческого капитала и позитивного отношения к этой задаче.

Негативные последствия старения населения, медленного использования новейших технологий пока могут быть смягчены только накоплением и использованием человеческого капитала. Социальная сфера обеспечивает не только расширение возможностей человеческого выбора, но и обес-

печивает устойчивость индустриального развития. Сегодня реализация социальных целей отнесена главным образом к компетенции регионов, вот почему совершенно необходимы региональные программы развития человеческого потенциала.

Примечания

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 116.

² Социальные проблемы устойчивого развития региона / под ред. Ф.С. Файзуллина. — Уфа: Гилем, 2005. — С. 126.

³ Коробков, Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XX — начало XX века) / Ю.Д. Коробков. — М.: Слово, 2003. — С. 85.

⁴ Предпринимательство на Урале: история и современность. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. — С. 25.

⁵ Екатеринбург. Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 238—239.

⁶ Рукоусев, Е.Ю. Кыштымский горный округ / Е.Ю. Рукоусев, С.В. Устьянцев. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. — С. 13.

⁷ Мукомолов, А.Ф. На Южно-уральских заводах / А.Ф. Мукомолов, Т.Ш. — М.: Территория, 2004. — С. 310.

⁸ См.: Костаков, В.Г. Человеческий фактор: занятость, благосостояние / В.Г. Костаков, В.М. Рутгайзер. — М.: Политиздат, 1981. — 80 с.

⁹ Горбачев, М.С. Коренной вопрос экономической политики партии / М.С. Горбачев. — М.: Политиздат, 1985. — С. 29.

¹⁰ Опенкин, Л.А. Активизация человеческого фактора — решающее условие ускорения научно-технического прогресса / Л.А. Опенкин // Кардинальное ускорение научно-технического прогресса — коренной вопрос экономической стратегии КПСС. — М.: Знание, 1987. — С. 51—63; Яновский, Р.Г. Человеческий фактор научно-технического прогресса / Р.Г. Яновский, В.Ф. Сбытов, Л.Н. Доброхотов. — М.: Политиздат, 1986. — С. 296—382 и др.

¹¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 159.

¹² Челябинской области — 70: стат. сб. — Челябинск: Челябиноблкомстат, 2004. — С. 460—461.

МИР БУДДИЙСКОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ (на материале коллекции Свердловского областного краеведческого музея)

В мире буддийского искусства скульптура всегда существовала как особое сакральное субпространство, созданное по строгим канонам в соответствии с сакральными ритуалами. Наибольшее развитие она получила в буддизме ваджраяны, получившего свое широкое распространение на территории Тибета, Монголии, Китая, Непала.

Согласно учению буддизма, существует два пути осуществления Будды как потенциальности в области изобразительных искусств: живопись и скульптура. Общие мифологические истоки проявлений Победителя отсылают нас ко времени пребывания на земле самого Будды Шакьямуни. Обращает на себя внимание различие мифологических легенд о происхождении скульптуры и живописных изображений: все опубликованные источники¹ обязательно приводят две легенды, касающиеся появления живописных и скульптурных изображений, что позволяет говорить об изначальной разделенности и самостоятельности этих видов искусства в лоне буддийской традиции.

Что касается живописных изображений, то согласно Дивьявадане, царь Рудраяна, или Удаяна, послал к Благоденному художников, чтобы написать его портрет, но из-за тщетности попыток живописцев Будда сам перенес свое подобие на холст².

Другая история повествует об ученике Татхагаты, который никак не мог уловить меру (божественные пропорции) Учителя, из-за сияния исходившего от него. Шакьямуни, в одном из вариантов легенды велел ему обрисовать свою тень³, в другом — встал на берегу реки, для того, чтобы ученики смогли запечатлеть его отражение в воде⁴. Трактат Лобсан-Данби-чжалцхана содержит легенду об образе Будды возникшем из лучей». Она связана с эпизодом, когда Будда «начертал» лучом свое изображение. Впоследствии оно было воспроизведено в красках художниками и по замечанию исследователей связано с иконографией ореола вокруг Будды и исходящих из его сердца лучей в ряде иконографических вариантов.

Как гласит легенда, искусство буддийской пластики также родилось во времена пребывания на земле Будды Шакьямуни (V в. до н. э.). Однажды Анатхапиндика пригласил Будду и его монахов принять с ним полуденную пищу. Когда Будда отклонил приглашение, богатый покровитель буддизма попросил Учителя воздвигнуть Его изображение из драгоценных металлов. Из сферы богов спустилась статуя, ее оплотненная форма была «совершенна в каждой детали». Скульптура стала известна как «Драгоцен-

ный Учитель». В другом варианте этой легенды говорится: когда Благословенный отлучился на небеса Траястримса, король Варанаси сделал сандаловое изображение Будды для своих личных молитв. Когда же Будда вновь снизошел в человеческую сферу из сферы богов, статуя сделала шесть шагов в приветствии. После этого, как гласит предание, Благословенный приказал ей: «Следуй в Китай, для того, чтобы освятить эту страну!» и статуя, известная как «Сандаловый Господь», перелетела по воздуху в Китай [трактат Гега Ламы, трактат Лобсан-Данби-чжалцхана, опубликованный К.М. Герасимовой, Ермаков, 1994; Ивановский, 1883 и т. д.]. Обратим внимание на то, что Будда в данном мифологическом сюжете фактически «одоухотворяет» косную материю скульптуры, и тем самым делает статую со-размерной себе (потому-то она и совершает «шаги» ему на встречу). Но главное — он наделяет статую сакральной функцией: «Следуй в Китай для того, чтобы освятить эту страну!» — т. е. пребывая там подобно мне, освяти мной это пространство. Будда преобразует пластическую материю, переструктурирует ее. В статуе проявляется «не-отличность» природы Благословенного и природы скульптуры. Ибо, как сказано в текстах «Будда может быть чем и кем угодно... и мостом и рекой...», и статуей в том числе, если это нужно для людей, идущих по пути Учения.

Согласно буддийской традиции, существует множество статуй пребывающих во «внешнем океане» или сфере богов, немало легенд и о «летающих статуях». Нужно отметить, что все сколько-нибудь старинные буддийские статуи имеют свою мифологическую историю, отсылающую либо к чудесным мастерам, которые их изготовили, либо к чудесному их «самопоявлению». Подчеркнем также особое место скульптуры (в частности образа Сандалового Будды) как источника, образца для распространения буддийского искусства в других странах⁵.

Многочисленность и главенствующее место скульптуры в храмах, существование принципиально скульптурного алтаря (как известно, преимущественно все алтари буддийских храмов — скульптурны), придает скульптуре среди всех видов и жанров буддийского искусства особое место. Практически каждая особо почитаемая статуя в странах северного буддизма имеет историю, отсылающую к ее «мистическому» появлению; многочисленны легенды о «летающих статуях»: о статуях передвигающихся по воздуху по велению Учителей.

Традиция изготовления буддийской металлической пластики истоками своими уходит в культуру древней Индии, где создание скульптуры приравнивалось к служению божеству или «накоплению благих заслуг», улучшающих последующее рождение художника и заказчика.

Такое отношение сохранялось и в последующие эпохи. Оно отражено, например, в тексте по теории искусства основателя школы гелугпа — Цзонхавы (1357—1419). Первая часть текста Цзонхавы — «Ясное восприятие тридцати пяти Будд, очищающих от греха» — носит иконографический характер, вторая — «Меры тел богов, называемая Зеркало, в котором прекрасно видно отражение Победителя» — иконометрический.

Скульптура изготавливалась преимущественно из бронзы сложного состава, в который входили металлы, обладающие сакральными свойствами: медь, цинк, свинец, золото, серебро и др. Она отливалась в благородной технике «утраченной восковой модели». Техника отливки подразумевала наличие полости, «внутреннего, невидимого тела» скульптуры. Отпечаток сакральной тайны лежал и на самом процессе литья, когда «в лоне глиняного кокона» (Э.В. Ганевская), в горниле очистительного огня совершалось преобразование материала. **Материалы**, участвовавшие в процессе создания металлической пластики по методу утеряннного воска — воск, глина и бронза несли на себе отблеск Абсолютной природы.

Бронза — материал концептуальный, в истории культуры многих народов этот материал стал олицетворением сакрального, ибо возникнув как сплав металлов, бронза проходит очищение или преобразование в «горниле огня». В древности считалось, что сложносоставные сплавы металлов (семи-, девятикомпонентные и т. д.) оказывают благотворное влияние на человека, т. к металл, также как и вода — является носителем информации, он способен проводить, регулировать определенный тип энергии и даже защищать. Рождение сплава металлов в «горниле Огненном» также подразумевало под Огнем — не просто состояние плазмы — пламя, раскаленную материю, но Огня незримого, источника силы, великой творящей энергии, позволяющей материи переходить из одного состояния в другое. Уже в Упанишадах встречаем понимание Огня — как мирообразующей структуры, где жертвенный Огонь выступает «тем из чего всё приходит и куда все уходит». Мастер, работающий с металлами также издревле наделялся особыми способностями проводника, если не Абсолютного, то — Высшего. В своей книге «Путь белых облаков. Буддист в Тибете» Лама Анагарика Говинда пишет: «Кузнецы связанные с огнем и металлом <...> всегда особо восприимчивы к воздействию психических сил, <...> возможно, что такова доисторическая традиция, уходящая еще в те времена, когда металл только нача-

ли добывать и новая эра человеческой истории только зарождалась. В древности считалось, что металл наделен магической силой, а те, кто добывал и обрабатывал его, владели магическим искусством. Генрих Циммер так говорит о «волшебном кузнице», освободившем мир от Каменного Века: «Герой, способный извлечь из камня железный меч, не обязательно великий воин, но всегда — могущественный волшебник, повелевающий духовными и материальными явлениями»⁶. Автор отмечает, что часто именно кузнецы, из поколения в поколение избирались божествами для изъяснения их воли.

Глина как второй компонент отливки также может быть рассмотрена сквозь призму претворения Абсолютного. Это материал, который с одной стороны во многих религиях ассоциировался с сотворением Первочеловека, с другой стороны — издревле использовался человечеством в медицине, и действительно имеет «живую» структуру, что справедливо может быть отнесено и к живому пчелиному воску.

Золотистый блеск скульптурной поверхности украшали гравировкой, чеканкой, инкрустировали драгоценными камнями, покрывали позолотой, раскрашивали.

Создание скульптуры, как много веков назад, так и в наше время, подчинялось строгому ритуалу. Перед художником стояла задача путем активизации своего духовного видения божества передать в произведении зримо возникший образ.

В тексте Цзонхавы процесс создания скульптуры как реализации «ясного восприятия» состоит из пяти этапов, которые связаны с определенным уровнем процесса и также в полной мере относятся и к тому, кто создает и к тому, кто воспринимает.

Перед процессом этапов «ясного восприятия» Учитель совершал обряд очищения места и материалов, а затем обряд медитации Манджушригхоши, Бодхисаттвы Мудрости, приглашая его войти в художника, который должен работать⁷. «Для обычных верующих предлагались иные пути. Вот как выглядят наставления в ритуале в одном из текстов, посвященных *Tape*: «Укрепив себя в намерении делать добро этому миру, поклоняющийся должен размышлять о форме богини *Tary*, которая отождествляется со Вселенной.

Далее он должен размышлять о желтом слоге, внутри которого находится Бхагавати (богиня, в данном случае *Tara*). Тот, кто неспособен к медитации, должен повторять мантру «ОМ ТАРЕ ТУПАРЕ ТУРЕ СВАХА» — это царица всех *мантр*, обладающая огромной силой. Ее приветствуют, ей поклоняются и ее почитают все *тантрагаты*» Таким образом, медитация может быть заменена механическим действием, имеющим в глазах верующего магическую силу. Точно так же продвинутый в искусстве мистик мог увидеть свое божество только при помощи силы сосредоточения. Тому, кто не развил

в себе таких способностей, требовалась опора — реальный предмет созерцания»⁸. Сам художник также должен был медитировать отождествляя себя с защитным божеством-покровителем. Для осуществления полного медитативного процесса необходимы были наставления учителя и постоянная практика, т. к. этот вид медитации предполагал практику идентификации-визуализации, отождествления себя с божеством, или как сказано в Тантре:

«Учитель имеет два и тридцать знаков
Также и все восемьдесят меньших признаков,
Поэтому метод постижения —
Принять форму Учителя»⁹

Итак, первый этап «ясного восприятия» называется «сотворить молитву» (тиб. «солдеп»). С этим этапом связаны мнемические функции. Повторение заданного текста предполагает восстановление в памяти заданного сюжета, поскольку в текстах такого рода указывается персонаж, его окружение и другие элементы, тем самым этот этап восстанавливает в памяти составные элементы сюжета и создает ритмическую основу предполагаемого изображения.

Второй этап «озаряться» (тиб. «нангба»). Этот этап является реакцией на восстановленный сюжет. Он предполагает создание мысленной схемы изображения, установления пространственной сетки изображения, которая является необходимым следствием ритма, т. е. ритм создает и контролирует схему, задавая тем самым композицию.

Третий этап «сосредотачиваться» (тиб. «джугпа»). Он предполагает момент сосредоточения на объекте, переход с одного уровня представления на другой, выражает состояние равновесия «при ясном восприятии».

Четвертый этап — «видеть», характеризуется окончательным формированием предполагаемого объекта изображения, его фиксацией сознанием.

Пятый этап — «реализовать». На этом этапе результаты индивидуального творчества, творческого процесса становятся доступными для других»¹⁰. Мы могли бы сказать, что на всех этапах «ясного восприятия» мастер включается в будущее произведение на уровне своих тонких энергетических, ментальных тел. Второй этап — «озарение» может быть рассмотрен как апогей, раскрытие мастера как сосуда, т. к. дальнейшие этапы — «сосредоточение», «видение» и «реализация» в полной мере зависят от «чистоты сосуда», т. е. внутренних духовных качеств мастера и его навыков и опыта работы с материалом.

В течение всего процесса создания художник должен был регулярно мыться и есть только постную пищу, получив соответствующие наставления, он должен был в течение всего многодневного процесса создания выполнять ежедневную медитацию

и произносить мантры божества, которое изображал.

Таким образом, мастер наполнял канон живым переживанием, оценивая через творческое постижение высших сфер и себя истинного.

По окончании творческого процесса, совершался обряд «открывания глаз» и ритуал «вдыхания жизни» в изображение, к которому допускались лишь духовно опытные ламы. Внутреннее поле пространство скульптуры освящалось ритуалом наполнения его священными вложениями. В зависимости от размера и будущего местопребывания статуи вкладывали «свернутые свитком» тексты Учения, мантры, а также священные реликвии, мощи святых. Статую закрывали специальной пластиной, как правило, с изображением ваджры. Распечатанная скульптура воспринималась как оскверненная, покинутая духом божества.

Пантеон буддийских божеств велик и разнообразен. Его состав описан в каноническом сборнике «Дерево собрания 300 изображений». Произведения из собрания Свердловского краеведческого музея включают образы основных групп божеств буддийской иерархии. Это Будды, бодхисаттвы, дхармапалы, идамы. Они входят в структуру алтарных композиций буддийских храмов и личных алтарей.

Большинство вещей относятся к XIX в., однако, несколько работ могут быть датированы XVI, XVIII вв. Наряду с типовыми образцами в коллекции представлены работы, отличающиеся высокой одухотворенностью образов и тонким художественным мастерством. Таковы Зеленая Тара (XVI в.) или Будда Амитабха (XVIII в.).

Произведения основной части коллекции Свердловского Краеведческого Музея относятся к ряду известных северо-буддийских художественных школ. Преобладают работы китайских мастеров XVIII—XIX веков. Их отличают своеобразные полноватые лица, особый разрез глаз, сравнительно крупные размеры рук и ног, заостренные силуэты лепестков корон. Непальская школа представлена немногочисленными, но изящными работами XVI и XVIII веков, с их ясной светозарностью скульптурной поверхности, тонкой проработкой деталей, богатой инкрустацией. Образец монгольской школы XIX века из Долоннора создан характерной для нее техникой выколотки. Обращает внимание тонкая живописность общего решения этой малой скульптурной формы.

Коллекция буддийской бронзы Свердловского областного краеведческого музея формировалась на основе единичных образцов фонда музея Уральского общества любителей естествознания, а также коллекции Свердловского антирелигиозного музея. Как свидетельствуют архивные документы, в 1946 г. антирелигиозный музей передал в фонды краеведческого музея пятьдесят одну бронзовую скульптуру из «буддийской ламаистской кумирни (храм — коллекция ламаистских божков и предметов ламаистского куль-

та, медных и бронзовых, вывезенных из Монголии и Тибета бывшим царским посланником Козел-Поклевским»». По всей видимости, речь идет о Станиславе Альфонсовиче Поклевском — Козелл (1868—1939(?)), действительном статском советнике, чиновнике Министерства иностранных дел, сотруднике ряда дипломатических миссий царской России (Персия, Япония), сыне известного золотопромышленника, одного из основателей асбестовой промышленности на Урале, мецената Альфонса Фомича Поклевского-Козелл (1809—1890). Коллекция буддийской бронзы составила важную часть восточного собрания музея. С 1961 г. ряд произведений были представлены на открытом хранении в одном из зданий музея (собор Александра Невского, ул. Зеленая Роща, 1). В конце 1980-х годов доктор исторических наук А.Г. Нестеров составил индивидуальную опись большинства скульптур. Она стала основой дальнейшей атрибуционной работы. С 1990-х годов музей активно использовал восточное собрание в различных выставочных проектах. В 2005 году автором данной статьи в соавторстве с О.А. Уроженко было выпущено иллюстрированное издание части коллекции. В нем были уточнены датировки, принадлежность скульптур к национальным художественным школам, сделаны атрибуционные уточнения.

Представая перед зрителем в музее, на далекой от вибраций буддизма, Уральской земле, это коллекция доносит до нас отблеск своего великого духовного предназначения: структурирования внешнего и внутреннего Мира человека, идущего по пути Красоты, Добра и Сострадания.

Примечания

¹ Трактат Цзонкапы (Огнева, Е.Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства / Е.Д. Огнева : Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1977. — С. 70. 1977); трактат Лобсан-Данби-чжалчхана () и др. работы.

² Буркхардт, Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы / Т. Буркхардт / пер. с англ. Н.П. Локман. — М. : Алетей, 1999.

³ Там же.

⁴ Гега Лама (Древнеиндийская философия. Начальный период. / пер. с санскр. В.В. Бродов. — М., 1972.; Бадмажапов, Ц.-Б.Б. Культурно-историческая типология образа Будды Шакьямуни. / Ц.-Б.Б. Бадмажапов. Дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 1998. — С. 85; Герасимова, К.М. Тибетский канон пропорций / К.М. Герасимова // Памятники эстетической мысли Востока. — Улан-Удэ, 1971.

⁵ Интересный анализ косвенного различия прижизненных образов живописи и скульптуры на основе анализа складок легендарного образа Сандалового Будды делает в своем исследовании Ц.Б. Бадмажапов.

⁶ Говинда, А. Путь белых облаков. Буддист в Тибете / А. Говинда. — М. : Сфера, 1997 — 448 с.

⁷ Огнева, Е.Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства / Е.Д. Огнева : Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1977. — С. 70.

⁸ Ганевская Э.В. Дубровин А.Д., Огнева Е.Д. Пять семей Будды: Металлическая скульптура северного буддизма IX—XIX вв. из собрания ГМВ. 2004 г. Еще раз отметим, что для буддизма характерно различное понимание места и роли изображения: если для обычного верующего оно выполняло роль объекта поклонения (бога) и *выполняло свои функции* подобно духу святому в христианской иконописи (В. Лепахин описывая этот процесс пишет: «Святой дух также связывает воедино икону-изображение и явление ей святого. Святой невидимо, но реально присутствует на своей иконе в Духе Святом, в Духе он слышит молитвы человека, и через Духа святого проистекают чудотворения от святых икон. В духе святом протекает молитва, с которой человек обращается к богу перед святой иконой, в Духе слышит молящийся и благодатный «ответ» иконы, т. е. самого Господа, Богородицы или святого» (Лепахин, В. Икона и иконичность / В. Лепахин. — СПб., 2002. — С. 52), для человека, следующего по пути Учения — опорой, напоминанием, толчком к раскрытию внутреннего подобного образа — а значит аспекта ума, для святого и вовсе стираются качественные различия между «изображением» и любым другим проявлением Абсолюта/Будды.

⁹ «Тантра в Тибете», 1977 — С. 89

¹⁰ Огнева, Е.Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства / Е.Д. Огнева : Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1977 — С. 70.

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА УРАЛА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАЯ В 20—30-е ГОДЫ ХХ ВЕКА

Город призван создавать благоприятные условия для удовлетворения все возраставших материально-бытовых потребностей народа, без чего немислимо развитие трудовой активности и творческих способностей общества. Состояние городского хозяйства напрямую оказывает влияние на уровень заболеваемости и смертности населения. Вот почему в период индустриализации по-новому встала проблема развития коммунального хозяйства. Оно должно было формироваться в соответствии с промышленным развитием региона, использовать новейшие достижения техники и технологии, сделать доступными коммунальные услуги всему населению.

Коммунальное хозяйство страны к началу индустриализации не удовлетворяло растущие потребности масс. Особенно тяжелое положение сложилось на Урале. За годы революционных потрясений и гражданской войны жилищно-коммунальный фонд городов пришел в негодность¹. Многие городские населенные пункты края не имели самых элементарных удобств. К 1928 г. водопроводы функционировали в 10 городах, что составляло 9,2 % поселений городского типа. При этом только 3 % домов были присоединены к водопроводу (по РСФСР — 9,1). Среднесуточная подача воды на человека в регионе составляла 12 л (по РСФСР — 25,2)².

В подавляющем большинстве уральских городов водоснабжение было местным — это открытые водоемы, колодцы, родники. Они постоянно подвергались загрязнению, что сказывалось на качестве воды. Кроме того, колодцы и родники были мелкими, вследствие чего часто не хватало воды. В Горнозаводском Урале, например, в Златоусте, несмотря на обилие источников с вполне доброкачественной водой на вершинах гор, по склонам которых располагался город, жители также пользовались водой, загрязненной бактериями. Причина этого в том, что слагающими породами гор были сланцы, имевшие вертикальные и горизонтальные трещины. По ним поверхностные воды проходили в источники колодцев без всякой фильтрации, неся с собой и нечистоты.

В середине 20-х годов канализация имела в двух уральских городах с ничтожным процентом домовых присоединений (2,3 %). В основном нечистоты вывозились ассенизационными обозами, количество которых у коммунальных служб города

было недостаточным. Население вынуждено было обращаться к частным ассенизаторам. Но их работа практически не поддавалась контролю со стороны санитарного надзора. В уральских городах не было прачечных, коммунальные бани удовлетворяли потребности населения только на 10 %³.

Крайне недостаточными были основные элементы внешнего благоустройства. При обследованиях городских населенных пунктов отмечалось загрязнение почвы нерационально устроенными надворными отхожими местами, не всегда удачным был выбор места под застройку, подолгу не убирался мусор у новостроек, несвоевременно сооружались вспомогательные помещения (надворные постройки, мусорные ямы и пр.).

При таком отсталом коммунальном хозяйстве санитарное состояние городов и рабочих поселков Урала было неудовлетворительным, что стало одной из причин массовых эпидемий тифа, холеры и других остроинфекционных заболеваний в начале 20-х годов. Но и в последующий период регион занимал одно из первых мест в Российской Федерации по общей смертности и заболеваемости населения. В 1927 г. на 1000 чел. число умерших в крае составило 32 чел. (по РСФСР — 25), число заболевших тифом, оспой и туберкулезом соответственно — 190 и 84 чел.⁴. Достаточно широкое распространение получили кишечные инфекции, дизентерия, малярия и брюшной тиф, то есть те заболевания, которые напрямую зависели от состояния городского хозяйства.

По инициативе УралЭКОСО еще в 1923 г. был разработан пятилетний план восстановления коммунального хозяйства региона. Он стал первым опытом подобного планирования не только в крае, но и в целом по РСФСР, поэтому не мог не иметь недостатка. В нем ставилась задача восстановления городского хозяйства без его дальнейшего развития. Особое внимание уделялось губернским центрам, а о новом градостроительстве говорилось вскользь⁵. В условиях развернувшейся индустриализации план требовал серьезных корректив.

Весной 1929 г. VII Уральский областной съезд Советов, учитывая сложившуюся диспропорцию в развитии промышленности и коммунального хозяйства, когда последнее превратилось в тормоз индустриализации края, особо подчеркнул необходимость решительных перемен в коммунальном хозяйстве. В

1928 г. был принят пятилетний план развития коммунального хозяйства Уральской области с капитальными вложениями на сумму 98,2 млн руб.⁶. Во второй пятилетке в данную отрасль было направлено уже 220 млн руб. или более чем в два раза больше, чем в первой пятилетке⁷.

Главное внимание при благоустройстве городов уделялось строительству водопровода и канализации, трамвайных путей. В первой пятилетке эти объекты получили первоочередное право на финансы, рабочую силу и стройматериалы. Для их сооружения в 1926 г. в Свердловске организуется акционерное общество «Коммустрой» с отделениями в крупных городах Урала. К середине 1930 г. в регионе начал функционировать трест «Уралсантехстрой». Создание специализированных организаций позволило сформировать производственные коллективы, повысить техническую оснащенность труда, развернуть крупномасштабные работы в коммунальном хозяйстве. Для оказания действенной помощи в сооружении транспортных коммуникаций при горсоветах были созданы комитеты содействия, в состав которых вошли представители партийных, советских и строительных организаций.

В годы первой пятилетки началось плановое сооружение водопровода и канализации в Березниках, Златоусте, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Перми, Свердловске и др. Одновременно в трех городах края (Свердловске, Перми, Челябинске) развернулись работы по строительству трамвайных линий. Во второй пятилетке работы по организации трамвайного движения велись уже в шести городах.

Сооружение транспортных, водопроводных и канализационных коммуникаций происходило в сложных условиях. Резкое увеличение капвложений в промышленное строительство обусловило диспропорции в народном хозяйстве и, в частности, негативно отразилось на строительстве коммунального хозяйства. Сокращение средств на коммунальные объекты привело к консервации строительства трамвайных линий в Перми и замедлению темпов их сооружения в других городах. В 1935 г. для пуска Златоустовского трамвая не хватало свыше 1194 тыс. руб.⁸.

С целью преодоления финансовых трудностей городские власти ввели в практику привлечение средств промышленных предприятий. В 1932 г. финансирование ветки Свердловск — УЗТМ осуществлялось Уралмашстроем, во второй пятилетке сооружение трамвайных линий в Нижнем Тагиле находилось в ведении металлургического комбината. Необходимые средства получали и путем перераспределения ассигнований в пользу основных коммунальныхстроек. К примеру, в 1936 г. в Перми были сокращены затраты на планировку города и возве-

дение прачечных, а освободившиеся средства были переброшены на строительство трамвая.

Коммунальные стройки испытывали острую нужду в стройматериалах и оборудовании из-за дисбаланса в экономике. Сооружение городских канализационных и водопроводных сетей Урала летом 1930 г. было обеспечено цементом на 23 %, известью — 10, лесом — 19, железом — 21 %. Еще больший дефицит ощущался в санитарно-техническом оборудовании. В 1930 г. потребность в водопроводных трубах по РСФСР была удовлетворена только на 39, канализационных — 14 %⁹. Это поставило под угрозу срыва сооружение водопровода в Лысьве и Нижнем Тагиле, канализации в Свердловске. Не хватало стройматериалов и на строительстве трамвайных линий.

С целью преодоления этих трудностей местные власти приняли решение начать изготовление оборудования для коммунальныхстроек на предприятиях Урала. В 1929 г. Златоустовский механический завод, а в 1934 г. Нижнетагильский завод «Механик» организовали выпуск чугунных и фасонных труб для объектов коммунального хозяйства. В 1931 г. рабочие ЧМКа изготовили металлические мачты, кронштейны для опор, рельсы, шпалы для трамвайных путей. В 1934 г. коллектив Златоустовского инструментального завода во внерабочее время выполнил все заказы «Трамвайстроя»¹⁰. Для ослабления дефицита санитарно-технического оборудования на стройках с декабря 1931 г. началось сооружение завода бетонных канализационных труб в Златоусте, в 1932 г. — предприятия по изготовлению керамических труб в Перми¹¹.

На Урале крупное коммунальное строительство развернулось в Челябинске. В постановлении ЦК ВКП (б) от 30 апреля 1931 г. «О ходе строительства Челябинского тракторного завода» указывалось на необходимость принять решительные меры по сооружению водопроводных и канализационных магистралей для своевременного пуска ЧТЗ¹². С целью контроля за ходом выполнения данного постановления в Челябинск выехала специальная правительственная комиссия во главе с председателем СНК РСФСР Д.Е. Сулимовым. «Коммустрой» г. Челябинска провел значительную работу по завершению объектов в срок. Для своевременной помощи строительству редакция журнала «Коммунальное дело» регулярно публиковала материалы о ходе работ, обращения к заводам — поставщикам стройматериалов об улучшении снабжениястроек, распространяла передовой опыт строительства.

Для своевременного завершения объектов коммунисты объявили август и сентябрь штурмовыми месяцами по водопроводным и канализационным работам. Строители работали в две смены, а в последнюю неделю по 18—20 часов в сутки. Руководите-

ли, инженерно-технические работники не оставляли строительство ни на час и оперативно решали все вопросы. Не хватало труб — и строители заменили проектные чугунные трубы железными. Не оказалось соединительных муфт — стыки труб стали соединять электросваркой. На Урале подобный метод строительства был применен впервые и получил высокую оценку общественности¹³. На строительстве канализации в связи с отсутствием пиломатериалов был применен метод открытых трапециевидных траншей, которые позволили работать без лесоматериалов и сократить потребность в рабочей силе. Во время строительства потребовались механизмы — на помощь пришел «Челябтракторострой», он выделил экскаватор¹⁴. В итоге в 1932 г. за несколько месяцев до пуска ЧТЗ городок тракторостроителей в Челябинске получил водопровод и канализацию.

При нарушении закона планомерно-пропорционального развития в народном хозяйстве командно-административные методы с использованием энтузиазма трудящихся явились тем средством, с помощью которого добились выполнения поставленных задач. Намеченные задания по сооружению трамвайных, водопроводных и канализационных коммуникаций в основном были выполнены. Городской трамвай был пущен 7 ноября 1929 г. в Свердловске и Перми, 1 января 1932 г. — Челябинске, в 1934 г. — Златоусте, 1935 г. — Магнитогорске, 1937 г. — Нижнем Тагиле. Всего к концу второй пятилетки механический транспорт имелся в шести городах региона с общей протяженностью трамвайного пути в 174,4 км. Удельный вес Урала в общем числе городов СССР, имевших трамвайное движение, возрос с нуля в 1928 г. до 6 % в 1932 г. и 8 % в 1937 г. Соответственно удельный вес края в общей длине одиночного трамвайного пути в Советском Союзе поднялся с 2,4 в 1932 г. до 4,4 % в 1937 г.¹⁵

Водопровод и канализация к концу реконструктивного периода были построены во всех крупных промышленных центрах Урала. Если в 1929 г. водопроводы имелись только в 10, в 1932 г. — 14, то в 1937 г. — 41 городе региона. Удельный вес края среди городов СССР, оснащенных водопроводом, поднялся с 3,4 в начале пятилетки до 10,6 % в конце второй¹⁶. За эти годы увеличилась длина распределительной сети в Магнитогорске и Челябинске в 2 раза, Златоусте — 1,6, Свердловске и Перми — в 1,4 раза. Выросло и число домовых присоединений.

Все это позволило увеличить количество потребления водопроводной воды. Если в 1931 г. на одного человека в сутки приходилось в Златоусте — 2 литра, Челябинске — 3, Перми — 16, Свердловске — 30 л, то в 1937 г. данная цифра по 11 водопроводам Свердловской области составила в среднем более 33 л, в том числе по Свердловску — 41, Пер-

ми — 36 л. Но это было меньше установленной в СССР нормы (100 л) и еще ниже потребления воды в крупных городах развитых капиталистических стран. В 1930 г. расход воды на одного жителя Берлина составил 153, Вены — 169, Парижа — 176 л¹⁷. Поэтому созданной разводящей уличной и домовый сети было недостаточно для удовлетворения запросов городского населения. Например, водопровод в Златоусте в 1935 г. обеспечивал водой только 25 — 30 % жителей, а остальные вынуждены были пользоваться водой из открытых источников — колодцев, ручьев, ключей¹⁸. Из-за старых труб небольшого диаметра водопроводная сеть не могла пропустить того количества воды, которую способны были дать насосные станции. Нехватка труб стала главной причиной того, что города имели только по одной водопроводной ветке, что мешало бесперебойному снабжению населения водой.

За годы первых пятилеток выросла канализационная сеть. Если в 1928 г. канализацию имели всего два города Урала, то в 1937 г. — 14. Удельный вес региона среди городов СССР, оснащенных канализацией, поднялся с 6,3 до 13,9 %¹⁹. Возросла длина канализационной сети, расширилось количество домовых присоединений. Вместе с тем оставался низким удельный вес населения, пользовавшегося канализацией. По Свердловской области в 1935 г. ее имели только 16 % домов²⁰. Такое же положение было и в Челябинской области.

Одним из основных показателей благоустройства городов являются хорошие дороги. К началу первой пятилетки дорожное хозяйство уральских городов влачило жалкое существование. Такие крупные промышленные центры, как Лысьва и Челябинск, имели всего по одной мощной улице. Несколько лучше было положение в Перми и Свердловске, насчитывавших в среднем по 45 км мощных дорог, но степень изношенности их превышала 50 %²¹. Отсутствие благоустроенных дорог, мощных улиц препятствовало развитию автобусного движения в городах.

Определенный поворот в дорожном строительстве на Урале наметился в начале 30-х годов, но основные работы были проведены в годы второй пятилетки. Для успешного ведения дорожного строительства были созданы специальные хозяйственные организации: в Свердловске — Управление благоустройством города, в Челябинске — отделение Уралдорстроя. Значительную помощь им оказали промышленные предприятия и население городов.

С целью улучшения качества выполненных работ и поднятия производительности труда во второй половине 30-х годов дорожное строительство велось специализированными бригадами землекопов, мостовщиков, асфальтировщиков. Начали ис-

пользоваться механизмы — грейдеры, тракторы, дорожные катки, гудронаторы. Однако машин было еще слишком мало, и они применялись в основном в крупных городах. Дорожное строительство осуществлялось с использованием местных строительных материалов. В Лысьве широкое применение получило мощение улиц цементом и шлаком. В Свердловске покрытие тротуаров изготовлялось из известной, газогенераторной смолы и земли²². В Магнитогорске гудрон для дорог получали из отходов местного производства²³. В годы второй пятилетки началось асфальтирование дорог, что стало возможным в связи с пуском в 1934 г. Челябинского завода холодного асфальта мощностью 300 т в сутки²⁴.

Создание и развитие дорожного хозяйства позволило улучшить благоустройство улиц и площадей городов Урала. Площадь замощенных улиц за годы первых пятилеток возросла в Лысьве с 5,8 до 8,0 %, Надеждинске — с 3,0 до 6,3, Нижнем Тагиле — с 6,3 до 15,8, Златоусте — с 5,3 до 17,0 %²⁵. В 1928 г. города региона не имели тротуаров с усовершенствованным покрытием, а в конце реконструктивного периода они составили 880,8 км, в том числе в 1936 г. было асфальтировано в Перми 37,5 % тротуаров, Свердловске — 25,8 %²⁶. Рост благоустройства городских дорог привел к развитию автобусного движения. Если в 1928 г. этот вид транспорта обслуживал только Свердловск, Пермь и Челябинск, то в 1937 г. — уже 12 городов Урала.

Благоустроенный город не мыслим без обилия зелени. Она сглаживает температурные колебания, очищает городской воздух от пыли, увлажняет его, уменьшает силу ветра, задерживает проникновение копоти и дыма от промышленных предприятий. Однако в середине 20-х годов в уральских городах почти отсутствовала зелень. В 1929 г. площадь зеленых насаждений составляла по отношению к жилой территории в Челябинске 0,4 %, Златоусте — 0,6, Перми — 0,9, Свердловске — 2,8 % при установленной Советским правительством норме в 10 %²⁷. В начале первой пятилетки работы по озеленению были незначительными. В 1931 г. в Свердловске был заложен парк культуры и отдыха, тогда же вокруг Свердловска и Магнитогорска начали создавать зеленые зоны.

Начало планомерного озеленения уральских городов относится к 1932 г. Для его организации в Свердловске был создан областной трест «Госзеленстрой» с отделениями в Березниках, Лысьве, Магнитогорске, Надеждинске, Нижнем Тагиле, Перми и Челябинске. С целью подготовки местной базы озеленения на рубеже двух пятилеток в уральских городах были заложены питомники и цветочные оранжереи по выращиванию посадочного материала. Для мобилизации широкой общественности в

1932 г. было создано областное добровольное общество «Друзей зеленых насаждений».

Основные работы по озеленению населенных пунктов развернулись в годы второй пятилетки. Именно в этот период советские и хозяйственные организации края поставили на повестку дня экологическую проблему охраны окружающей среды, особенно сохранения лесных массивов, очищения водоемов и воздушного пространства. В этом отношении выделяется 1934 г., когда впервые к озеленению городов региона была привлечена широкая общественность. Только в Свердловске озеленительные работы одновременно проводились на 40 улицах. Развернулось социалистическое соревнование. Коллектив УЗТМ вызвал на соревнование по озеленению шоссе «УЗТМ — город» жителей Свердловска и первым закончил работы на своем участке. Газета «Уральский рабочий» организовала соревнование промышленных предприятий города по оказанию эффективной помощи озеленению Свердловска²⁸. В результате проведенной массовой работы только за май 1934 г. было посажено 3,5 тыс. деревьев и 25 тыс. кустарников. Население города отработало на озеленении 15,5 тыс. человеко-дней²⁹.

При подведении итогов озеленения 1934 г. были вскрыты недостатки, в том числе слабая организация труда, низкий профессиональный уровень руководства, недооценка мероприятий по охране и уходу за растениями. Это привело к гибели в том же году до 20—30 % саженцев. Для ликвидации негативных явлений и организации целенаправленной работы по озеленению в 1934 г. в Свердловске была образована Уральская опытная станция сектора зеленого строительства Академии коммунального хозяйства при СНК РСФСР. Развернулась работа по подбору ассортимента растений, охране зеленых насаждений, была введена поливка растений, увеличились посадки деревьев и кустарников.

Важное значение в благоустройстве городов в реконструктивный период имели мероприятия по санитарной очистке городов. Начиная с 1931 г., в практику вошли массовые походы за чистоту населенных пунктов. Организовывались субботники по очистке площадей, улиц, скверов, дворов, производственных участков.

Большую роль в коммунальном строительстве сыграло социалистическое соревнование, развернувшееся в годы второй пятилетки и принявшее форму массового похода за благоустройство городов. Инициаторами его стали рабочие Горловки, выступившие с лозунгом: «Превратить наш город в образцовый культурный центр». Почин Донбасса подхватили трудящиеся Урала. В 1934 г. для изучения опыта горловских металлургов по инициативе Надеждинской городской газеты «Пролетарий» в Донбасс была на-

правлена группа рабочих и домохозяек. Жители Магнитогорска вызвали на соревнование по благоустройству городов Горловку и УЗТМ³⁰. Наибольший размах данное движение получило в 1935—1936 гг.

По инициативе трудящихся родилась новая форма привлечения населения к благоустройству — трудовой заем. Жители Надеждинска обязались отработать на благоустройстве города 300 тыс. трудовых дней, рабочие Кировграда — 416 тыс. трудовых дней. Подобные решения приняли трудящиеся Перми. В ходе соревнования горожан возникли самостоятельные организации — квартальные комитеты, возглавившие инициативу масс по упорядочению и развитию городского хозяйства. Осенью 1935 г. в городах Свердловской области их насчитывалось 1688 с охватом свыше 10 тыс. чел.³¹

Новые и реконструированные города призваны были создать благоприятные условия для работы и быта людей, для облегчения домашнего труда и высвобождения дополнительных рук для общественного производства. В этом отношении особую роль играли коммунальные предприятия, прежде всего бани и прачечные. Они также способны были улучшить гигиеническое состояние горожан, поднять общую культуру. А это, в свою очередь, отражалось на заболеваемости населения.

Однако в начале первой пятилетки бани были только в 10 городах и имели малую пропускную способность. Даже в таком крупном центре как Свердловск потребность в банях была удовлетворена на 40 %³². В результате коммунального строительства в 1933 г. бани имели 27 городов края, а к концу реконструктивного периода на 20 городов Свердловской области приходилось 26 коммунальных бань³³, на 11 городов Челябинской области — 21 баня³⁴. Значительно выросла их пропускная способность.

В эти годы появились и прачечные. Первая механизированная прачечная открылась в 1930 г. в Магнитогорске и очень быстро получила признание³⁵. Затем они были организованы в Свердловске, Перми, Челябинске, Златоусте и других городах.

В целом в результате становления и развития коммунального хозяйства к концу 30-х годов XX века уральские города уже обладали определенными элементами материальной культуры: водопроводом, канализацией, транспортом, зелеными насаждениями, коммунальными предприятиями и пр.

Это стало основой для значительного улучшения санитарного состояния городов и повышения культуры быта горожан, что в конечном итоге сказалось на уровне заболеваемости и смертности населения. Если коэффициент смертности уральских горожан в 1924 г. составил 28,5 %, то в 1939 г. он снизился в городах Свердловской области до 21,7 %, в городах Челябинской области — до 23,4 %³⁵.

Примечания

¹ Нарский, И. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России / И. Нарский // Родина. — 2001. — № 11. — С. 74—77.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 479. Л. 177.

³ Там же

⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1973. Л. 246.

⁵ Нейштадт, А. Восстановление и развитие коммунального хозяйства на Урале / А. Нейштадт // Хозяйство Урала: Политико-экономический журнал Уралоблисполкома. — 1926. — № 15—16. — С. 141.

⁶ Коммунальное дело: Орган Главного Управления Коммунального Хозяйства НКВД. — 1928. — № 9 — С. 93—95.

⁷ Подсчитано по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет: Основные показатели. — Свердловск: УралоблУНХУ, 1932. — С. 33., ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Л. 40; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 191. Л. 145 об.

⁹ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2434. Л. 109.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 8. Д. 3219. Л. 9; ЗАО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 15. Л. 65.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 528. Л. 202; ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 160. Л. 65.

¹² Справочник партийного работника. — М.: Партиздат, 1934. — Вып. 8. — С. 463.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 30. Л. 81; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2917. Л. 3.

¹⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2919. Л. 17—19; Д. 3249. Л. 17.

¹⁵ Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. — М.: Союзоргучет, 1934. — С. 437; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. — М.: Госпланиздат, 1939. — С. 110; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 135.

¹⁶ Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. — М.: Союзоргучет, 1934. — С. 437; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. — М.: Госпланиздат, 1939. — С. 110; ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 15. Д. 161. Л. 4.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 4041. Оп. 3. Д. 629. Л. 2; Ф. 7544. Оп. 1. Д. 232. Л. 25.

¹⁸ Рухадзе, А.К. Индустрия Южного Урала / А.К. Рухадзе, В.Ф. Рудаков. — М.: Сов. Россия, 1962. — С. 29.

¹⁹ Подсчитано по: Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. — М.: Союзоргучет, 1934. — С. 437; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. — М.: Госпланиздат, 1939. — С. 110; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 479. Л. 177; Д. 639. Л. 4.

²⁰ Хозяйство Свердловской области, 1935—1936: Основные показатели. — Свердловск: Изд. Свердловского облУНХУ, 1936. — С. 215.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 692. Л. 387, 389

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 627. Л. 2.

²³ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 381. Л. 12.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-379. Оп. 2. Д. 48. Л. 19

²⁵ Подсчитано по: Коммунальное хозяйство Урала: Итоги переписи коммунальных предприятий и городского благоустройства 1932 г. — Свердловск : Урал. областное Управление коммунал. хоз-ва, 1933. — С. 70—71, ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 616. Л. 4.

²⁶ ГАСО. Ф. 1942. Оп. 1. Д. 335. Л. 99.

²⁷ За социалистическую реконструкцию городов: Орган Всесоюзного Совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР и Наркомхоза РСФСР — 1932. — № 7—8. — С. 13.

²⁸ Уральский рабочий: Орган Свердловского обкома ВКП (б) и облисполкома. — 1934. — 18 мая.

²⁹ ЦДОССО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 19. Л. 37; Д. 365. Л. 95.

³⁰ Уральский рабочий. — 1933. — 15 нояб.; 1934. — 28 мая.

³¹ ГАСО. Ф. 1942. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

³² Хозяйственное и культурное строительство на Урале. — Свердловск. Уралплан, 1934. — С. 179.

³³ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 74. Л. 19

³⁴ Челябинская область: Краткий статистико-экономический справочник. — Челябинск: Челябинский рабочий. 1941. — С. 61.

³⁵ Журавлева, В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20—30-е годы XX века / В.А. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Сер «Социально-гуманитарные науки». — Челябинск. Изд-во ЮУрГУ, 2005. — № 7 (47). — С. 34—35.

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ЗЛАТОУСТОВСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Челябинской области, проект № 06-04-85408 а/У*

Златоустовский завод — один из крупных промышленных центров на Южном Урале, где с организацией в первой половине XIX века фабрики «дела белого оружия», открытой при заводе, было сосредоточено важное отечественное производство — оружейное¹. Специалисты-оружейники, скульпторы, художники, гравёры создавали наряду со строевым, Высочайше утвержденным, также и украшенное оружие. В условиях промышленного производства получил развитие уникальный вид прикладного искусства, начался процесс формирования основ Златоустовской оружейной школы². При заводе была организована чертежная мастерская, которая в первой половине века действовала как школа художественного образования и эстетического воспитания местных художников-гравёров, одаренные ученики которой обучались в Академии художеств³. Старанием заводских художников искусство златоустовского холодного украшенного оружия было поднято на небывалую высоту, а имена талантливых воспитанников Оружейной фабрики — академиков П.П. Уткина³ и И.А. Чукмасова украсили Олимп Императорской Академии художеств. Впервые имена первых учеников цеха вытравки и позолоты — пенсионеров Академии художеств были представлены в монографии искусствоведа М.Д. Глинкина⁴.

Уместно заметить, что вопрос подготовки квалифицированных кадров для нужд уникального производства во второй половине XIX века прежде не рассматривался исследователями и оставался без внимания. Данная проблема весьма актуальна в настоящее время в силу особого внимания к искусству художественного металла Златоуста, подготовки специалистов в области декоративно-прикладного искусства. Надо отдать должное труду М.Д. Глинкина, который опубликовал краткие сведения о четырех стипендиатах Златоустовских заводов рассматриваемого периода, получивших подготовку в Строгановском училище⁴. На данном, начальном, этапе изучения темы, нами были выявлены новые ранее не опубликованные архивные материалы фонда Главной конторы Златоустовских заводов Златоустовского горного округа (ЗГАО), установлено, что обучение в качестве стипендиатов с 1894 по 1916 год прошли одиннадцать вос-

питанников Златоустовских горных заводов, в основном, Златоустовского завода. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения.

В середине XIX века принципы чистого академического искусства стали подвергаться критике, в обществе назрела потребность теснее связать произведения искусства с реальной жизнью. Академическое обучение прикладников в стенах Академии художеств уже не отвечало нуждам и потребностям растущей художественной промышленности, более того, промышленная революция вызвала потребность в специалистах с художественно-промышленным образованием. Еще в 1846 году Совет Академии художеств подробно разбирал проблемы подготовки художников для промышленности и с сожалением отмечал, что закрыты классы «мастерств» и ремесел, результатом чего явился «ощущаемый в России недостаток как в ведущих мастерах, так и во вкусе произведений Русских Мануфактур»⁵.

Златоустовская оружейная фабрика, как и все предприятия горного округа, пережила кризис, связанный с реформой 1861 года. Заказы на украшенное и форменное оружие в тот период были незначительны. Замечательные оружейные мастера, художники-гравёры и специалисты, участвовавшие в первой половине века вместе с И.Н. Бушуевым и И.П. Бояршиновым в создании так называемого «Древнего вооружения» и других шедевров оружейного искусства, ныне были отлучены от творчества, теряли квалификацию, выполняя в цехах чисто механическую работу; прерывалась связь времен, нарушался принцип преемственности поколений в передаче традиций Златоустовской оружейной школы. В таких условиях, естественно, и процесс обучения способных «мастерских» детей, выходцев из среды рабочих Златоустовского завода и Оружейной фабрики, их профессиональной подготовки, также приостановился.

В середине 1870-х годов управители горных заводов Златоустовского округа забили тревогу, поскольку горный Департамент вновь увеличил число заказов на украшенное оружие, участились частные заказы на разного рода художественные предметы, но «академических» художников на заводах к тому времени уже не было. Управитель Златоус-

товских горных заводов испытывал «крайнюю необходимость иметь на управляемых» им предприятиях «для художественно-промышленных производств рисовальщиков и скульпторов с специальным образованием»⁶. Оружейная фабрика Златоустовского завода и Кусинский завод, «встречая крайнюю необходимость в лепщиках, поскольку мастеров этого дела совсем нет на Урале», просили, для «успеха работ по приготовлению» кабинетных вещей, наиболее способных учеников, «ныне приучающиеся» к рисованию, резьбе по дереву и лепным работам, определить в школу для обучения резьбе и лепным работам⁷. Действительно, цех украшений Оружейной фабрики нуждался в рисовальщиках, гравёрах и специалистах, владеющих технологией и имеющих практический навык художественной обработки различных материалов, металла, в первую очередь. Кусинский чугунолитейный завод, известный качественным металлом и изделиями художественного литья, не мог обеспечить производство специалистами-лепщиками «для приготовления моделей на отливку кабинетных вещей»⁸. Надо заметить, что недостаток подготовленных кадров завод испытывал уже давно, поскольку в отчетах предреформенного периода 1851—1856 годов уже отсутствовали сведения о выпуске художественного чугунного литья⁹.

В середине XIX века высшим учебным заведением, аккумулирующим творческие силы мастеров прикладного искусства, была школа технического рисования, открытая в Москве в 1825 году графом С.Г. Строгановым¹⁰. Однако горный Департамент рекомендовал «поместить» несколько способных учеников «на казенный счет» заводов Златоустовского горного округа в училище барона Штиглица, поскольку оно также «имеет целью образование рисовальщиков, живописцев и скульпторов для надобностей художественно-промышленных производств»¹¹. Кроме того, выпускает учителей рисования и черчения для средних и низших учебных заведений и, тем самым, содействует развитию художественных способностей рабочих и ремесленников¹². Современники свидетельствовали, что учреждаемая в Санкт-Петербурге А.Л. Штиглицем школа «вызвала из среды народа много талантов, которые без нее могли бы остаться не пробужденными и незамеченными»¹³.

Однако, условия приема воспитанников горных казенных заводов в Строгановское училище технического рисования выгодно отличались от предлагаемых учебным заведением барона Штиглица. Сопоставив также программы подготовки будущих стипендиатов заводов, управитель Златоустовского округа принял решение «поместить» способных подростков все-таки в московское училище. При-

нятые ученики, как записано в § 23 Устава Строгановского училища, «разделяются на учеников и любителей рисовального искусства», плата при этом за учеников составляет 18 рублей в год, за «любителей» же в трех младших классах — 30 рублей, а в старших — 50 рублей в год¹⁴. Московское школа открывала двери для талантливой молодежи из глубинки, среди которых были даже не окончившие курса ни в каком учебном заведении, но их принимали «в качестве любителей» рисования (вольнотружателей), позволяя пройти курс художественных предметов. Такие студенты, имеющие способности к рисованию, должны пробыть в училище не более пяти лет, чтобы приобрести знания, как требуется для применения их на заводах промышленного Урала¹⁵. Методика преподавания рисунка в Строгановском училище считалась наиболее продуманной. В училище барона Штиглица зачисляли учеников только «приходящих»¹⁶, что для представителей уральского завода было также неприемлемо. Тогда как при московском училище технического рисования в 1892 году предполагалось открыть пансион для воспитанников, где могли бы остановиться и златоустовские мальчишки-стипендиаты. Для поступления в Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище требовалось пройти конкурсный экзамен. К испытанию по общеобразовательным предметам и черчению допускались лишь выдержавшие успешно экзамен по рисованию.

В столицу решено было направить воспитанников трех крупных заводов горного округа. От Златоустовского завода: ученика чертежной, сына чиновника Владимира Гордеева, 23 лет, окончившего городское училище и ученика украшенного цеха Оружейной фабрики, сына обывателя, Федора Васенина, 17 лет. Миасский завод направил ученика украшенного цеха Оружейной фабрики, сына обывателя Егора Зайцева, 14 лет. Ученика столярного цеха, окончившего курс наук в заводском училище в 1888 году, сына обывателя Александра Авладеева, 16 лет, рекомендовал управитель Кусинского завода¹⁷. По «летам» своим молодые люди никак не соответствовали требованиям для поступления в число учеников первого класса Строгановского училища, но, в виде исключения, им было разрешено приступить к занятиям «в качестве любителей рисовального искусства»¹⁸.

Поскольку администрация заводов Златоустовского горного округа не оставляла без присмотра своих воспитанников, то для сопровождения и устройства подростков командировочное удостоверение было выписано также мастеру украшенного цеха Оружейной фабрики Якову Даниловичу Варламову¹⁹. Ранее, в 1882 году, Я.Д. Варламов уже бывал в

Москве, когда там работала художественно-промышленная выставка²⁰, затем, «отбыл» в Петербург, где занимался в Публичной библиотеке и в Рисовальной школе Общества Поощрения Художеств «с целью изучения правильного и новейшего стиля узоров на клинках»²¹.

К моменту второй командировки в качестве сопровождающего стипендиатов в Москву Яков Данилович в течение семи лет руководил украшенным цехом. Инициативный и любознательный Варламов самостоятельно внес изменение в процесс гальванопластики или, как извещал руководство завода и фабрики горный инженер М. Бисарнов, «сделал усовершенствование в гальванопластических золотых ваннах», которое принесло заводу значительную экономию такого дорогостоящего материала как золото²². Известно, что Я.Д. Варламова пробовал силы в составлении эскизов будущих изделий²³. Как видим, он был личностью незаурядной, творческой и, несомненно, является одним из ярких представителей Златоустовской оружейной школы второй половины XIX века.

Получив командировку для устройства учеников в Москве, мастер Варламов изъявил желание проехать в северную столицу и прослушать там двухнедельный курс «Гальванической школы для фабрикантов» в заведении Крюгера²⁴. Администрация не возражала, тем более, что из Петербурга Яков Данилович привез для мастеров, занятых украшением холодного оружия, «полезные образцы», гравюрные резцы и иной необходимый в работе инструмент²⁵.

Вид на свободный проезд от Златоуст до Москва Я.Д. Варламов получил 20 августа 1894 года, а месяц спустя, директор Строгановского училища Ф.Ф. Львов, извещал горного начальника Златоустовских заводов о том, что «препровожденные ученики Гордеев, Авладеев (так в оригинале — С. К.), Зайцев и Васенин были подвергнуты испытанию по рисованию»²⁶. Результаты, как и успехи претендентов, были неравнозначны. Так, Владимир Гордеев показал неплохие знания в общеобразовательных предметах и мог быть принят «в ученики» третьего класса Строгановского училища. Александр Авладеев проявил способности к скульптуре, чем «из числа своих товарищей выделяется и должен быть обучаем исключительно лепке и скульптуре»²⁷.

Что же касается Егора Зайцева и Федора Васенина, то оба оказались слабее первых двух стипендиатов и «по образованию стоят ниже программы», требуемой от поступающих в избранное училище. Более того, не выявив художественных наклонностей последних и не зная намерений администрации Златоустовского завода и Оружейной фабрики «касательно будущего молодых людей», Ф.Ф. Львов пребывал в затруднительном положении, поскольку

ку «вести их одинаково невозможно»²⁸. Вопрос был решен, и по прошествии пяти лет златоустовские стипендиаты были выпущены из «состоящего под августейшим покровительством» Ея Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Федоровны Императорского Центрального художественно-промышленного училища и художественно-промышленного музея Императора Александра II в Москве. Три свидетельства за №№ 1143, 1144, 1145 о прохождении обучения «сих лиц в качестве любителей рисования в Строгановском Центральном училище технического рисования и о прохождении ими курса художественных предметов» в июне 1901 года были высланы в адрес Горного начальника Златоустовских заводов и директора Оружейной фабрики²⁹.

К сожалению, одаренный, подававший большие надежды в скульптуре, Александр Авладеев не завершил образование в художественном училище, так как в 1895 году он умер «от болезни воспаления мозга»³⁰, оставив нереализованными собственные и рекомендовавшего его управителя Кусинского завода проекты. Он ушел из жизни так же рано, как в 1827 году талантливый гравёр-художник Ефим Бушуев³¹, не окончивший курса в Императорской Академии художеств.

Старшим по возрасту, более опытным и образованным среди первых стипендиатов Строгановского училища был сын чиновника Владимир Гордеев, который окончил городское училище и до 1893 года работал учеником-чертежником на Златоустовском заводе. Как и его младшие товарищи, в 1894—1899 годы постигал азы технического рисования в стенах известного училища, где, безусловно, испытал влияние творчества столичных живописцев. Дело в том, в связи с утверждением иных направлений в развитии прикладного искусства, с осени 1898 года в учебную программу Строгановского училища были введены два новых предмета: «Изучение стилей» и «Стилизация цветов». Натуралистический метод изображений сменил декоративный, что требовало от будущих специалистов выработки умения обобщенной подачи видимого и известной условности³². Нельзя исключить факт, что златоустовскому стипендиату посчастливилось пройти курс такого мастера стилизации, как М. Врубель, который в те годы преподавал две новых дисциплины «Стилизация растений» (возможно, «Стилизация цветов» — С. К.) и «Упражнения в стилизации»³³. С 1900 года выпускник В. Гордеев избрал стезю рисовальщика орнаментов, составителя рисунков для техники вытравки и позолоты в украшенном цехе Златоустовской оружейной фабрики. Уместно отметить, что именно В.В. Гордеев вошел в историю Златоустовской школы художественного металла как один из активных проводников стиля модерн. От-

давая дань моде того времени, орнаменты Владимира Васильевич строились на так называемых «стилях»: «древнерусском», «персидском», «ренессанс» и других, но при этом известны его орнаментальные композиции на темы уральской флоры³⁴.

В орнаментальных композициях, составленных Владимиром Гордеевым в начале XX века, ясно читаются мотивы модерн, выражающих романтическую, сказочность неорусской версии стиля. Одним из ярких проявлений «стилей» в творчестве В.В. Гордеева, полагаем, можно считать эскиз 1901 года убранства подарочного меча негусу Абиссинскому Менелику II³⁵ и эскизы 1906 года орнаментов для вытравки на клинках³⁶.

Федор Осипович Васенин пятнадцатилетним подростком поступил на Оружейную фабрику учеником гравера. В 1891—1894 годы он считался одним из лучших учеников цеха украшений. Стипендиатом Златоустовских горных заводов прошел в Москве подготовку в Строгановском училище, где нашел мудрых педагогов и грамотных наставников-художников. Получив свидетельство об окончании обучения, Федор Васенин возвращается в Златоуст. До закрытия цеха украшений в 1909 году работал рисовальщиком на Оружейной фабрике, принимал участие в составлении рисунков для украшения оружия³⁷.

Однако, по утверждению исследователя Л.П. Байнова³⁸, Ф.О. Васенин «с 1899 года до конца жизни работал на Кусинском заводе старшим мастером цеха художественного литья»³⁹. Возможно, не прерывая связи с оружейным делом, и для поддержания на должном уровне развитие искусства художественного чугунного литья, он некоторое время и работал на заводе, входившем в Златоустовский горный казенный округ. Известно, что скульптор Ф. Васенин автор двадцати двух моделей произведений декоративно-прикладного искусства, которые уже в XX веке Кусинский завод выпускал массовым тиражом. По его эскизам выполнен ряд оригинальных вещей в стиле модерн: портсигары, рюмочки, пепельницы. Ф.О. Васенину принадлежит скульптурная работа «Танцоры под звуки Венгерки»⁴⁰, декоративное блюдо «Закладка Санкт-Петербурга», «Ажурное блюдо для визитных карточек», «Тарелка в византийском стиле для визитных карточек», «Блюдо в русском стиле для визитных карточек», «Ваза в стиле рококо», «Чернильница одинарная в стиле Людовика XIV», «Подсвечник в итальянском стиле» и многие другие⁴¹. Примечательно, что работы скульптора Ф. Васенина особо отмечались в прејскурантах разных лет, равно как произведения, созданные П.К. Клодтом, Е.А. Лансеро, Ж. Моро, В.В. Кашкаровым и другими известными отечественными и зарубежными скульпторами.

В 1894 году, в числе наиболее способных молодых граверов фабрики, в московское училище получил направление ученик цеха украшения оружия Георгий Зайцев. По окончании училища, в 1899 году, вдохновленный новыми идеями, он возвращается на Златоустовскую фабрику, где в течение 1900—1910 годов работает мастером украшенного цеха. Полученные знания, природный талант позволили Георгию Львовичу Зайцеву раскрыться как составителю орнаментов и выполнить большое количество эскизов, предназначенных для убранства клинкового оружия, ножей для разрезания бумаги, крышек портсигаров. В краеведческом музее Златоуста сохранились разработанные Г.Л. Зайцевым проекты⁴², например, акварельный эскиз украшения насечкой золотом портсигара и спичечницы⁴³. В сотворчестве с В.А. Киселевым и В.В. Гордеевым в 1901 году разработан эскиз насечки золотом и серебром на клинке и ножнах меча, предназначенного негусу Абиссинии Менелику II⁴⁴.

Вероятно, Федор Васенин, с которым Г. Зайцев учился в «Строгановке», пробудил интерес последнего к пластике форм художественного чугунного литья. Георгий Зайцев также известен как скульптор, ему принадлежат модели нескольких работ. В настоящее время известно, что им выполнены два изделия, указанные в «Прејскурантах» 1900 и 1913 годов⁴⁵, а именно, декоративное блюдо «Палитра с рельефом летящей женщины» и пресс-папье «Женщина с цветком»⁴⁶. Примечательно, что имя Г.Л. Зайцева исследователь Л.П. Байнов также указывает в списке скульпторов Кусинского художественного литья, работавших непосредственно на заводе⁴⁷.

Заметный след в златоустовском искусстве гравюры на стали оставил гравёр и рисовальщик, ведущий в начале XX века художник Оружейной фабрики Дмитрий Егорович Яковлев. Родился в семье сапожника. Кстати, согласно записи в метрической книге⁴⁸ год его рождения — 1880, что позволяет внести поправку в сведения, представленные М.Д. Глинкиным, который указывает 1882 год⁴⁹. Начальное образование юный Яковлев получил в Златоустовском уездном Никольском училище⁵⁰.

Вновь открывшиеся архивные сведения и их соотношение с данными, которые приведены в монографическом труде исследователя М.Д. Глинкина, не позволяют достоверно определить период, когда Дмитрий Яковлев работал «на кустарей Ларионова и Бахарева, эксплуатировавших труд граверов»⁵¹. Но, ссылаясь на списки по «Составу цехов Златоустовской оружейной фабрики, изготовлявших украшенное оружие и гравированные изделия из стали 1816—1917 гг.»⁵², по цеху украшений 1890-х годов найдем фамилию Яковлева, о котором М.Д. Глинкин сообщает как о «мастере гравировки резцами»⁵³

Далее его имя указано в списке рисовальщиков 1900—1910 годов по украшенному цеху, наряду с Ф.О. Васениным, В.В. Гордеевым, С.К. Недорезковым⁵⁴. Более того, в «Материалах об организации учебной гранильной мастерской в селе Мраморном» также встречаем имя Дмитрия Егорова Яковлева, 18 лет, «из членов Артели», который вместе с Василием Матвеевым Бахаревым и Петром Алекс. (так в оригинале — С. К.) Рожковым «заявил желание» поступить во вновь организуемую мастерскую⁵⁵.

В июле 1900 года двадцатилетний обыватель Златоуста Дмитрий Егоров Яковлев подал прошение горному начальнику Златоустовских заводов с просьбой «не отказать в пособии», назначив стипендиатом в московское Строгановское училище, где он получит техническо-художественные знания, которые «в последствии мог бы предложить к услугам Его Превосходительства»⁵⁶. Молодой человек сообщал, что «имея наклонности к искусству», с раннего возраста «посвящал свои досуги» рисованию, материалом для этого ему служили сначала лубочные картины и иллюстрации календарей, и только недавно для этой цели он выписал журнал. Любимым делом молодой человек мог заниматься только по вечерам и в праздничные дни. Домашние не одобряли пристрастие сына. Со стороны отца он «встречал препятствия», который советовал сыну заняться «каким-нибудь делом», чем «чертить на бумажках, которые по его мнению не приносят никакой пользы». Свое «откровение» будущий замечательный гравер и талантливый рисовальщик Оружейной фабрики почти с отчаянием заключал: «Находясь в таких условиях, нет никакой возможности достичь хороших результатов»⁵⁷.

К составлению прошения его, видимо, подтолкнула встреча с Владимиром Гордеевым. Выпускник Строгановского училища, недавно возвратившийся из Москвы, произвел сильное впечатление на молодого человека и особенно несколько приемов рисования, которые бывший стипендиат продемонстрировал Дмитрию Яковлеву и критически заметил, что в рисунках последнего «страдает техническая сторона»⁵⁸.

Просьба подающего надежды златоустовского графика была удовлетворена, осенью 1900 года он был зачислен в Строгановское Центральное училище технического рисования. Извещая горного начальника Златоустовских заводов о получении платы «на содержание и обучение с материалами» стипендиата горного ведомства Дмитрия Яковлева за первое полугодие 1900—1901 учебного года, исполняющий обязанности директора училища С.В. Ноаковский⁵⁹ «присовокупляя», что «стипендиат Д. Яковлев, в качестве вольнослушателя, за все время посещал училище аккуратно и оказывал весьма

хорошие успехи по художественным предметам (по полугодичным экзаменам переведен из приготовительного (Приготовительный класс открылся с осени 1898 года, куда без всяких экзаменов принимали «любителей», к числу которых, видимо, были причислены и стипендиаты Златоустовских горных заводов прямо во 2-й класс) (в оригинале подчеркнуто синим карандашом — С. К.)⁶⁰. Во втором полугодии Дмитрий Яковлев также «посещал училище аккуратно и оказывал весьма удовлетворительные успехи по художественным предметам»⁶¹. Первый год пребывания в Москве и «занятия в любительских художественных классах» известного училища завершились для стипендиата Златоустовских горных заводов Д. Яковлева успешно и с 4 апреля он «уволен в отпуск».

В течение следующего 1901—1902 учебного года Дмитрий Яковлев классы посещал «весьма аккуратно и при отличном поведении оказывал хорошие успехи по художественным предметам, в силу чего на полугодичных экзаменах в апреле <...> переведен в III художественный класс с присуждением двух похвал и двух денежных наград, всего в размере 5 руб. за рисование кистью, контуров и карандашом»⁶².

Однако следующий учебный год для пенсионера Яковлева оказался последним пребывания его в техническом училище. Зимой 1904 года директор Строгановского училища направил в горный Департамент, в подчинении которого находился Златоустовский горный округ, извещение о постановлении учебного Комитета училища, датированное декабрем 1903 года, согласно которому «Яковлев <...> уволен из классов за непосещение классов без уважительных к тому причин»⁶³. Причина пропуска занятий, скорее всего, вообще не явля в Москву, явились события 1903 года, произошедшие в Златоусте⁶⁴, в результате чего завод был остановлен. Возможно, что молодой студент Яковлев был участником этих событий, не исключено, что кто-то из его семьи был причастен к событиям. Так или иначе, но Д. Яковлев за неявку в училище вовремя был отчислен.

Уместно заметить, что имеющиеся сведения о периоде обучения Яковлева в Строгановском училище также расходятся с выявленными архивными данными. В частности, М.Д. Глинкин указывает, что в начале XX века Д. Яковлев работал в «Златоустовской кустарной артели», которая «послала его своим стипендиатом в Строгановское училище (1910—1911 гг.)». Далее: «Училище Д.Е. Яковлев не окончил, хотя и считался там одним из лучших учеников»⁶⁵. Возможно, закралась элементарная опечатка при наборе текста и неверно указаны годы его обучения. С другой стороны, в материалах архива отсутствуют документы подтверждающие факт оплаты всех расходов на его обучение именно кустар-

ной артелью. К сожалению, эти же сведения почти дословно повторяет историк Е. Ковина⁶⁶. Можно сделать предположение, что ему была предоставлена возможность (за счет артели — С. К.) продолжить обучение в Строгановском училище спустя семь лет. Словом, данный момент биографии замечательного художника-гравера Златоустовской оружейной фабрики остается открытым и ждет дальнейшего исследования и уточнения.

Таким образом, вопрос профессиональной подготовки кадров для заводов Златоустовского горного округа второй половины XIX века не был достаточно глубоко и всесторонне изучен. Впервые имена некоторых представителей уральских горных заводов стипендиатов Строгановского училища технического рисования были опубликованы в монографическом труде М. Д. Глинкина. Несмотря на то, что в архивных фондах обнаружены новые имена стипендиатов, факты и сведения по интересующему нас вопросу, данная тема находится лишь на начальном этапе исследования.

Трудности постреформенного периода были преодолены. В последней четверти XIX века уникальные производства Златоустовских горных заводов вновь нуждались в квалифицированных кадрах, способных продолжить традиции мастеров Златоустовской оружейной школы. В конце XIX века проблема профессиональной подготовки квалифицированных кадров для производства холодного украшенного оружия и произведений декоративно-прикладного искусства на других предприятиях горного округа оставалась одной из важных. Обучение в Строгановском Императорском училище не только обогатило знания воспитанников златоустовских стипендиатов, но позволяло им создать замечательные произведения оружейного искусства, отмеченные печатью нового времени и стиля модерн. Несомненно, вновь открытые исторические факты пополнят не только общий список стипендиатов-пенсионеров Златоустовских горных казенных заводов рубежа XIX—XX веков, но и впишут новые страницы в анналы истории уникального предприятия и Златоустовской школы художественного металла.

Примечания

¹ АВИМА. Ф. 3. Оп. 5/2. Д. 1402. Л. 36—37. О приготвлении белого оружия на Златоустовской фабрике. Выписка из доклада г. министра финансов. 1817

² Куликовских, С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815—1860 гг.) / С. Н. Куликовских / под ред. проф. Н. П. Парфентьева. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. — 241 с.

³ Куликовских, С. Н. К вопросу об истоках художественного образования и воспитания художника-гравёра на Златоустовской оружейной фабрике в первой половине XIX века / С. Н. Куликовских // Вестник ЮУрГУ. Се-

рия «Социально-гуманитарные науки, вып. 7 — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, № 17 (72), 2006. — С. 53—65.

⁴ Глинкин, М. Д. Златоустовская гравюра на стали / М. Д. Глинкин. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. — 92 с.

⁵ Пронина, И. А. Декоративное искусство в Академии художеств / И. А. Пронина. — М.: Изобразительное искусство, 1983. — 311 с.; см. также: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. ч. 2. 1844. Д. 2838. Л. 85.

⁶ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 7

⁷ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 1—1 об.

⁸ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 2.

⁹ Алимова, Л. Б. Возникновение художественной промышленности на Южном Урале в первой половине XIX века / Л. Б. Алимова // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы научно-практической конференции. — Челябинск, 2003. — С. 95—98.

¹⁰ Гартвиг, А. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам учрежденная в 1825 г. графом С. Г. Строгановым. Ея возникновение и развитие до 1860 г. / А. Гартвиг. — М.: Типолитография Я. И. Пашкова, 1901. — С. 360.

¹¹ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 3.

¹² Власова Г. Художник и промышленность // Наше наследие. — № 77. — 2006. — С. 15—20.

¹³ Там же.

¹⁴ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 10.

¹⁵ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 10.

¹⁶ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 12—13.

¹⁷ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 1, 7 об.

¹⁸ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 23, 33 об.

¹⁹ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 36.

²⁰ Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной Выставки в Москве 1882 года: Альбом. — СПб., М.: Изд-ние Германа Гоппе, 1882. — 256 с.

²¹ Глинкин, М. Д. Цит. соч.

²² ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 39 об.

²³ Глинкин, М. Д. Цит. соч.

²⁴ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 39 об.

²⁵ Глинкин, М. Д. Цит. соч.

²⁶ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 79

²⁷ Там же.

²⁸ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 79 об.

²⁹ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 265.

³⁰ ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 139.

³¹ Куликовских, С. Н. К вопросу об истоках художественного образования и воспитания художника-гравёра на Златоустовской оружейной фабрике в первой половине XIX века / С. Н. Куликовских // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки, вып. 7. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, № 17 (72), 2006. — С. 53—65.

³² Шульгина, Е. Н. История Строгановского училища / Е. Н. Шульгина, И. А. Пронина. — М.: Русское слово, 2002. — 334 с.

³³ Лаврентьев А. Н. История дизайна. — М.: Гардарики, 2006. — 304 с.

³⁴ Глинкин, М. Д. Цит. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Глинкин, М. Д. Златоустовская гравюра на стали / М. Д. Глинкин. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. — С. 30, 45, 46.

³⁸ Байнов, Л. П. Художественный чугун Кусы / Л. П. Байнов. — Челябинск: Рифей, 1998. — 240 с.

- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Глинкин, М.Д. Цит. соч.
- ⁴³ Глинкин, М.Д. Златоустовская гравюра на стали / М.Д. Глинкин. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. — С. 67; ЗГАО. Ф. И 19. Оп. 1. Д. 3714. Л. 12—13.
- ⁴⁴ Глинкин, М.Д. Цит. соч.
- ⁴⁵ Байнов, Л.П. Художественный чугун Кусы / Л.П. Байнов. — Челябинск : Рифей, 1998. — 240 с.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 1778. Л. 109—109 об.
- ⁴⁹ Глинкин, М.Д. Цит. соч.
- ⁵⁰ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 110.
- ⁵¹ Глинкин, М.Д. Цит. соч.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 607. Л. 30.
- ⁵⁶ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 11.
- ⁵⁷ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 11—11 об.
- ⁵⁸ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 11 об.
- ⁵⁹ Шульгина, Е.Н. Цит. соч.
- ⁶⁰ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 24—24 об.
- ⁶¹ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 32.
- ⁶² ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 55—55 об.
- ⁶³ ЗГАО. Ф. И 20. Оп. 1. Д. 778. Л. 116.
- ⁶⁴ Яблонский, Ф.Н. Забастовка 1903 года / Ф.Н. Яблонский // Златоустовская энциклопедия. — Златоуст. Златоустовский рабочий, 1994. Т. I. — С. 116.
- ⁶⁵ Глинкин, М.Д. Цит. соч.
- ⁶⁶ Ковина, Е.П. Яковлев Дмитрий Егорович / Е.П. Ковина // Златоустовская энциклопедия. — Златоуст. Златоустовский рабочий, 1997. — Т. II. — С. 246.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕРКВЕЙ ГОРОДОВ-ЗАВОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-96004)

Города-заводы составляют значительную часть архитектурно-градостроительного наследия Южного Урала XVIII в. Это специфический тип поселения. Центром его являлась территория самого завода и предзаводская площадь с конторой, усадьбой владельца или управляющего и церковью.

Как правило, они были достаточно большими поселениями. «На основании инструкции, данной еще Татищеву 23 марта 1734 г., полагалось при каждом железоделательном заводе 160 дворов, а при медных заводах по 50 дворов на каждые 1000 пудов выплавки чистой меди, считая по четыре души мужского пола во всяком дворе»¹.

По свидетельству очевидцев уже в XVIII веке: «Заводы были те же небольшие города. Там была нередко церковь и, пожалуй, школа. Грамотные люди были необходимы для контор. Существовала полиция, устраивался пожарный сарай, открывались лавки... Заводчики на случай приезда строили себе хоромы, называя их дворцами. При этих дворцах проживала толпа слуг, псарей, ловчих. Некоторые из хозяев просили Берг-Коллегию укрепить их заводы валами, рвами, частоколами, снабдить их пушками и мортирами, ввести войска. Разрешение укреплять заводы последовало в начале пугачевского бунта»².

Наиболее значительными высотно-пространственными ориентирами в городах-заводах Южного Урала оставались промышленные объекты и культовые здания. В архитектуре православных церквей региона преобладал стиль классицизм. Распространение барокко на Южном Урале имело весьма ограниченный характер. Это характерно для многих регионов, которые активно осваивались русскоязычным населением в XVIII—XIX вв. Для региона характерно некоторое смешение этих стилей, изначальная эклектичность архитектуры. Это объяснялось тем, что в удаленной провинции имперские стили архитектуры прививались постепенно. Очень часто храмы возводились не профессиональными зодчими, а самодеятельными мастерами, например, из Далматовского монастыря. Эти мастера зачастую интерпретировали по-своему даже официальные, присланные из центра проекты.

Строительство церквей в регионе было обусловлено стремлением государства противостоять расколу. Например, район Кыштымско-Каслинских заводов — это старейший центр раскольниковских скитов на Южном Урале. В Каслинском районе на озере Сунгуль и в настоящее время сохранилось старо-

верческое кладбище на месте скита. Территория лесов между Саткой, Юрюзанью и Златоустом — это второй, после Каслей, крупный район расселения раскольников. В путеводителе XIX в. говорится: «Окружающие завод горы с давних пор служат главным убежищем раскольниковских скитов и потаенных молелен. В скитах на Урале скрываются лучшие силы раскола. Проживая среди гор и лесов, скитники-раскольники поддерживают тесную связь с расколом в миру»³.

Со временем власти попытались объединить раскольников с православием путем строительства единоверческих церквей и монастырей. В окрестностях Сатки и Златоуста был основан Воскресенский мужской монастырь. «Верстах в 16 от завода лежит Воскресенский единоверческий монастырь, расположенный при реке Устье. Монастырь назывался прежде Юрюзанским скитом, а в 1849 году, в виде противодействия расколу, столь сильному в горных заводах, переименован в Златоустовский Воскресенский общежительный монастырь. В монастыре — церковь, кельи, службы и ограда. Основатель монастыря игумен Иоанн обратился из раскола в православие. Служба здесь отправляется по древнему уставу, бывшему до реформы патриарха Никона. Монастырь построен на холме, окружен водою, горами и сосновым лесом, так что местоположение его следует назвать одним из красивых уголков. Вокруг нет никакого жилья, исключая деревни Старой Саткинской пристани»⁴.

В.А. Весновский особенно подчеркивает удаленность и живописность монастыря: «В 16 верстах от Саткинского завода расположен Воскресенской монастырь. Сначала здесь был раскольниковский скит, обращенный в 1850 году в Златоустовский общежительный монастырь. Он стоит при реке Устье, на холме, окружен горами и лесом. Тихое озеро отражает в своих водах лесистые девственные горы, в которых водятся дикие козы. Тишина здесь удивительная, человеческая обычная жизнь почти не чувствуется кругом этой тихой обители»⁵.

Основной композиционный тип церквей в городах-заводах «кораблем», т. е. с последовательно расположенными по одной оси колокольней, трапезной, основным объемом и апсидой алтаря. В большинстве южноуральских городов-заводов такие церкви были построены взамен деревянных в начале XIX в. Например, сохранился проект Рождественской церкви Юрюзань-Ивановского завода⁶. Входной придел с колокольней, трапезная и основная часть внешне

составляли единый объем под общей крышей. К нему была пристроена пятигранная алтарная апсида. Здание имело три входа: с запада, севера и юга. Трапезная была отделена стеной с тремя проемами, а входной придел — стеной с одним проемом. Основной объем имел на крыше завершение в виде невысокого фигурного шатра на граненом барабане. Колокольня находилась на крыше. Она состояла из четверика с куполообразным завершением и звона, увенчанного шатром. Стены были прорезаны прямоугольными окнами с полуциркульным завершением. Общие пропорции церкви были несколько приземисты. Колокольня значительно возвышалась над основным объемом церкви.

Характерным памятником раннего классицизма на Южном Урале является церковь Иоанна Предтечи в Кыштыме, построенная в 1770 г. Церковь очень живописно поставлена на острове заводского пруда, недалеко от усадьбы Демидова — Расторгуева. Композиционное решение здания соответствует схеме «кораблем». По одной оси последовательно расположены: колокольня, трапезная, основной четверик и алтарь. Прямоугольная алтарная апсида имеет маленькую пристроенную полукруглую апсиду, перекрытую конхой, составляющую половину высоты основного алтаря. Основной четверик церкви увенчан двухъярусным барабаном с полусферическим куполом. Такое завершение средокрестья церкви не встречается больше нигде на Южном Урале. Ярусы барабана представляют собой восьмерики с мощными карнизами. Верхний восьмерик значительно меньше по площади, чем нижний. Под профилированными карнизами проходят ленты орнаментов из ступенчатых сосулук. Углы обоих ярусов акцентированы пилястрами, а в гранях находятся высокие прямоугольные окна с дугообразным завершением. Окна имеют плоские наличники. Основной четверик церкви двухсветный. Ярусы его разделены лентой орнаментов из ступенчатых сосулук, который располагается в уровне высоты трапезной и алтаря. Под венчающим карнизом четверика находится двойная лента орнаментов из треугольников и ступенчатых сосулук, разделенная горизонтальными тягами. Углы четверика, как и углы всех остальных частей здания кроме колокольни акцентированы пилястрами. Окна основного объема церкви — прямоугольные с дугообразным завершением. На южном фасаде они расположены по разным осям в разных ярусах. Из-за перепада рельефа на северном фасаде находится три ряда окон. С юга часть фасада закрыта низким пристроем. Окна и декор трапезной и алтаря аналогичны основному четверику, но под карнизом расположена одна лента орнаментов из ступенчатых сосулук. Алтарь перекрыт двухскатной кровлей с треугольным фронтоном, в настоящее время зашитым деревом. Самой нарядной частью церкви является массивная колокольня. Общие пропорции объема колокольни этой церкви не-

бычны для региона. Высота ее не намного превышает купол средокрестья, а по площади колокольня больше трапезной и сравнима с основным четвериком церкви. Колокольня имеет три яруса, которые увенчаны полусферическим куполом с фонарем. Все ярусы представляют собой четверики. Нижний четверик очень высокий, возвышается над объемом трапезной. Он завершен мощным аттиком, отделенным двумя изящными карнизами от нижней части яруса. Выше второго карниза в аттик с четырех сторон вписаны треугольные фронтоны. Нижний ярус венчается третьим карнизом с большим выносом. Аттик украшен небольшими нишами и филёнками разной формы. Нижняя часть первого яруса завершается лентой орнамента из ступенчатых сосулук под карнизом. Грани четверика членятся плоскими пилястрами. В центральной простенке расположены входной проем или окна, в боковых — декоративные ниши. Второй и третий ярусы колокольни декорированы одинаково. Углы акцентированы спаренными колоннами, приставленными к стене. Грани членятся плоскими пилястрами, на которые опирается подобие антаблемента. В центре каждой грани четвериков расположены большие прямоугольные проемы с дугообразным завершением. Во втором ярусе над проемами расположено еще по небольшому круглому окну.

Важными с точки зрения становления классического стиля культовыми памятниками классицизма в городах-заводах являются ротондальные церкви, состоящие их ротонды, трапезной и пристроенной колокольни. Они тоже имеют некоторые барочные элементы.

Наиболее интересная из них — Введенская церковь в Миньяре, которая была построена в 1819 г. и сохранилась до настоящего времени. Проект церкви был прислан из Петербурга и в целом был претворен в жизнь⁷.

Расположенная в центре города-завода, церковь является главным высотным ориентиром колоритного поселения. В месте расположения завода речка Миньяр впадает в более полноводный, разделяющийся на два рукава Сим. По свидетельству XIX в. поселок был «расположен на гористом месте при слиянии реки Миньяра с рекой Симом. Все селение окружено лесом и высокими горами. Заводским прудом и канавою оно разделено на две неравных части»⁸.

Церковь кирпичная, оштукатуренная. Композиционно она включает ротондальную часть, прямоугольную часть (трапезную и приделы) и колокольню, расположенные последовательно. Колокольня имеет в основании квадрат со слегка скошенными северным и южным углами. Она пристроена к одноярусному основному объему (трапезной), который в плане является прямоугольником со скругленными углами. Внутри этого объема находятся две пары столбов, разделяющие его на нефы. К восточной

части рассматриваемого объема в южном и северном углах выделено стенами два придела с отдельными престолами. Проход между этими приделами ведет в ротондальную часть, в восточном конце которой находятся алтарь и амвон. С севера и юга в стенах ротонды проектом было предусмотрено два входа с широкими крыльцами, которые не были построены. Основные входы находились в северной и южной стенах колокольни. В западной стене колокольни располагается лестница. Ротонда Миньярской церкви перекрыта полусферическим куполом, который увенчан сложной конструкцией, состоящей из ступенчатого постамента и шара. На самом вершине находится крест. Низ купола имеет переходный элемент к карнизу ротонды, состоящий из нескольких разных классических профилей. Стена ротонды имеет два яруса и — соответственно — два равнозначных карниза над каждым. Оба яруса декорированы спаренными трехчетвертными колоннами. В нижнем ярусе они несут антаблемент, в верхнем — завершены арками, внутри которых расположены ниши с окнами. Окна в каждой нише — прямоугольное и полукруглое, находятся друг над другом. В уровне низа окон проходит горизонтальная тяга. Между прямоугольным и полукруглым окном находится небольшая овальная декоративная ниша. Над каждой парой трехчетвертных колонн расположена еще одна небольшая декоративная ниша круглой формы. В нижнем ярусе трехчетвертные колонны стоят на высоких пьедесталах. В этом ярусе — два ряда окон. Нижние — прямоугольные, а верхние — квадратной формы. Над нижним ярусом окон или дверей находятся полуциркульные ниши. Между ярусами окон проходят мощные горизонтальные тяги. В уровне нижних окон стена рустована. Рустом выделен замковый камень над окнами. Низкий объем трапезной имеет четырехскатную крышу, увенчанную в центре небольшим полусферическим куполом на цилиндрическом барабане с круглыми окнами. По проекту окна барабана были разделены барочными декоративными волютами. Реально эти волюты не были применены. С севера и с юга объем имеет по треугольному фронтому, в каждый из которых вписана полуциркульная ниша с квадратным окошком. Стены членятся пилястрами несущими упрощенный антаблемент. Между пилястрами прямоугольные окна в нишах, которые аналогичны нижнему ярусу ротонды. Углы объема и простенки покрыты рустом. Центральное окно объема было по проекту тройным. В настоящее время его боковые части заложены и превращены в ниши. Над этим окном находится дополнительный треугольный фронтончик и декоративные ниши. Колокольня Миньярской церкви имеет три яруса. Нижний — глухой рустованный четверик. Он имеет двери и, расположенные над ними полукруглые окна. Между ними проходит горизонтальная тяга, разорванная декоративными нишами. Второй ярус имеет вы-

сокие проемы с полуциркульным завершением. Углы декорированы спаренными полуколоннами, несущими антаблемент и треугольные фронтоны со всех четырех сторон. Верхний ярус — круглый в плане, завершен полусферическим куполом с луковкой и крестом. Ярус имеет круглые окна, которые разделяются немного упрощенными барочными волютами.

Сретенская церковь в селе Илек в плане почти полностью повторяет церковь в Миньяре. Ее проект тоже был выполнен в Петербурге⁹. Церкви-ротонды — яркий пример культовых сооружений периода расцвета классицизма в регионе. Илекская церковь построена в 1820 г. Есть предположение А.М. Раскина¹⁰, что авторство этих храмов принадлежит М. Казакову или его ближайшим ученикам. Для Казакова и мастеров его круга характерно использование схем ротонд в строительстве церквей. Например, Вознесенская церковь на Гороховом поле и ряд других.

Формы колокольни и ротонды здесь несколько упрощены по сравнению с миньярской церковью. Декор стен и завершение трапезной практически идентичен описанному в Миньяре. В Илеке не сохранился купол главки трапезной. Колокольня илекской церкви не имеет третьего яруса, но повторяет формы первого и второго ярусов миньярской церкви. Первый двухсветный ярус ротонды в Илеке отличается от аналогичного в Миньяре только тем, что в нем использованы не трехчетвертные колонны, а пилястры. Второй ярус — невысокий, имеет квадратные окна в полуциркульных нишах. Между ними расположены круглые декоративные ниши. Купол ротонды повторяет миньярский, но завершение его хуже сохранилось. Высота ротонды в Илеке меньше, чем в Миньяре, несколько иной силуэт имеет колокольня. Декор первого и второго ярусов илекской колокольни повторяет миньярскую. Как и миньярская, эта церковь построена из кирпича и оштукатурена, а цоколь — из камня-плитняка.

Живописно поставленная на высоком берегу реки, церковь является единственной высотной доминантой села. Местность, в которой расположено село Илек находится как раз в той полосе, где относительно равнинный рельеф переходит в горы. И.И. Лепехин писал, что «от сего места равнины начали мало помалу превращаться в горы, и при чувашской деревне по реке Илек Илеком прозываемой, за рекою Юрюзанем горы нарочито возросли. В сей деревне построен изрядный кожевенный завод, на котором всякие возделываются кожи, и шьется обувь»¹¹.

Металлургического завода при посещении деревни И.И. Лепехиным еще не было. Он появился позднее. Путеводитель XIX в. отмечает: «Есть в округе Симских заводов еще и Николаевский завод, находящийся при селе Илек. Завод основан в 1866 году графом Строгановым. Устройство завода было

Е.В. Пономаренко

вызвано тем обстоятельством, что здесь находился еще не тронутый в то время лес»¹².

Необычным для Южного Урала памятником является Церковь Иоанна Предтечи в Катав-Ивановске, построенная в 20-х годах XIX века. В целом здание относится к зрелому классицизму с элементами барокко в декоре. До разрушения и перестройки в 1929 году это была трехнефная базилика с ртотальным завершением. Западный фасад имел две колокольни, фланкировавшие классический дорический четырехколонный портик с фронтоном. Колокольни включали три яруса, разделенные карнизами. Верхние два яруса отделялись мощным карнизом в уровне низа фронтона портика. Первые два яруса были декорированы пилястрами, полуколоннами, нишами. Окна в первом ярусе — прямоугольные, во втором — круглой формы. Третий ярус с колоколами был украшен с четырех сторон двухколонными портиками с фронтонами с арочным проемом в глубине. В настоящее время облик церкви сильно искажен перестройкой, но анализ фотографий начала XX века позволяет сделать вывод, что храм был очень интересен для региона и являлся одним из самых интересных памятников классицизма.

Колокольни церкви утрачены, западный фасад перестроен. Боковые фасады базилики сохранили оформление фасадов. Они членятся пилястрами, которые несут антаблемент и треугольные фронтоны в середине северного и южного фасадов. Восточные углы фасадов имеют скругления, обработанные штукатуркой «под руст». Фасады двухсветные, ярусы окон разделены двумя горизонтальными тягами. Нижняя часть фасадов имеет декоративную штукатурку «под руст». В нижнем ярусе окна прямоугольные, в верхнем — прямоугольные с полуциркульным завершением. С севера и юга имеются входы в церковь. Алтарная ротонда украшена спаренными дорическими полуколоннами с мощным антаблементом и карнизом, между которыми расположены вертикальные окна в два ряда и несколько профилированных горизонтальных тяг. Колонны в верхней части имеют каннелюры.

В середине XIX в. стиль классицизм в культовом зодчестве Южного Урала становится еще более декоративен. В настоящее время большинство памятников сохранилось в сильно перестроенном в советское время виде, без куполов и с большим количеством пристроек. Редким исключением является Вознесенская церковь в Каслях. Ее ордер решен скорее в стиле барокко. Однако колокольня церкви — мощная и тектонически-ясная — ближе к классицизму.

После смерти Л.И. Расторгуева Кыштымско-Каслинские заводы унаследовали его дочери Е.Л. Зотова и М.Л. Харитоновна, и фактическим хозяином заводов стал зять Расторгуева Н. Зотов. В этот период поселения достигли таких размеров, что заводчик был обязан построить госпиталь, школу и церкви.

Вознесенская церковь строилась с 1843 по 1855 гг. Это крестово-купольный пятиглавый храм с пристроенной колокольней и выступающей полукруглой апсидой. Имеет позакомарное покрытие. Фасады трехчастные, разделены лопатками. Закомары отрезаны мощным профилированным карнизом, под которым расположена лента орнамента, имитирующая двухчастный антаблемент. Утолщение лопаток в области орнамента и горизонтальных цокольных тяг превращает их в своеобразную имитацию пилястры. Закомары полуциркульной формы с килевидным завершением. Центральные — более широкие (соответствуют широкому пряслу), декорированы орнаментом из солнечных лучей, заключенным в полукруглую филенку. Малые закомары декорированы круглой филенкой, заключенной в полукруглую. В пряслах находятся окна удлиненной формы, имеющие архивольт с килевидным завершением. Апсида перекрыта плоской конхой, над которой выступает центральная закомара, аналогичная другим фасадам. Купола луковичной формы на очень высоких барабанах. Центральный купол выше и больше. Верх барабанов декорирован лентой орнамента аналогичного фасадам (розетки в глубоких квадратных нишах). Центральный барабан имеет высокие близко расположенные окна с наличниками, состоящими из лопаток и архивольтов с килевидным завершением. В барабанах малых куполов окна чередуются с плоскими нишами тех же размеров и формы. В области impostов архивольтов проходит сильно выступающая профилированная опоясывающая барабан тяга. На больших и малых барабанах две подобные тяги расположены еще и под окнами.

Колокольня имеет четыре яруса — два четверика и два восьмерика. Нижний четверик украшен лопатками и орнаментом аналогичными фасадам, а также окнами и нишами с таким же обрамлением. Второй четверик декорирован накладным подобием закомары, состоящей из перспективно углубляющихся плоских арочек. Карниз этого яруса сильно вынесен и имеет сухарики. Восьмерики колокольни служат звонницей. Нижний расположен на пьедестале с нишами и декорирован по углам плоскими лопатками с выступами сверху, упирающимися в имитацию полного антаблемента. Имеет четыре проема и четыре плоские узкие высокие ниши. Верхний — на двойном пьедестале декорирован пилястрами с антаблементом. Имеет четыре проема и четыре таких же по размерам и оформлению плоских ниши. Завершена колокольня небольшим куполом в виде луковки с крестом.

Нязепетровский завод был более известен под названием Ураима. Слово «ураим» башкирское и в переводе на русский язык означает котел, горшок. Это название вполне характеризует ту местность, где находится завод. Он занимает довольно обширную котловину, образуемую отрогами южноураль-

ских гор. Заводской пруд очень значительный: более 6 верст в длину и около 150 саженей в ширину. Берега пруда в некоторых местах очень красивы, так как некоторые горные кряжи спускаются в пруд крутыми скалами.

Нязепетровский завод издавна представлял собой крупный центр раскола и, даже в XIX в. глухие уральские леса наполнены были всевозможного рода скитами и молельнями. В путеводителе конца XIX в. об этом заводе было напечатано: «Старожилы говорят, что до 1809 года, то есть до покупки Кыштымских заводов Расторгуевым, в Нязепетровске раскола не было. А в вышеупомянутом году Расторгуев, купив завод и, будучи сам раскольником, стал стягивать сюда людей, исповедовавших древнее благочестие. Расторгуевым же построена была в заводе раскольничья часовня, перестроенная в 1848 году в единоверческую церковь. Жители завода разделяются по месту своего жительства в частях завода. Так, большая часть на левом берегу Нязепетровска называются заводскими, на правом берегу — тверскими, на юге от заводских на горе Могильной (название произошло от кладбища) — гамюнами»¹³.

В настоящее время в Нязепетровске существует каменная Петропавловская церковь, построенная в середине XIX в. в классическом стиле. В советский период она утратила большую часть перекрытий, купола и колокольню, как и большинство церквей городов-заводов Южного Урала. Церковь была построена по композиционному типу «кораблем» и включала: колокольню, обширную трапециевидную, основной четверик и большую полукруглую апсиду алтаря. Все эти объемы объединены общим карнизом. Алтарь двухсветный с прямоугольными окнами с полуциркульным завершением, которые сгруппированы по вертикали расположением в нише. Фасадные плоскости всех остальных объемов церкви также декорированы высокими перспективными нишами, большинство из которых с полуциркульным завершением. Углы — акцентированы пилястрами. Высокий входной придел име-

ет пилястры на фасаде, которые фланкируют нишу с входным проемом. Входом предваряет большое крыльцо с широкой лестницей и классической балюстрадой. Здание построено из кирпича и оштукатурено. Карниз, часть ниш и пилястры выделены цветом.

Таким образом, в стилиевой культовой архитектуре Южного Урала наблюдается особенная живописная эклектичность, основанная на использовании местных традиций, которые сохранялись непрофессиональными зодчими того времени. Характерно некоторое запаздывание стиля по сравнению со столицами на 20—40 лет. Начало периода барокко относится ко второй трети XVIII в., а с 70-х годов — появился классицизм, в произведениях которого долго сохранялись элементы барокко.

Примечания

¹ Витевский, В.А. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. / В.А. Витевский. Т. 1—3. — Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1897. — С. 1232.

² Алекторов, А.Е. История Оренбургской губернии / А.Е. Алекторов. — Оренбург: Издат. губерн. стат. комитета, 1883. — С. 128.

³ Путеводитель по Уралу (издание газеты «Урал»). — Екатеринбург: Издание газеты «Урал», 1899. — С. 386.

⁴ Там же.

⁵ Весновский, В.А. Спутник туриста по Уралу / В.А. Весновский. — Екатеринбург: Изд-во автора, 1902. — С. 896.

⁶ РГИА, ф. 37, оп. 63, д. 54. Л. 26.

⁷ РГИА, ф. 37, оп. 63, д. 53. Л. 10.

⁸ Путеводитель по Уралу (издание газеты «Урал»). — Екатеринбург: Издание газеты «Урал», 1899. — С. 386.

⁹ РГИА, ф. 37, оп. 63, д. 53. Л. 15.

¹⁰ Раскин, А.М. Архитектура классицизма на Урале / А.М. Раскин. — Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989. — С. 243.

¹¹ Лепехин, И.И. Записки путешествия академика Ивана Лепехина / И.И. Лепехин. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1821. — С. 423.

¹² Путеводитель по Уралу (издание газеты «Урал»). — Екатеринбург: Издание газеты «Урал», 1899. — С. 386.

¹³ Там же.

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЛАНИРОВКИ ВЕРХНЕ-КЫШТЫМСКОГО ЗАВОДА 1755—1815 гг.

50-е годы XVIII в. были самым благоприятным периодом государственного поощрения в России частной инициативы в горнозаводском деле. Уральским промышленникам предоставлялись максимально возможные условия покупки и перевода крепостных, приписки государственных крестьян. Центральная власть в лице императрицы и сената разрешала принимать к заводам и беглым людям. Статский советник Н.Н. Демидов и его сыновья — владельцы вновь строящегося Верхне-Кыштымского завода, использовали предоставленные возможности в полной мере. Из разных демидовских вотчин на завод были переведены крепостные люди, а именно: из Нижегородской — 122 человека, Симбирской — 131, Тверской — 97, Галицкой — 43, Людиновской — 22, Ромодановской и Латынейской — 6, Нудовской — 34. Указ Берг-коллегии, разрешающий строительство Верхне-Кыштымского завода вышел 21 сентября 1755 г., но подготовительные работы, разведка полезных ископаемых, в первую очередь железной руды, были проведены заблаговременно. Об этом свидетельствует чертеж, составленный Афанасием Кичигиным в мае 1755 г. (Приложение 1). В пояснение к нему говорится, что «... место состоит в покупных ево господина Демидова к Каслинскому заводу от башкирцов землях в Мякотинской и Шуранской [Шуралинской] волостях, расстоянием от Каслинского завода в сторону к Челябинской крепости и от озера Нанаг, поворот влево в 30 в., а от устья речки Кыштыма в 22 верстах»¹. Всего в 1761 г. при двух кыштымских заводах числилось (без учета приписанных государственных крестьян) 455 крепостных. Из них 249 человек составляли мастера, подмастерья, ученики и простые работники. В разных чрезвычайных работах (разведка полезных ископаемых, строительство крайне необходимых гидротехнических сооружений и т. п.) находилось 111 человек. Престарелых, негодных в работе и малолетних было — 95.

Строительство плотины планировалось на речке Большой Кыштым, ниже устья речки Ягозы, впадающей в нее с левой стороны. Место было выбрано очень удачно. В плане-чертеже хорошо видно, что в непосредственной близости от устья Ягозы, в Большой Кыштым впадает речка Малый Кыштым, имеющая, в свою очередь, в качестве левого притока, еще одну горную речку — Сугомак. Данное обстоятельство могло способствовать образованию обширного и глубокого заводского пруда. Это хорошо понимали специалисты, выбиравшие место под строительство завода. При длине по верху плотины в 50 сажен (105 м) и высоте в 15 аршин (10,65 м) они

ожидали, что «... ою водою действительно две домны с пристойным числом молотов содержать будет можно и со излишеством»².

При действительном возведении водосбросной плотины в указанном месте (литер «А» план 1755 г. Приложение 1), вода, в первую очередь, наполнила речные долины и лога речек Ягозы, Большого, Малого Кыштыма, Сугомака, образовав обширный и глубокий заводской пруд (большая глубина пруда позволяла продолжительное время и в зимний период работать заводу). По свидетельству известного инженера XIX в. В. Рожкова площадь пруда Верхне-Кыштымского завода, также как и Черноисточенского, Нижнее-Тагильского, достигала 60 квадратных верст³. Это были (почти такими и остались!) самые большие заводские пруды на всем Урале, созданные в XVIII в.

В отношении удачного выбора заводского места необходимо дополнить, что Кыштымский завод, как и Каслинский, был построен на дороге, соединяющей Европейскую Россию и Сибирь. Подтверждением того, что это не вымысел, а исторический факт, являются, как ряд документов конца XVII в., так и планы, чертежи, заводские ведомости, составленные в первоначальный период истории указанных заводов.

К примеру, в историческом документе 1695–1696 гг. более известно в уральской историографии как «Челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам от жителей сибирских слобод» говорится по этому поводу, что «... меж озер Иртыш и Касли через Урал-Камень проезжая большая дорога в Казань, и на Уфу, и на Кунгур, купеческие люди из русских городов с товары по вся годы ездят в сибирские города, а из Сибири ездят с товары в русские города. И кроме той дороги летом и зимой купецким людям с товары проезжать утайкой будет не куды: объезжая дороги все сошлись к тем озерам, к истоку, что течет из Касли озера в Иртыш озеро»⁴.

Действительно, на чертеже 1755 г., упоминаемом выше, дорога, подходящая к Каслинскому Истоку с востока, в дальнейшем разделяется на две. Одна, не меняя направления, уходит на запад по речной долине Большого Маука. Другая, огибая озеро Иртыш по южному берегу, также поворачивает на запад, но по речной долине Большого Кыштыма. Причем, если в первом случае, на чертеже обозначено только часть пути и нет названия, то кыштымский участок прочерчен конкретно и имеет название «дорога в Уфу».

Рассматривая чертеж 1755 г. нельзя не заметить, что на нем указана и третья дорога, имеющая также

западное направление. Данный факт не привлек бы к себе особого внимания, но обозначена она как «дорога из Челябинской крепости». Это обстоятельство не может не вызвать недоумения, т. к. соотнося частям света, причем, верно обозначенным на чертеже, Челябинская крепость должна находиться на юге от каслинско-кыштымских мест, а не на западе. В связи, с чем возникает весьма резонный вопрос: А верно ли обозначены две другие дороги (В Нязепетровск и на Уфу)?

Анализ заводских документов, ведомостей 40—60 гг. XVIII в. Каслей и Кыштыма показал, что их направления обозначены, верно. Так в ведомости, составленной геодезии учеником Андреем Веселковым 12 сентября 1746 г. говорится, что описание лесов, отведенных для нужд Каслинского завода; он изначально осуществлял, продвигаясь по «Уфимской дороге». Другими словами, геодезист, составляя опись и двигаясь из Каслинского завода по Уфимской дороге в сторону Нязепетровска, тем самым, производил описание уральского отрезка дороги, проходящего по речной долине Большого Маука. Указанная речка, как известно, течет с запада на восток и впадает в Каслинско-Иртышскую систему озер.

Правильность прохождения части пути в Уфу через кыштымские места подтверждается другим чертежом, составленным Степаном Костроминим 10 июля 1759 г.⁵ (Приложение 2). На чертеже четко видно, что дорога, проходящая по южному берегу Иртыша, это и есть та дорога в Уфу, проходящая на запад через долину речки Большой Кыштым, обозначенная на чертеже 1755 г. Описание ее восточного участка от Каслинского завода до озера Маян приводится в другом, не менее известном архивном деле: «О спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала». В этом же документе дается еще два варианта названия пути-дороги из Сибири в Европейскую Россию: 1) «Проезжая Казанская дорога», 2) «Казанская Уральская дорога»⁶.

Подводя краткий итог вышесказанному, необходимо особо отметить, что выбор места под строительство Верхне- Нижне-Кыштымских заводов с производственной точки зрения оказался более удачным, чем для Каслинского завода. Расположение последнего было выгоднее всего с позиции перехвата торговых путей из Сибири в Россию и в Южном Зауралье. Поэтому не случайно, что в Каслях, до строительства железной дороги Екатеринбург — Челябинск, прошедшей в 1896 г. через Нижнее-Кыштымский завод, была сосредоточена крупная региональная торговля хлебом и скотом. Проводилась и конная ярмарка, проходившая, как правило, на Покров день.

В отличие от Каслинского завода, ввиду случившегося прорыва плотины и пожара 1757 г., все значимые объекты Верхне- Нижне-Кыштымских заводов были построены из кирпича и камня. В завод-

ской ведомости 1762 г., составленной 4 ноября в Кыштымской заводской конторе говорится по этому поводу буквально следующее: «... при Верхне-Кыштымском заводе ... имеется: ... плотина с лица от фабрик проведена ис конца в конец каменной стеною, а внутри оной насыпано глиною и землею... Которая плотина... толщиной 19-ти сажен (39,9 м). Посреди той плотины сверх к молотовым фабрикам лесница каменная ж, а под лесницею складена палатка ... Домен каменных в одном корпусе для плавки чугуна со всеми к действию принадлежностями 2... Молотовых фабрик с омшениками каменных дляковки железа 3 ... , Каменной амбар для содержания железа, стали и литейных... припасов 1, пред ним важня каменная ж, точию еще не покрыта, в ней веса для приему железа одни..., церковь божия, в коей будет 2 престола, складена собственными господина Демидова крестьянами ис камня и кирпича о дву апартаментах; в нижнем во имя Святого Иоанна Предтечи теплая, а в верхнем во имя Сошествия Святого Духа холодная. Над папертью складена колокольня каменная ж. Тоцию она церковь и колокольня еще в совершенство не приведены. Дом господский о двух апартаментах складен собственными ж господина Демидова крестьянами из камня и кирпича, в коем имеется 18 покоев. Покрыт сверх деревянным тесом токмо внутри тех покоев еще совершенно недоделано. Около того дому двор, вокруг обнесен каменною стеною. В стенах оного двора состроены и покрыты тесом же 2 погребца с выходом, анбар, зделанный над оными погребцами, деревянной, снаружи подмазан по щекотуру известью, сарай для содержания рогатого скота каменной, сарай же, в коем ставитца будут коляски, сани и прочее, каменной же, кантора с людскими подклеты о четырех жильях и при них двои сени под одну крышу, токмо и еще недокладены...»⁷.

Из вышеприведенной ведомости 1762 г. и плана Ивана Медведевского (Приложение 3) следует, что после прорыва плотины и пожара 1757 г. в восстановленную плотину Верхне-Кыштымского завода были внесены существенные конструктивные изменения. В первую очередь, внешняя прорез заводской плотины был засыпан и заложен камнем, а внешняя мост со временем разобран полностью. На плане Медведевского он еще значился, как «прежде бывший сливной мост, который сгорел в 1757 г.». В плотине был оставлен только один рабочий прорез, через который осуществлялся водозабор на действие кричных фабрик и воздухоудных колес двух доменных печей. Сама плотина, со стороны фабрик, т.н. нижняя часть, была укреплена каменной стеной, которая, в свою очередь, укреплялась каменной лесницею, ведущей от заводских фабрик наверх плотины.

В заводской ведомости 1762 г. не указывается характер каменной кладки, была ли она сложена из бутового камня на известковом растворе или, изна-

чально, состояла из тесанных гранитных блоков? Современное обследование плотины, проведенное в ноябре 2003 г. спелеоархеологом Челябинского областного краеведческого музея В.И. Юриным, показало, что внутренняя (нижняя) стена плотины укреплена тесанными многогранными гранитными блоками, плотно подогнанными друг к другу. Причем, между ними проложен в горизонтальном и вертикальном направлениях войлок. Размеры блоков различны: 110×103×53, 116×104×65, 142×49×39×36, 152×130×100, 182×100×65×36, 200×82×70×60 и др.⁸

Также, после пожара 1757 г., была изменена длина и особенно ширина заводской плотины. Если, первоначально, ее планировали, и вероятнее всего построили, длиной по низу, т. н. «исподу» 34 сажень (71,4 м), по верху — 50 сажень (105 м), при высоте — 15 аршин (10,65 м), то на плане Медведевского и более позднем плане 1815 г. (Приложение 4), длина плотины была доведена до 120 м, ширина — почти до 40 метров.

Рабочий ларь на тот момент был деревянным. Его построили из специальных ларевых досок, укрепленных в стойках с помощью железных ларевых гвоздей («костылей»). Сверху, в целях предотвращения от попадания дождя и снега, ларь был закрыт толстыми досками. Вода из него поступала в два доменных колодца... по двум чугунным (т. н. фантальным) трубам, а в три молотовых колодца — по трем круглым деревянным трубам, окованным железными обручами. Диаметр труб в ведомости не указан.

В настоящее время рабочий ларь имеет иной вид. Если ранее, его деревянные стены возвышались над поверхностью производственной площадки, то сейчас, он оказался ниже ее уровня. Причем, русло ларя, если так можно сказать, состоит из открытого и подземного участков. В.И. Юрин отмечает, что: «... перед подземной частью канала [ларя] расположен механический затвор высотой 5 метров. Длина подземной части канала [ларя] достигает примерно 100 м. Первые 20—25 м подземной части ... (ширина 7,5 м) облицованы (стены и свод) тесанными гранитными блоками. Свод арочный, с замковым камнем, высотой 8 м. Последующие 70 м — ширина канала [ларя] около 3-х м, высота — до 2-х м. Стены сложены из дикого рваного (ломаного) камня на растворе. Местами, видимо там, где на поверхности стояли стены зданий, с обеих сторон [ларя] ... сложены из крупных гранитных блоков. Свод же перекрыт железобетонными плитами советского периода»⁹.

Возвращаясь к конструктивным особенностям восстановленной заводской плотины, необходимо отметить, что водосброс паводковых (вешних) вод стал осуществляться через другую плотину, находящуюся вне территории завода. Правда, на плане Медведевского все плотины, расположенные вне территории завода, показаны без вешняшных и ра-

бочих прорезов и без сливных мостов, т. е. «глухими». В заводской ведомости 1762 г. они характеризуются следующим образом: «... в низких местах для содержания в пруде воды, чтоб она теми низкими местами течения не имела, ... сделаны три плотины, навоженные землею и высаны деревянною сланью, по течению реки Кыштыма, с правой две: первая длиною 19-ти сажень (39,9 м), вторая длиною же 70 сажень (147 м), да третья с левой стороны длиною 27 сажень (56,7 м); толщиной все 3 плотины по 3 сажени (6,3 м). Итого, с большею каменною — 4 плотины»¹⁰. Вероятнее всего, по истечении какого-то времени, плотинным мастерам пришлось организовать сброс вешних вод через одну из вышеуказанных вспомогательных плотин Верхне-Кыштымского пруда. На плане 1815 г.¹¹ плотина, расположенная севернее территории завода (слева по ходу воды), показана со всеми необходимыми водосбросными сооружениями: прорезом, сливным мостом, управлением водосбросом. В связи с чем, надо отметить, что определение «вспомогательная», в особенности относящееся к водосбросной плотине, достаточно условно. Она тогда и сейчас играла и продолжает играть важную роль в регулировании водного баланса в заводском пруду. Только, в настоящее время тело плотины вместо деревоземляного наполнения, имеет каменное и бетонное. Управление водосбросом механизировано. Подъем ставней осуществляется через редуктор, смонтированный на металлической площадке у плотины со стороны пруда (рис. 1, 2).

Итак, вне территории Верхне-Кыштымского завода, для образования необходимой глубины заводского пруда было построено три вспомогательных плотины, которые, в первую очередь, не позволяли запруженной воде растекаться и образовывать мелководные заливы. В тоже время, две из трех названных плотин, расположенных почти симметрично к большой заводской каменной плотине, оказали непосредственное влияние на архитектурно-планировочную структуру двух жилых секторов Верхне-Кыштымского завода. Большая (каменная) заводская плотина, находясь в центре производственного комплекса, на планировку последнего влияла опосредованно. Линии жилых кварталов размечались параллельно двум симметрично расположенным т.н. «плотинкам», а не главной заводской плотине. К ней то, как раз, улицы были «пробиты» под углом 20—30°.

Композиционно заводские строения с жилым сектором были связаны двумя большими предзаводскими площадями, организованными по обеим сторонам большой каменной заводской плотины. Причем, если левая предзаводская площадь (по ходу воды в речке Б. Кыштым) продолжительное время не застраивалась, то на правой, уже в 1762 г. было построено двухэтажное здание господского дома. Этот дом, наряду с заводскими корпусами (домной, кричными фабриками) и церковью, построенной на

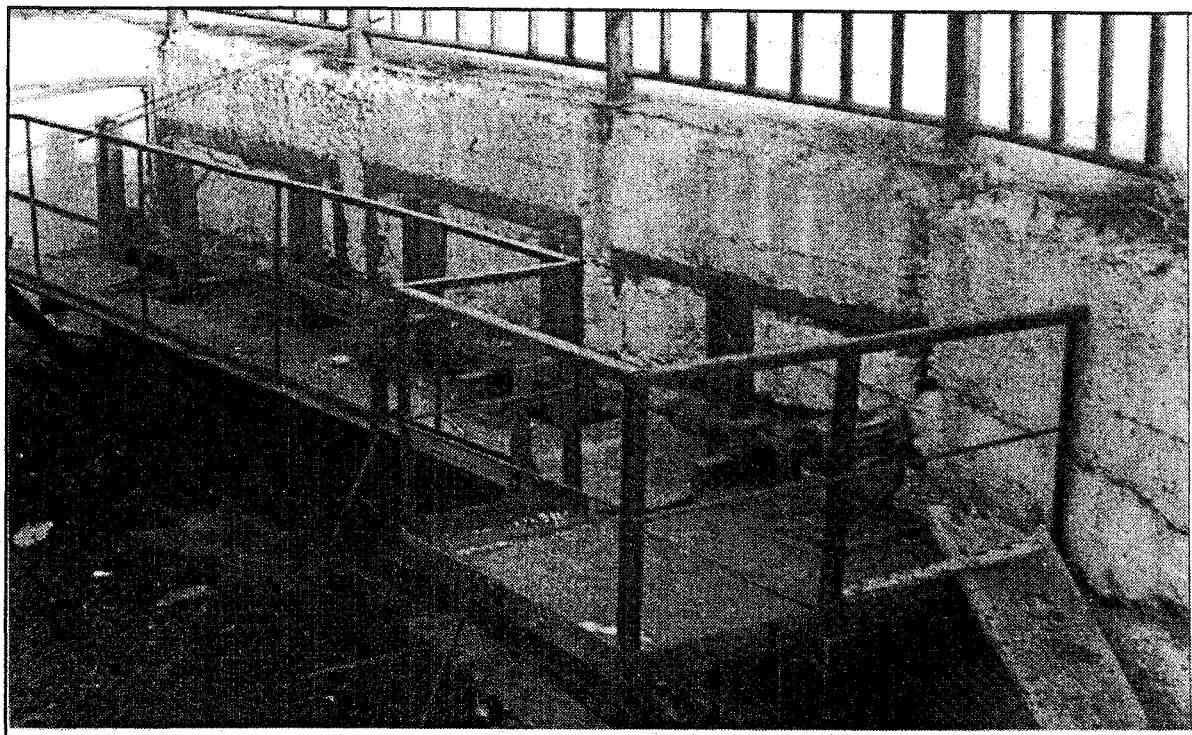

Рис. 1 Современное механическое устройство для подъема ставней со стороны пруда

Рис. 2 Современный вид водосбросной плотины со дна водоотводного канала XVIII в.

острове, стал заметной, если не главной, зрительной доминантой центральной части Верхне-Кыштымского завода. Первоначальный внешний вид господского дома пока нам неизвестен, но на плане Медведевского хорошо видна его планировка. Он

построен на заметно выступающем мысе (полуострове) заводского пруда, причем ось дома была совмещена с естественной осью мыса-полуострова. Двухэтажное здание было выдвинуто западнее плотины, но не к самому берегу, а размещено в центре

полуострова, что позволяло продолжительное время наблюдать его со всех сторон, как с воды, так и с суши. В более поздний период зрительная перспектива была перекрыта другими более высокими зданиями и густо разросшимися тополями.

После того, как со стороны жилой одноэтажной застройки был пристроен обширный двор с каменной стеной и хозяйственными каменными строениями, весь комплекс господского дома превратился в настоящую крепость-цитадель. На выше указанном плане Медведевского стена, огораживающая двор показана еще недостроенной, но из ведомости 1762 г. нам доподлинно известно, что «двор, вокруг обнесен каменной стеной»¹². Причем, заводская контора, судя по имеющимся в нашем распоряжении планам и описаниям, была встроена в ее северо-восточный угол. На плане 1815 г. заводская контора показана под № 32. На плане Медведевского (№ 23) она располагалась на том же самом месте, но как еще «вновь строящаяся каменная контора».

Аналогичному мнению придерживается и В.И. Юрин. Он полагает, что «... на месте где сейчас стоит северная дозорная башня, на планах помечена каменная заводская контора». В связи с чем, он делает вывод, что «... здание заводской конторы относится к началу 60-х гг. XVIII в., сейчас существует и представляло собой административный комплекс объектов управления заводом — контора, дозорная башня и тюрьма. Как раз от одного из подвалов этого здания и выявлена скрытая подземная коммуникация, ведущая к южной башне»¹³.

По поводу общего вида двух дозорных башен необходимо отметить одну особенность, которая не сразу бросается в глаза. Дело в том, что в исторических планах и чертежах XVIII в. дозорные башни не видны. Не упоминаются они и в заводских ведомостях и донесениях того времени. Тем не менее, они существовали и существуют до сих пор. Судя по характеру кирпичной кладки, большемерным кирпичам, кованым железным связям¹⁴ и шатровому стилю, башни были построены в XVIII в., причем, по всем признакам, одновременно с заводской конторой и каменными амбарами. Но, если здания конторы и амбаров указаны во всех выявленных исторических планах, то башни никак не обозначены! На данный факт, практически никто из исследователей, не обращал и не обращает никакого внимания. Тем не менее, этому явлению есть вполне разумное объяснение. Указанные башни, имеющие в плане вид восьмигранника, построены восьмигранными не с самого фундамента, а являющиеся, по сути, надстройками над зданиями прямоугольной формы. Только эти прямоугольные здания и обозначались в исторических планах. Данное обстоятельство хорошо просматривается на современных фотографиях: «Общий современный вид заводской конторы с юга», «Общий современный вид заводской конторы с юго-востока» (рис. 3, 4).

Восьмигранник с конусообразной крышей как бы «вырастает» из приземистого здания правильной прямоугольной формы — конторы. По аналогии построена и южная дозорная башня (рис. 5).

В заводских архивных документах, до сих пор, не выявлен первоначальный облик этих башен и конкретная дата их постройки, и, по всем прогнозам, выявлены никогда не будут. В данном случае, по всем признакам, мы имеем дело с умным и вполне легальным обходом закона о строительстве крепостей при уральских заводах. По российскому законодательству XVIII в. для того, чтобы построить какие-либо крепостные сооружения при заводе, его хозяин должен был просить специального разрешения у Горного начальства. То, в свою очередь, делало запрос в вышестоящую инстанцию. Начиналась бюрократическая переписка между правительственными учреждениями, требующая не только времени, но и привлекающая внимание Военного ведомства. Это ведомство, в свою очередь, выдвигало к оборонительным сооружениям ряд требований, которые шли вразрез с интересами заводладельцев. К тому же, как показал опыт Пугачевского восстания, они были еще и малоэффективны. Практически все заводы Южного Урала, добровольно перешедшие на сторону Пугачева, были сожжены башкирами. Имевшиеся у всех заводов деревянные оборонительные сооружения, горели также хорошо, как и крестьянские дома.

Демидовы же, воспользовавшись пожаром 1757 г., отстроили не только завод, но возвели под видом кирпичного господского дома, каменной заводской конторы и хозяйственного каменного двора настоящую крепость с двумя дозорными башнями и подземными ходами сообщения. Последние военно-инженерные сооружения, по понятным причинам, на планах и чертежах XVIII в. не обозначались.

Подтверждением о наличии подземных коммуникаций служат исследования, проведенные В.И. Юриным. Он отмечает, что «... практически под всей площадью завода, в старой ее части XVIII—XIX вв. сохранились подземные сооружения в виде ходов, по которым сегодня можно перемещаться ... во весь рост, или на корточках, или ползком. Также выявлено, что у подвального помещения, расположенного юго-западнее северной дозорной башни, сохранился скрытый ход сообщения длиной 70 м, идущий до южной дозорной башни. Данный ход пройден на корточках до 58 м, далее он засыпан рыхлым грунтом...»

В заключении В.И. Юрин делает такой вывод: «Вся выявленная подземная система ходов создана в одно время и имеет конструктивное одинаковое исполнение, в виде траншей с небольшим расширением кверху ... Стены выложены из дикого рваного (ломаного) камня, на растворе, ... перекрытие — железные или чугунные плиты, размером 130×51×3 см.

Рис. 3. Общий современный вид заводской конторы с юга

Рис. 4. Общий современный вид заводской конторы с юго-востока

По длинной стороне плит имеются выступы (пазы) для плотной их подгонки друг к другу. На некоторых участках ходов данные плиты сохранились по 1—2 шт. Основная часть ходов была перекрыта железобетонными плитами, видимо, уже в советское время...»¹⁵

Подходы к укрепленному господскому дому-крепости хорошо просматривались со всех сторон в силу его полуостровного положения. Со стороны суши к дому можно было подойти только через каменную заводскую плотину или через так называемую вспомогательную плотину, расположенную на правобережье. Через нее была проложена и дорога, ведущая к заводской конторе и в сам завод. Наблюдение за дорогой можно было вести из строений, расположенных в северо-восточном (контора с башней — рис. 3, 4) и юго-западном (амбар с башней — рис. 5) углах каменной крепостной стены. В завод-

скую церковь, построенную на острове (рис. 6), какое-то время, можно было попасть, только пройдя в непосредственной близости от массивных стен господского двора и дома. Проход на остров осуществлялся по мосту, построенному первоначально на самой оконечности мыса-полуострова, так как это было наикратчайшее расстояние от суши до острова. На этот факт следует обратить особое внимание, так как в дальнейшем, не взирая на свое оптимальное расположение, мост был перенесен в другое, менее выгодное место.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Верхне-Кыштымский завод (без учета жилого сектора) уже в конце 1762 — первой половине 1763 гг. был укреплен по всем правилам военнo-инженерного искусства XVIII в. Если учитывать, что все производственные здания были возведе-

Рис. 5. Южная дозорная башня, надстроенная над каменным прямоугольным амбаром (современный вид)

Рис. 6. Демидовская церковь XVIII в., построенная на острове. Принцип возведения центрального купола тот же самый, что и сторожевых башен, т. е. «восьмерик на четверике»

ны также из кирпича и камня, то это превращало центральную часть Верхнего Кыштыма с заводом, господским домом, заводской конторой и церковью в звено оборонительных сооружений, способное выдержать даже длительную осаду превосходящих сил противника. Причем, все вышеуказанные здания и сооружения были построены по единому, хорошо продуманному градостроительному замыслу.

Наличие внешней угрозы, исходившей тогда от воинственно настроенного башкирского населения, являлось реальным фактором. Все предпринятые усилия со стороны Демидовых по укреплению сво-

его завода были продиктованы, в первую очередь, именно этим обстоятельством.

В период Пугачевских событий, заблаговременно возведенные оборонительные сооружения, во многом способствовали сохранению всего Верхне-Кыштымского завода от полного уничтожения. Башкирские военные отряды так и не смогли прорваться на его территорию и сжечь его.

Также из анализа планов, описаний и заводских документов четко просматривается продуманность общей планировки селитебной части Верхне-Кыштымского завода. Жилые дома, «собранные» по обеим сторонам речки Большой Кыштым, двумя услов-

но названными «плотинками», в два компактных жилых сектора, в тоже время, были объединены в одно единое целое большой каменной заводской плотинкой. Из семи имевшихся улиц только две были расположены перпендикулярно правобережной плотине и параллельно руслу Большого Кыштыма. Остальные пять были размечены вдоль берега заводского пруда и почти параллельно двум т. н. «плотинкам» и под заметным углом (30°) к главной заводской плотине. Сообщение между жилыми секторами осуществлялось, первоначально, по всем четырем плотинам, включая заводскую. Со временем, проезжие мосты, построенные ниже по течению Большого Кыштыма и ниже других плотин, взяли на себя основную транспортную нагрузку. План 1815 г. наглядно демонстрирует, как плотины, образующие Верхне-Кыштымский пруд, с имеющимися водоотводными сооружениями, делят жилой сектор уже на три сегмента, соединенные между собой значительным количеством мостов. С расширением жилого сектора постепенно произошла застройка малых и больших островов заводского пруда. Данное обстоятельство наиболее четко проявилось в конце XVIII — начале XIX вв. Центральная часть Верхне-Кыштымского завода все больше и больше приобретала островной характер поселения, возведенного по всем правилам градостроительной науки.

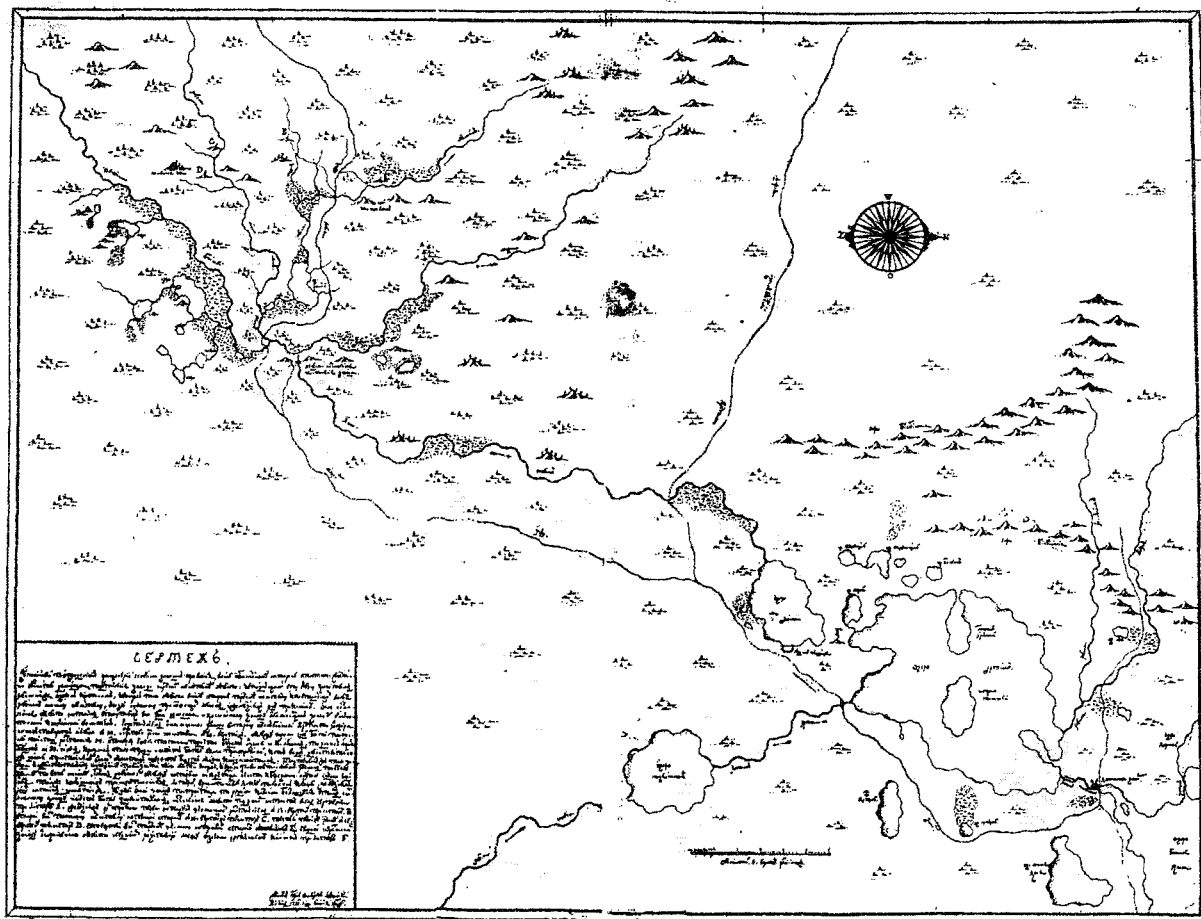
Из выявленных архивных документов, по указанной теме, пока невозможно установить автора

этого архитектурного проекта. Несомненно, тот, кто его разрабатывал и осуществлял, обладал знаниями архитектора и квалифицированного строителя. В сущности, это был профессиональный архитектор, причем, понимающий сакральный смысл, возводимого им архитектурного ансамбля Верхне-Кыштымского завода.

Подводя общий итог вышесказанному, необходимо особо подчеркнуть, что пренебрежительное отношение в нашем обществе к архитектуре уральских заводов XVIII—XIX вв. стало возможным, помимо прочего, из-за непрерывных, но вяло текущих, советских реконструкций уральских заводов. В ходе т. н. советских преобразований, когда руководящим партийным работникам был нужен только сиюминутный результат, уральские города-заводы лишились, в большинстве случаев, выдающихся образцов культовой, промышленной и гражданской архитектуры. Оставшиеся заводские здания и сооружения, претерпев бездумную реконструкцию, надолго, если не навсегда, лишились своего былого величия. В настоящее время надо быть специалистом-архитектором или очень наблюдательным человеком, чтобы разглядеть в старых и обветшавших бесформенных заводских зданиях-коробках с плоскими заливными крышами, следы былых архитектурных стилей (уральского барокко, классицизма).

Не менее болезненный удар городам-заводам Урала нанесла в 90-х XX в. т. н. приватизация, более похожая на банальное воровство.

Чертеж, составленный Афанасием Кичигиным в мае 1755 г.

Пояснение к чертежу (1755 г.)

Сочинил Берг-гешворен Афанасий Кичигин
1755 года в мае месяце

«Учиненный по определению канцелярии главного заводов Правления, вновь обысканному со стороны статского советника Никиты Демидова, под строение завода на речке Кыштыме месту: и впадающем в ту речку Кыштым речкам же, озерам и истокам, и вокруг того места во все стороны по речке Кыштыму и по впадающим в нее речкам Малому Кыштыму, Егозе и Сугомаку, прилежащим лесам, и железных руд приискам; оное назначенное место состоит в покупных ево господина Демидова к Каслинскому заводу от башкирцев земля в Мякотинской и Шуранской волостях, расстоянием от Каслинского завода в сторону к Челябинской крепости и от озера Нанаг повороту влево в 30, а от устья речки Кыштыма в 22 верстах. Между горами, где быть плотине по исподу расстоянием 34, а по верху ежели плотина поднята будет от земли на 15 аршин, то длиною оная будет 50 сажен. И разлив того пруда имеет быть весьма пристойной, и тою водою действительно две домны с пристойным числом моло-

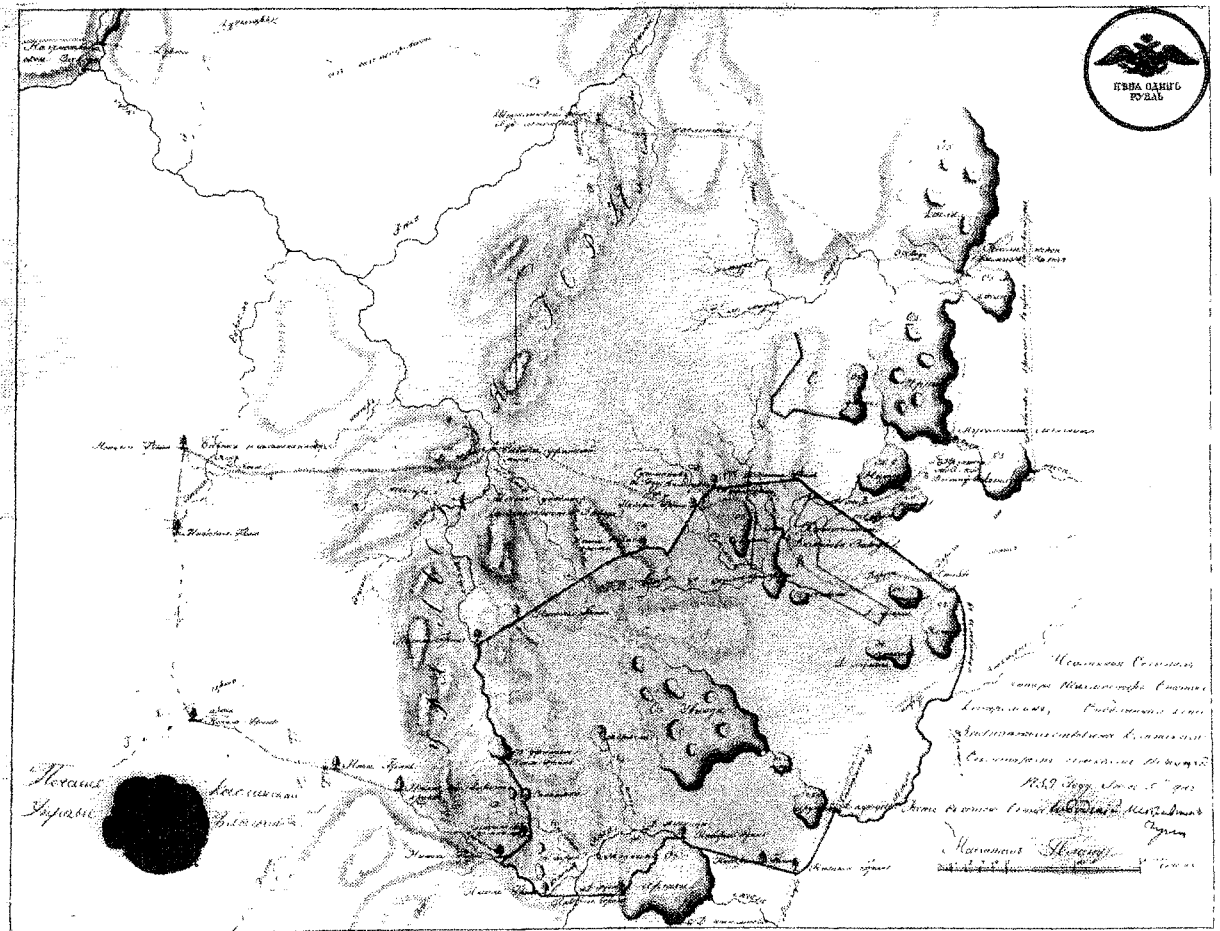
тов содержать будет можно и со излишеством. По построению того завода и действительному содержанию по близости того места вокруг, и вдали по выше писанным речкам прилегло красных, то есть сосновых лесов довольно: между которыми находится отчасти и березник на уголь и дрова годный. Также и на рудниках при ниже писанных литерах, в распорванных коях по бокам и вглубь железных руд состоит довольно. И ежели оной построитца то рудами и лесами без оскудения в том Каслинскому заводу имеет быть удовольствован.

Назначенное место под завод состоит всем чертежу при литере «А». Железных руд прииски первой на падуне Сугомакском расстоянием в 13 верстах при литере «В».

Второй вниз по Малому Кыштыму на правой стороне в 14 верстах при литере «С». Третий по той же речке в 15 верстах при литере «Д». Червертый вниз по речке Сугомаку на правой стороне в 13 верстах при литере «Е».

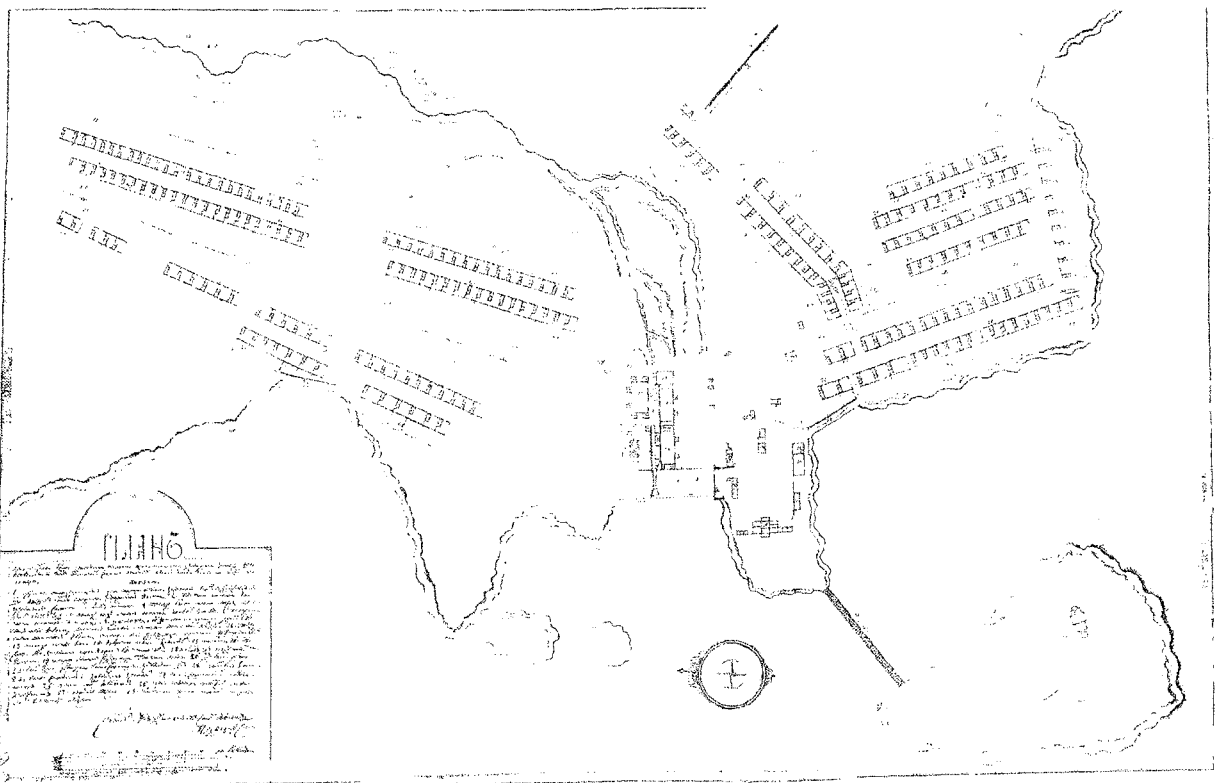
Отводной к Каслинскому заводу от назначенного места невдалеком разстоянии между озерами Иртешем и Наногою при литере «F».

Чертеж, составленный Степаном Костроминым 10 июля 1759 г.

Приложение 3

План Верхне-Кыштымского завода, составленный Иваном Медведевским

**Пояснение к плану Верхне-Кыштымского
завода (Ивана Медведевского) (1762 г.)**

Кыштымскому господина дворянина Никиты Никитича Демидова заводу, что ... во оном фабричного строения и протчем у селению о том значат ниже сего дитеры:

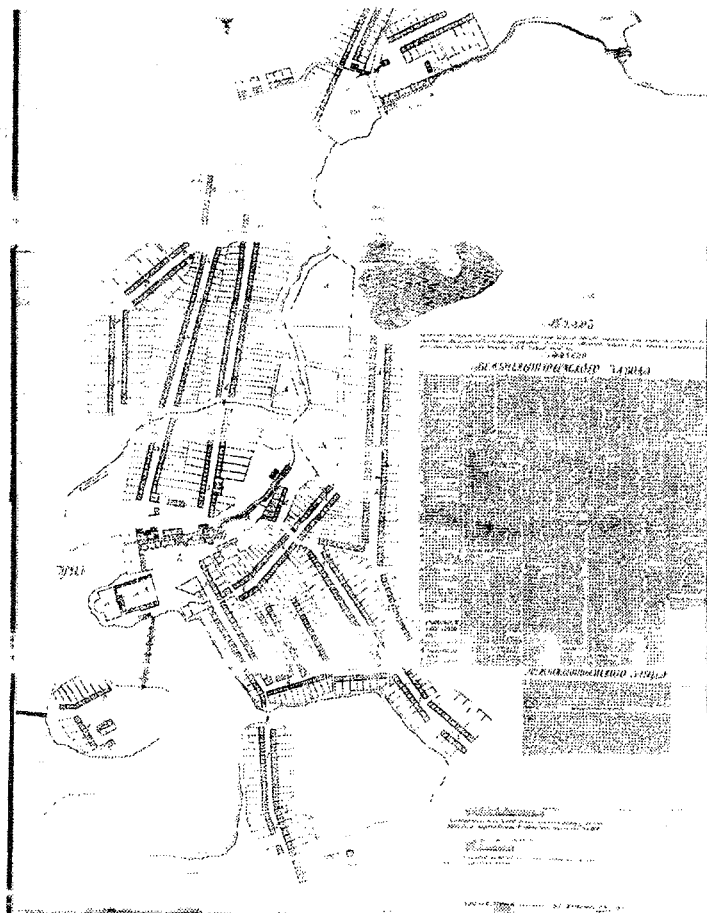
- 1) церковь вновь строящаяся одва партамента каменная, в нижнем сошествия Святого Духа; в верхнем Святого Предтечи и крестителя Иоанна;
- 2) плотина, набивная глиной в деревянные свинки;
- 3) откос каменный;
- 4) прежде бывший сливной мост, который згорел в 1755 г.;
- 5) проход воды от запору заперт и засыпан землею;
- 6) проведенные трубы в колодцы;
- 7) колодцы;
- 8) доменные печи;
- 9) ларь;
- 10) каменный доменный двор;
- 11) каменные молотовые фабрики с четырью горнами и четырью молотами каждая;
- 12) прежде бывшая молотовая фабрика в которой ныне содержится приемной мастерами чугуна;

- 13) кузница о четыре горна;
 - 14) фабричные кожуха каменные;
 - 15) сторожка;
 - 16) лесной сарай;
 - 17) кирпичной сарай;
 - 18) амбар для содержания провианта;
 - 19) амбар же в котором содержится полосовое железо;
 - 20) дом господина Демидова;
 - 21) ево господина Демидова вновь строящийся каменный дом;
 - 22) заводская контора;
 - 23) вновь строящаяся каменная контора;
 - 24) вновь строящиеся каменные амбары;
 - 25) сушило, оно же меховая;
 - 26) дома разных заводских служителей и крестьян;
 - 27) огородные места;
 - 28) плотинки, коими заняты низменные логоватые места.
- Сочинил Иван Медведевский-ундер-шихтмейстер
Масштаб длинного 100 сажен, их же каждая по три аршина.

М: 1 см — 17 м

Приложение 4

План Верхне-Кыштымского завода 1815 г.

План Верхне-Кыштымского завода (1815 г.) (пояснение)

1. Церковь каменная о двух партаментях в первом Святого Иоанна Крестителя Предтечи, во втором сошествия Святого Духа.
 2. Плотина с лица каменная.
 3. На плотину каменная лестница.
 4. Молотовые фабрики каменные, покрыты листовым железом.
 5. Внутри оных кричные горна.
 6. Каменные омшеники.
 7. Ларь с колодцами.
 8. Доменный двор каменной покрыт листовым железом.
 9. Доменной корпус покрыт черепицами.
 10. Во оном корпусе палатки.
 11. Доменные омшеники.
 12. Доменные колодцы.
 13. Доменная сторожка.
 14. Кузница каменная, покрыта листовым железом.
 15. Кузница деревянная.
 16. В них горна.
 17. Печи для дела уклада.
 18. Амбары каменные покрыты листовым железом в которых содержится чугун.
 19. Амбар для содержания дехтя каменной покрыт листовым железом.
 20. Железообжигательная печь.
 21. Обывательские кузницы.
 22. Сарай в котором содержатся деревянные припасы.
 23. Угольной сарай.
 24. Сарай извесной ... каменной.
 25. Меховая каменная, покрыта листовым железом.
 26. Машинная и над ней слесарня.
 27. Салотопня для свечь и над ней столярня, во дном корпусе покрыты листовым железом.
 28. Плотины со сливными мостами.
 29. Господские амбары для содержания хлеба.
 30. Дом господский, обнесен каменной оградой.
 31. Господские покои со службами.
 32. Заводская контора.
 33. Госпиталь для больных.
 34. Завозня.
 35. Конюшни.
 36. Амбар для содержания полосового железа, и все вышеписанное покрыто листовым железом.
 37. Сад.
 38. Проезжие мосты.
- М: 1:25,0 м

Нижнее-Кыштымский завод¹⁶

При Нижнее-Кыштымском молотовом заводе, состоящем от Верхнего Кыштымского завода на той же реке Кыштыме в 3-х верстах. Плотина навоженная землю, снаружи выслана деревянной сланью,

длиною 130-ти (273 м), толщиною по верху 4-х сажень (8,4 м).

Во оной плотине для действия фабрик прорез выкладен каменной, ис которого вода пушена в деревянные запоры проведенными по каменному фундаменту круглыми деревянными ж окованными железом трубами в 2 колодезя, ис коих на действующие колеса вода течения имеет по деревянным желобьям, для роспилования лесу на одно пильное, да на дело железа на 2 молотовых и на 2 ж меховых; итого 5 колес ... А меховыми колесами действие происходит по 2 пары мехов.

Подле оную плотину излишняя вода, вместо вешнянского спуска ис пруда, течение имеет низким местом к зделанной понижее оного завода другой плотине для пропущения каналом в имеющуюся Каслинского завода пруд, ибо во оном пруде весьма недостаточно воды состояло; точно тое плотину в прошлом 760-м году пронесло водою ... и течение имеет, а каком нисколько ныне не идет. Оная плотина длиною 75 сажень (157,5 м), а толщиною по верху в 4 аршина (2,88 м).

При означенном Нижнее-Кыштымском заводе дляковки железа молотовая фабрика каменная, покрыта тесом — одна; в ней зделано в число действительных молотов к двум домням, по два позволительных о построении Кыштымского завода указов, молота — два, на каждой молот по 2 горна; итого — 4;

С мехами, наковальнями и протчими инструментами и со всеми к действию принадлежностями.

Точно оные молота з горнами, за неимением угля в действие не находятца; которого угля, за противность приписных к тем заводам крестьян и небытием их в заводских работах, приготовить некем. Лесопилочная фабрика 1, во оной действующих з железными пилами 2 рамы; по тою пильною назначена мучная мельница о двух поставках, по которою фундамент и ходы вдвое выкладены камнем, коя строением и крайним недостатком работных людей оставлена. Под тою же пильной для содержания чугуна, железа, прочих припасов имеется амбар, забранной деревянным пластинником — 1 (один); при молотовой фабрике сторожка бревенчатая. Для поделок и починки молотовой снасти кузница деревянная — 1 (одна); обложенная на сваях и брусках дощатая фабрика для дела листового и крышечного железа, в силе позволительных из ... Берг-Коллегии и канцелярии Главного заводов правления указов; которая за неимением работных людей оставлена и ныне не строитца, ибо по воле Божеской переведенных на те заводы крепостных крестьян господина дворянина Демидова крестьян в 1758 и в 1759 году померло более 600 душ».

Примечания

¹ Материалы по истории Башкирской ССР Т. IV Ч. 2. С. 247, 249; РГАДА Ф 271 ОП. 3. Д. 194 (план)

² РГАДА Ф 271. ОП. 3 Д. 194 (план)

³ Рожков. О гидравлическом горнозаводском хозяйстве, с описанием устройств в нем употребляемом. // Горный журнал. 1865. — № 1—5 — С. 10.

⁴ Челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам... (с приложениями и пояснениями Н. Чупина) // Сборник статей, касающихся Пермской губернии, 1842—1881 гг. — Пермь, 1882. Вып. 1. — С. 162.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 871 (план).

⁶ Дело о спорных землях башкир на сибирской стороне Урала // Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2. — М., 1956. — С. 85—86.

⁷ Там же. С. 308.

⁸ Юрин, В.И. Тайны кыштымских подземелий / В.И. Юрин // Вестник Челябинского областного общества краеведов. — Челябинск, 2004. — С. 38.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2. — С. 303.

¹¹ ГАСО Ф. 39. ОП. 7. Д. 946. (а) (план).

¹² Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2. — С. 308.

¹³ Юрин В.И. Указ: соч. С. 41.

¹⁴ При обследовании В.И. Юриным северной дозорной башни, было обнаружено, что две расположенные крест на крест, кованые железные связи имеют по одному клейму размером 3,5×3,8×2,0 см. и одинаковую надпись в четыре строки. Первые две строчки составляют слово «Сиб-ирь»...

¹⁵ Юрин В.И. Указ: соч. С. 39—41.

¹⁶ Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2. — С. 308—309.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

История российской эмиграции как самостоятельное направление в отечественной историографии стала активно развиваться в основном только в постсоветское время. До сих пор разные исследователи по-своему, часто произвольно, трактуют ключевые понятия (диаспора, зарубежье, волны эмиграции и т. п.) и периоды российской эмиграции как исторического процесса. Эта ситуация свидетельствует о том, что это направление находится еще в стадии разработки, несмотря на уже огромное число статей, множество сборников материалов конференций и сборников документов, обобщающих трудов и монографий по отдельным проблемам, диссертационных исследований. Подобное расхождение во мнениях, с другой стороны, говорит о свободе исследовательского творчества, о возможности плодотворных дискуссий, что, несомненно, идет в актив исторической науки.

Важность периодизации истории российской эмиграции как процесса определяется тем, что необходимо выявить в очень различные эпохи его общие закономерности, и специфические отличия, связанные с внутренними событиями нашего Отечества. Кроме того, вопрос периодизации этого явления связан с практическими задачами преподавания отечественной истории. В 1990-е годы в ряде российских вузов (под разными названиями в зависимости от рассматриваемых проблем) стали появляться спецкурсы по истории российской эмиграции и ее отдельным периодам. Также отдельные темы из эмигрантской истории стали включаться в другие спецкурсы, например, «история российской интеллигенции», «история политических партий и движений» и т. п.¹ В нашем вузе (ЧГТУ—ЮУрГУ) с 1995 г. по настоящее время автором данной статьи спецкурс «история российской эмиграции в XX веке» был апробирован на механико-технологическом, психологическом, автотракторном, аэрокосмическом, приборостроительном факультетах. Необходимость разъяснения студентам сложности, противоречивости, неоднозначности эмигрантских проблем буквально заставила меня как преподавателя определиться с периодизацией. Надо было показать, насколько оправдано выделение тех или иных периодов или, наоборот, их объединение, какие критерии берутся в основу разных вариантов периодизации, а не просто перечислить точки зрения отдельных исследователей.

Данная статья посвящена, во-первых, анализу различных вариантов периодизации истории российской эмиграции, предложенных некоторыми современными отечественными исследователями, а во-вторых, автор предлагает свою периодизацию —

свое видение этого процесса. Также рассмотрен еще один, не менее дискуссионный, вопрос: что такое «волны» российской эмиграции, правомерно ли применение этого понятия по отношению ко всему эмиграционному процессу или только к определенной эпохе; сколько волн было и когда, что отличало одну от другой, а что их роднило.

Первые статьи о периодизации истории российской эмиграции появились в 1993—1994 годах. Авторы их, приведя интересные и доказательные аргументы, выделили основные периоды эмиграционного российского процесса, подчеркнув их качественные, отличительные характеристики.

Наиболее полным является вариант А. Ахиезера, который предлагает шесть основных этапов. Отсчет этому явлению он начинает от эпохи возникновения в России единого централизованного государства (конец XV — начало XVI вв.), подчеркивая, что до 1861 г. оно было минимальным. Отсюда возникло и название этого начального этапа — «протоэмиграция». В кратком виде развернутая А. Ахиезером периодизация выглядит следующим образом:

Первый этап (протоэмиграция). С конца XV — начала XVI вв. до 1861 г. Условия традиционного общества и крепостного права.

Второй этап. 1861—1890 гг. Изменения традиционного общества; начало свободного развития капитализма в России.

Третий этап. 1890—1914 гг. Эпоха империализма; «нарастание в обществе дезорганизации»

Четвертый этап. 1914—1953/56 гг. Эпоха мировых войн и тоталитаризма.

Пятый этап. 1956—1991/92 гг. Посттоталитаризм; ослабление государственности и распад СССР

Шестой этап. С января 1993 г. Современный. Появление в России закона о праве на эмиграцию².

Другой вариант, предложенный в 1994 г. Ю.А. Поляковым, отличается от предыдущего, прежде всего, тем, что эпизодическая эмиграция предшествующих веков не берется во внимание:

«1. Дореволюционные годы (XIX и начало XX в.) — время так называемой трудовой эмиграции.

2. Период между двумя войнами, когда в результате революции и гражданской войны Россию покинуло около 2 млн человек.

3. Годы войны, когда, с одной стороны, произошло существенное изменение политических позиций значительной части эмигрантов, а с другой — возникла новая, полумиллионная военная волна.

4. Годы холодной войны, когда постепенно нарастали новые эмиграционные потоки.

5. Перестроечные и постперестроечные годы, когда произошло национальное примирение с большинством старой российской эмиграции, но усилилась эмиграционная волна... Одновременно возникли переселенческо-беженские проблемы на территории бывшего СССР»³

Также в 1994 г. «основные вехи» российской эмиграции наметила Г.Я. Тарле, а в 2004 г. она согласилась взять за основу периодизации российской эмиграции вариант Ю.А. Полякова⁴.

Размышления о различных этапах российской эмиграции, анализ вышеприведенных вариантов позволили мне сформулировать свое видение проблемы. Не умаляя достижений предшественников, которые впервые высветили этапы эмиграционного процесса, и принимая их во внимание, мне периодизация истории российской эмиграции видится так:

1. С начала образования единого централизованного российского государства (конец XV — начало XVI вв.) до первой мировой войны (1914 г.) и Октябрьской революции. Здесь логично выделить два этапа, первый из которых, докапиталистический, можно назвать протоэмиграцией (по А. Ахиезеру) или *эпизодической* эмиграцией, а второй — капиталистический (с 1861 по 1917 гг.).

2. С 1914/1917 гг. по 1991 г. (включительно и 1992 год, который был переходным во всех отношениях). Уместно назвать этот большой период «антисоветским», так как именно наличие в России новой, советской власти обусловило все три эмигрантские волны. Все люди, покидавшие наше Отечество в советское время, несмотря на различие мотивов, были едины в одном: в той или иной степени они не принимали советские порядки. Были ли они в рядах белогвардейцев, или обычными обывателями, сорванными вихрями гражданской войны; или сознательными коллаборационистами или невольными невольными возвращенцами периода Великой Отечественной войны; идейными диссидентами или безыдейными фарцовщиками эпохи «оттепели» и «развитого социализма», — все они стремились, так или иначе, жить в свободном от социалистической системы мире. Только этот второй период истории российской эмиграции имел волнообразный вид. Кроме того, события 1914—1991 годов образовали «единую историческую эпоху», реальный, а не календарный, «короткий двадцатый век»⁵. В 1991 г. произошел распад СССР, и образовалась качественно новая Россия.

3. С 1991/1993 гг. можно вести отсчет современному, постсоветскому периоду истории российской эмиграции. В январе 1993 г. был принят закон нового российского государства о въезде и выезде из страны, чего не было раньше за всю многовековую его историю.

Внутри каждого из этих трех больших периодов целесообразно выделить более мелких составляющих частей, каждая из которых, оттеняя специфи-

ку своих обстоятельств, будет лучше подчеркивать единообразие объединяющих их главных характеристик. Так, например, волнообразный вид российской эмиграции советского («антисоветского» по своему содержанию) периода был обусловлен принципиальными политическими причинами, которые порождали различные мотивы выездов людей: религиозные, экономические, культурные и прочие. Если же говорить об эмиграции из современной России, то она, прежде всего, имеет ярко выраженный экономический характер, протекает сравнительно спокойно, и в основных своих чертах сходна с эмиграцией дореволюционной, имея капиталистическую основу.

Весьма интересен вариант периодизации Н.Л. Пушкаревой, которая представила всю историю российской эмиграции в виде волн, внутри которых попыталась выделить три основных эмигрантских потока в зависимости от мотивов выездов. В результате в ее статье отмечено семь волн политических, три волны экономических, три волны религиозных эмигрантов. Довольно сложно воспринимать текст, где знаковые понятия «волна», «этап», «поток», «период» взаимозаменяются без каких-либо объяснений как совершенно синонимичные. По мнению Н.Л. Пушкаревой, каждую из упомянутых групп эмигрантов можно назвать «волной», хотя их численность очень различна: от нескольких десятков и сотен до сотен тысяч и даже миллионов человек. Так что в этом случае вряд ли можно согласиться с автором, что все эти явления одного порядка, а история российской эмиграции — непрерывный волнообразный процесс. Если продолжить образно-сравнительный ряд понятий, то явления, которые Н.Л. Пушкарева считает первыми тремя волнами политической эмиграции (1825—1905), можно сравнить с «легкой зыбью» на поверхности океана, а послеоктябрьскую эмиграцию — с «цунами» мирового масштаба⁶.

Сторонником волнообразного характера всей российской эмиграции является и Э.Л. Нитобург, хотя и оговаривает узкую географическую направленность этого процесса. Он рассматривает историю российских эмигрантов в США. Первой волной он считает дореволюционных эмигрантов, второй — послеоктябрьских, а третьей — после второй мировой войны⁷.

О том, насколько правомерно называть дореволюционную эмиграцию «волной», — речь впереди. Важнее, в данном случае, обратить внимание на волну, обозначенную номером три. Э.Л. Нитобург ведет речь о въезде любых русских людей из любых стран в США после второй мировой войны, поэтому для него приоритетно обстоятельство времени их въезда, и он включает их в одну волну. С американского берега, действительно, все эти люди представлялись чем-то единым. Однако сам Э.Л. Нитобург подчеркивает, что в 1950-е годы аме-

риканцы отличали одних от других: 1) «белые русские» и 2) «советские русские антикоммунисты». Первые из них переезжали из стран Европы и из Китая, где они жили в межвоенный период. Вторые же оказались вне границ СССР в годы Великой Отечественной войны — это бывшие советские граждане⁸.

Если убрать подмену понятий *эмигранты* и *иммигранты*, а в указанных работах Э.Л. Нитобурга они используются в качестве синонимов, исчезнет и недоразумение в нумерации волн. Главное отличие эмигранта от иммигранта: первый — тот, кто выехал откуда-то; второй — тот, кто въехал куда-то. Эмигрант может и не стать иммигрантом, если умрет в пути. Представители первой послеоктябрьской волны, жившие вне СССР между двумя мировыми войнами, не отождествляли себя с бывшими советскими гражданами, даже если они приехали в США на одном пароходе. Для американцев они являлись иммигрантами одного периода, но между собой они качественно различались, что определялось *временем их выезда из России*. Строго говоря, бывшие советские граждане представляли собой особую волну эмиграции из нашего отечества, какая бы по счету она ни была.

Вторая дискуссионная проблема — волны российской эмиграции. Многие современные историки⁹ считают весь эмиграционный процесс из России волнообразным, а другие предлагают отказаться если и не от самого понятия «волны», то хотя бы от их счета. Так, например, в 1994 г. Г.Я. Тарле писала: «Вероятно, было бы целесообразно отказаться от «нумерации» эмигрантских волн, поскольку в ней нет единообразия»⁷. В 2004 г. она пришла к выводу, что «нельзя пренебрегать укоренившейся привычной формулировкой «первая волна»...» и предложила «именовать ее *первой постреволюционной волной* (курсив Г. Т.) и не нумеровать последующие потоки, в наименовании которых, естественно, продолжается неразбериха»¹⁰.

Понятие «волна» возникло в среде самих эмигрантов, что называется, в рабочем порядке, а не в академической среде. Тем не менее, оно точно отражает суть именно российской, а не какой-либо другой эмиграции в XX веке. Дореволюционный и постсоветский периоды (см. периодизацию Е. С. выше) выглядят спокойными *по сравнению* с российской эмиграцией «короткого XX века». Именно его крайности порождали эти волны, а до 1917 г. никто не видел эмигрантских волн. Почему же возникли аналогии с природными волнами? В Большом энциклопедическом словаре есть следующее определение: «Волны — возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию без переноса вещества»¹¹.

Действительно, несогласные (возмущенные) с внутренними российскими событиями люди «выплескивались» за границы страны, а их энергия воп-

лощалась в различные виды деятельности в странах их рассеяния. Природная волна, по определению, возникает по причине какого-либо импульса и, в зависимости от его силы, обладает соответствующим запасом энергии. Первая мировая война предельно обострила все внутренние противоречия в России, привела ее к революционным потрясениям (сродни землетрясению) и гражданской войне. Новая, советская Россия, вытолкнула или не приняла около двух миллионов соотечественников, которые до этих событий эмигрантами быть не собирались. Энергии этой первой, как оказалось, волны эмиграции хватило на создание такого исторически уникального явления как Российское Зарубежье. Благодаря этой энергии возникло «общество в изгнании», существовавшее до второй мировой войны. (Конечно, среди них были и другие люди, рассеявшиеся и ассимилировавшиеся уже в первом поколении, не считавшие себя причастными к этой Зарубежной России; далее речь не о них.) Всю оставшуюся жизнь большинство этих людей называли себя эмигрантами, подчеркивая тем самым значимость выезда из России как главного факта своей биографии. Даже в годы второй мировой войны они могли говорить о себе как об «эмигрантской общественности», будь то в оккупированной немцами Франции, или на американском континенте. Многие из них, даже имевшие новое гражданство, тем не менее, ощущали моральную принадлежность к эфемерной Зарубежной России.

Эта первая волна русских эмигрантов составила приблизительно два миллиона человек. Но для такой страны как Россия, где эмиграция не была в традициях народа, как в других странах, такое количество людей, покинувших родину за столь краткий период (в основном за 1917—1922 гг.), было довольно ощутимым. Общеизвестно, что за весь почти 50-летний период капитализма из Российской империи эмигрировало не более 4,5 млн человек, из которых не более 500 тыс. были русские, украинцы, белорусы¹². Абсолютно справедливо замечание Г.Я. Тарле, что «эти многочисленные эмигранты были слабо организованы и не амбициозны, никто не задумывался расценивать их как самостоятельное движение...»¹³. И, добавим от себя, в то время никто не считал их «волной», они не мыслили себя как некое единое целое, стремились как можно быстрее ассимилироваться в новой для них среде.

Появление понятий «первая» и «вторая» волны было вызвано жизненной необходимостью: в условиях окончания второй мировой войны послеоктябрьским российским эмигрантам нужно было отличить себя от бывших советских граждан среди «перемещенных лиц». Эти отличия нужно было подчеркнуть, чтобы «старых» эмигрантов не спутали с потенциальными новыми эмигрантами, так как в это время шла кампания по

репатриации всех советских граждан. Именно тогда возникло название этому явлению — вторая волна эмиграции. Часть представителей первой волны, опасаясь принудительного возвращения на родину, уехала на американский континент. К середине 1950-х годов события этой второй волны, появление которой было непосредственно связано со многими военными обстоятельствами, в основном завершились¹⁴.

Во второй половине 1950-х годов формировались новые условия жизни в СССР и, соответственно, новые характеристики эмиграционного процесса. Все это стало заметно долгожителям Русского Зарубежья, эмигрантам первой волны, как они привыкли себя именовать. Люди с большим жизненным опытом и внимательно-пристальным взглядом к своей исторической родине, они чутко улавливали оппозиционные настроения в советском обществе и закономерно предполагали начало следующей, третьей по счету, волны эмиграции. На расстоянии они оказались прозорливее многих граждан внутри страны и увидели, что перемены «оттепели» носят поверхностный характер и чреватые новыми конфликтами между властью и обществом в СССР, а, значит, следует ожидать новой эмиграционной волны. Тогда же, в 1960—1980-е годы, в русском зарубежном литературоведении возникло и закрепилось *условное деление* на три волны русских писателей-эмигрантов в зависимости от времени их выезда из России (СССР).

Эта третья волна была самой растянутой во времени. Финал ее можно датировать 1991 годом, поскольку до конца существования СССР характер и мотивы выездов оставались неизменными. Другое дело, что до 1988 г. этот процесс был вялотекущим: за все тридцать с лишним лет выехало около одного миллиона человек. И только благодаря гласности и резкого облегчения процедуры эмиграции, за следующие три года выехало более 800 тыс. человек¹⁵.

Современная эмиграция из России стала обыденным явлением, не означает трагедию для выехавших людей из-за реально имеющейся возможности возвращения на родину. И, главное, она имеет правовое основание и не делает человека преступником ни с точки зрения государства, ни с точки зрения самого человека. Поэтому особенно важно подчеркнуть, что в 1991 г. с окончанием истории СССР завершилась и история волн в процессе российской эмиграции. Прогнозы на новую, постсоветскую волну не сбылись, и современная эмиграция из России не имеет вид волны, поскольку принципиальной политической подоплеку нет, как отсутствует и *непримиримый* (антагонистический) конфликт между обществом и государством.

Примечания

¹ Бочарова, З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917—1930-е годы: учебное пособие / З.С. Бочарова. — Уфа: Восточный университет, 1998. — 122 с.; Сёмочкина, Е.И. История российской эмиграции. XX век: учебное пособие / Е.И. Сёмочкина. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1998. — 80 с.; Худобородов, А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: учебное пособие / А.Л. Худобородов. — Челябинск: ЧГПУ, 1997

² Поляков, Ю.А. Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Ю.А. Поляков Историческая наука: люди и проблемы. — М.: Росс. политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999 — С. 40—49.

³ Там же.

⁴ Тарле, Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации / Г.Я. Тарле // www.archipelag.ru/gu_mir/volni/hrono_retro/history; Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции / Г.Я. Тарле // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.). / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. — М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2004. — С. 30—45.

⁵ Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991) / Э. Хобсбаум. — М.: Независимая Газета, 2004. — 632 с.

⁶ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 54—65.

⁷ Нитобург, Э.Л. Русские в США // Э.Л. Нитобург. — М.: Наука, 2005. — 421 с.

⁸ Нитобург, Э.Л. В поисках своей ниши в американском обществе (третья волна русских эмигрантов в США) / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. — 2004. — № 1. — С. 83—92.

⁹ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 54—65; Нитобург, Э.Л. Русские в США // Э.Л. Нитобург. — М.: Наука, 2005. — 421 с.; http://www.archipelag.ru/gu_mir/volni/?show=all.

¹⁰ Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции / Г.Я. Тарле // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.). / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. — М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2004. — С. 30—45.

¹¹ Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. — 1456 с.

¹² Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. — М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2001. — С. 9—44.

¹³ Тарле Г.Я. Указ. соч.

¹⁴ Сёмочкина Е.И. Хронологические границы второй волны российской эмиграции (1941—1955) / Е.И. Сёмочкина // Проблемы российской истории. Вып. V / гл. ред. В.А. Токарев. — Магнитогорск: МаГУ, 2005. — С. 90—99

¹⁵ Пушкарева Н.Л. Указ. соч.

ЧЕЛЯБИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

(Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — правительства Челябинской области. Проект № 07-06-96017 Р-Урал)

Творческие союзы всегда играли важную роль в жизни советского государства. Созданные в условиях форсированной модернизации советского общества они выполняли множество самых разнообразных функций и с первого дня своего существования находились под плотной опекой партийных органов¹. В основу механизма финансирования творческих союзов в период социализма «была заложена специфическая экономическая модель, идеологически базирующаяся на функции творческих союзов по защите авторских прав их членов»².

В 1945—1952 гг. значение творческих союзов заметно выросло. Во многом данный рост был связан с изменениями, произошедшими в политической элите страны за годы второй мировой войны, с переменами в социальной структуре советского общества, ситуацией, сложившейся во многих творческих объединениях советской художественной интеллигенции³.

К сожалению, даже основные направления деятельности творческих союзов на уровне соответствующих центральных органов в отечественной историографии исследованы очень слабо. А судьба многих региональных отделений до сих пор остается вне поля зрения ученых. Челябинское отделение Союза писателей СССР (далее СП СССР) не исключение. О работе этого отделения в 1945—1952 гг. написано очень немного. В известной мере такая ситуация объясняется спецификой архивного материала, сохранившегося до сегодняшнего дня, особенностями историографической традиции, сложившейся на Урале, политической конъюнктурой последних лет. При этом большинство специалистов по истории отечественной интеллигенции признают, что региональные отделения творческих союзов были очень важным явлением в культурной жизни страны в середине XX века. Без внимательного изучения этого феномена детально исследовать историю советской интеллигенции, и в целом историю советского социума очень не просто.

В рамках данной статьи предполагается проанализировать основные направления деятельности Челябинского отделения СП СССР в первые послевоенные годы, состав этой организации, ее взаимоотношения с местными партийными и советскими органами. Этот анализ позволит, на наш взгляд, существенно расширить сложившиеся в литературе представления о жизни и деятельности провинциальной художественной интеллигенции в СССР

в первые послевоенные годы, даст возможность увидеть новые грани в истории послевоенной страны, разрушит некоторые стереотипы в восприятии важных исторических процессов, проходивших за пределами Москвы и Ленинграда в этот период.

Великая Отечественная война кардинально изменила жизнь всех регионов и всех групп населения СССР. Эта перестройка носила очень болезненный и тяжелый характер. Окончание боевых действий на территории Советского Союза вызвало новую трансформацию основных направлений работы партийных и советских органов, профессиональных союзов, общественных организаций. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств в наиболее тяжелом положении в первые послевоенные годы оказались представители провинциальной творческой интеллигенции. Художники, музыканты, писатели Южного Урала исключением не были. Социальные, экономические, политические проблемы, накопившиеся за годы войны в регионе, резко обострились уже на последнем ее этапе. Для разрешения этих проблем использовались самые разные механизмы и организационные структуры.

Одной из таких структур стало Челябинское отделение СП СССР. Это отделение было создано в 1934 г. Первыми его руководителями были известные южно-уральские литераторы В. Светозаров, Б. Ицын, М. Гроссман и др.⁴. В 1945 г. в бюро Челябинского отделения СП СССР входили: Л.К. Татьяничева, А.Я. Гольдберг, Т.В. Тюринчев, Л.А. Преображенская. Несмотря на свою малочисленность, бюро развернуло активную работу по решению многочисленных социально-экономических и творческих проблем художественной интеллигенции Южного Урала. Из общей массы этих проблем особо можно выделить вопросы материальной помощи писателям и вопросы творческого характера.

Уже в январе 1946 г. бюро Челябинского отделения союза писателей, рассмотрело вопрос: «Об оказании материальной помощи писателям-фронтовикам и их семьям, а так же семьям умерших писателей Репина и А. Климова и особо нуждающимся писателям».

Бюро приняло решение: «В связи с тяжелым материальным положением писательницы Л.А. Преображенской, бюро Челябинского отделения союза советских писателей постановляет выдать денежное пособие в качестве новогодних подарков из средств,

отпущенных на проведение новогодней елки, следующим товарищам: семьям писателей-фронтовиков и военнослужащих: 1. В.Я. Вохменцову — 400 руб. 2. Плебейскому — 400 руб.; семьям умерших писателей: 1. Климову — 600 руб. 2. Репиной — 600 руб.; особо нуждающимся писателям: 1. Л.А. Преображенской — 400 руб.» [5, л. 15]. И в дальнейшем Челябинское отделение СП СССР неоднократно помогало наиболее нуждавшимся писателям и членам их семей прямыми денежными выплатами. Однако финансовые ресурсы отделения были очень ограничены, что заставляло его руководителей изыскивать и другие способы поддержки хотя бы некоторых представителей художественной интеллигенции Южного Урала.

Так для организации полноценного отдыха южноуральских писателей Челябинским отделением СП СССР еще в 1945 г. в районе г. Златоуста была приобретена специальная дача. Она должна была выполнять функцию своеобразного дома отдыха. Но ее содержание оказалось делом непростым и в 1946 г. она была передана на баланс Литературному фонду.

Следует подчеркнуть, что Литературный фонд СССР (далее Литфонд) всегда играл очень важную роль в решении материальных и бытовых проблем советских писателей и поэтов. В его уставе было записано, что ««Литературный фонд Союза ССР» имеет основной своей задачей содействие членам Союза Советских Писателей Союза ССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи растущим писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий»⁶.

Важность этой функции особенно возросла в первые послевоенные годы. Именно от работы структур литфонда на местах во многом зависела повседневная жизнь провинциальных советских писателей и поэтов. Через эти структуры проходили средства, которые, в частности, Челябинское областное отделение СП СССР выделяло для финансирования творческих командировок писателей или для решения неотложных социальных нужд представителей художественной интеллигенции. Чаще всего для этого использовался механизм т. н. безвозвратных ссуд. Решение о выдаче таких ссуд утверждалось правлением Литературного фонда СССР по просьбе бюро Челябинского областного отделения СП СССР.

Руководители Литфонда СССР неоднократно подчеркивали важность своевременного перечисления средств на счета этой организации со стороны региональных отделений союза. Без этого полноценная деятельность фонда была бы невозможна. Однако на местах ситуация складывалась очень не просто. На наш взгляд, показательно, решение, которое 5 июня 1946 г. приняло бюро Челябинского отделения союза писателей. «В связи с плохим состояни-

ем здоровья членов Челябинского отделения союза писателей, тт. Т.В. Тюричева, А.Я. Гольдберга, Л.А. Преображенской, Кузнецова, — записано в постановлении бюро, — изыскать средства для курортного лечения путем заказного переиздания Челябинским отделением союза писателей книги В.Н. Кузнецова «Базар», доход от которой, за вычетом авторского гонорара и производственных расходов отчислить на счет литфонда писателей»⁷.

И все-таки без участия центральных органов Литфонда решить насущные материальные проблемы челябинских писателей было очень сложно. Архивные документы свидетельствуют, что Челябинское областное отделение СП регулярно обращалось за финансовой поддержкой в Литературный фонд СССР, но далеко не всегда получало эту поддержку. Так 3 ноября 1949 г. бюро Челябинского областного отделения СП на своем заседании решило: для оказания помощи Л.А. Преображенской «в связи с болезнью» выдать «из средств Литфонда 300 руб.».

10 января 1950 г. тоже бюро постановило: «Просить Правление Литфонда СССР утвердить выданные безвозвратные ссуды: а) члену СП т. Л.К. Татьяничевой на поездку в Москву (творческая командировка) 500 руб. б) кандидату СП тов. В.Я. Вохменцеву на творческую командировку в районы области 500 руб. и в) члену СП тов. Глебову на приобретение слухового аппарата 500 руб.».

Одновременно с этим бюро обратилось к правлению с двумя просьбами «списать с подотчета уполномоченного литфонда по Челябинской области путевку в Цхалтубо стоимостью 744 руб. и путевку в Новый Афон стоимостью 1200 руб., выданную бесплатно члену СПП Львову». А так же «утвердить, выданную ранее сумму 500 руб. на рождение ребенка поэта Гольдберга».

Уполномоченным литфонда по Челябинской области в первые послевоенные годы был Т.В. Тюричев. Ему не удалось наладить полномасштабного взаимодействия с правлением литфонда. Многочисленные жалобы по поводу серьезных нарушений в деятельности уполномоченного получили свое подтверждение уже в конце 40-х годов. Как показала работа ревизионной комиссии по проверке дел уполномоченного литфонда в 1950 г. некоторые денежные операции «производились по устным распоряжениям т. Тюричева», некоторые важные финансовые документы были утрачены, что спровоцировало волну слухов о серьезных злоупотреблениях в деятельности уполномоченного литфонда. Не случайно бюро Челябинского областного отделения СП 10 января 1950 г. приняло решение: «Впредь запретить уполномоченному литфонда выдавать ссуды и путевки без разрешения Бюро областного отделения СП»⁸.

В декабре 1947 г. при Челябинском областном отделении союза советских писателей было орга-

низовано бюро литературных выступлений, которое взяло на себя организацию творческих вечеров писателей и поэтов Челябинска. Уполномоченным данного бюро был назначен П.Д. Сундеев. Программу первых выступлений 24 декабря 1947 г. утвердило на своем заседании бюро Челябинского областного отделения СП СССР. Согласно протоколу заседания бюро программа выглядела следующим образом: «1. Преображенская — Мамин галстук. Рыбка. Мраморная купальщица. Прозрение. Наследство. 2. Вохменцев — Замок. Звезда. Восточный сад. На Урале. Здесь Ленин был. Шутки. 3. Н. Кутов — Рожь. Золотая долина. Непрогрес. Из лирики. 4. В. Кузнецов — 3 автобуса. В добрый час. Рассказ Феклы. Пушка-самоход. Рыжик. Чететка. Шуточная-молодежная. 5. Сундеев — Произведения последнего прослушать на следующей среде и после этого подобрать репертуар. 6. Рогачевский — Стихи об Урале и сатирические. 7. Татьяничева — Живая летопись. Мой отец — охотник. Зимние стихи. Любвиная лирика. 8. Гольдберг — Иван Бессмертный. 9. Тюричев — Москва. Цикл стихов из школы мужества»⁹.

Начать выступления планировалось с ЧИМСХ и ЧММИ, школ и ремесленных училищ, а в последствии арендовать помещение драматического театра. С ноября 1948 по октябрь 1949 гг. бюро организовало в Челябинской области 238 выступлений для взрослых и детей. Однако вскоре в работе бюро выявились и серьезные проблемы.

О некоторых из этих проблем состоялся разговор на заседании бюро Челябинского областного отделения СП СССР 22 октября 1949 г. И.А. Моргулес, который выступал на этом заседании с отчетом о работе, подробно рассказал о сути этих проблем. Главные из них были связаны с репертуаром, оплатой выступлений и поведением некоторых членов творческих бригад. Так, по словам И.А. Моргулеса, для привлечения зрителей организаторы выступлений (Мартынов и др.) стали включать в программу вечеров советской песни «Рапсодию» Ф. Листа и композицию «Рио Рита». Участились так называемые «левые» концерты (когда с вырученных сумм не удерживались налоги и не производились отчисления в литфонд). Некоторые участники концертов злоупотребляли спиртными напитками (Тюричев, Гольдберг, Михайлов). И.А. Моргулес привел несколько конкретных примеров срыва выступлений из-за поведения этих писателей и поэтов.

Выступившая при обсуждении этого вопроса Л.К. Татьяничева назвала очень интересные цифры, которые позволяют лучше понять некоторые социальные аспекты повседневной жизни южно-уральских писателей и поэтов в первые послевоенные годы. Так, по словам Л.К. Татьяничевой: «Если поэты за год в среднем зарабатывали по 4—5 тыс. руб., то Мартынов за 4 месяца заработал 30 тыс. руб. Я поднимала вопрос о несправедливости этого со-

дружества, но Гольдберг и Тюричев не поддержали меня. И я ушла из группы. ...»¹⁰.

Примечательны замечания, которые были высказаны в адрес членов бюро некоторыми участниками этой дискуссии. В протоколе заседания они зафиксированы следующим образом:

«...А.Я. Гольдберг: О литфонде. Работает плохо. В этом вина и Тюричева и отделения ССП. Отчет о работе литфонда слушается первый раз. Тюричев и Моргулес плохо подготовились к отчету — говорили обо всем, походя, и сделано немало ложных обвинений. Никто не говорил о качестве выступлений. Мы имеем нехорошие факты организационного и бытового порядка, но качество выступлений было удовлетворительное. В работе Моргулеса много недостатков — грубость, барство, филармоническая тенденция. Он идет не в партийные организации, а только в клубы...»

Р.В. Гравишкис: Положение в бюро, по-моему, очень тревожное. Во время выездов в города писатели пьют и тем, компрометируют себя, отделение и вообще звание советского писателя. Что же касается Мартынова, то с ним надо немедленно расстаться. Но дело не только в нем. Элементы богемщины не должны иметь места в организации. Надо посмотреть, все ли имеют право выступать. Если мы сами не примем серьезные меры, мы будем отвечать за провал в организации.

В.Н. Кузнецов: Нам было стыдно за то, что сегодня услышали. Нас встречают с большим уважением и поэт должен быть морально чистым. Нам надо серьезно отнестись к тому, что услышали, и может быть даже лишить некоторых на время права выступать в группе. Я удивлен, что Гольдберг хорошо говорит об этичности и, о честности, а сам в течение 9 лет не возвращает ссуды в литфонд. Меня удивляет, почему за счет отчислений группы Тюричев оплачивает такси, конферансы и т. д.

У меня командировка получилась неудачной только потому, что денег не было, и не давали возможности заработать, а Рогачевскому дали денег, хотя он не имеет на это оснований, Мартынову и Захарову дали возможность заработать только на то, чтобы пропить. Что касается Моргулеса, то грубости я не видел, а барство и пренебрежительность имеют место.

В.Я. Вохменцев: Я согласен, что с начала своей деятельности бюро выступлений хорошо себя зарекомендовало. Шахтеры, строители, учащиеся ремесленных училищ тепло встречали поэтов. У нас есть все возможности для плодотворной работы. События последних месяцев, о которых сегодня шла речь, являются позорным пятном на всей нашей работе. Большой вред нашему бюро выступлений принесло участие Мартынова. Совместные выступления нужны, но их нельзя превращать в систему. Работа Тюричева в литфонде у меня вызывает удивление. Его беспринципность привела к целому ряду неприятных последствий...».

По итогам обсуждения вопроса было принято следующее решение «...Признать работу бюро выступлений в течение трех последних месяцев неудовлетворительной... Указать т. Моргулес на нарушение решений бюро отделения ССП, выразившиеся в разрешении неапробированных выступлений (вступительное слово т. Гольдберга о советской песне, музыка т. Мартынова, отсутствие в репертуарных паспортах писателей новых произведений)... Указать т. Моргулес на беспринципность, выразившуюся в несвоевременной информации ответственного секретаря о нарушениях со стороны т. Тюричева... Запретить т. Моргулес впредь допускать к выступлениям писателей без утвержденных бюро отделением ССП репертуарных паспортов и композиторов с неапробированной соответствующими организациями музыкой... Предложить т. Моргулес неукоснительно выполнять решение бюро о пропорциональном заработке членов литобъединения... Предложить т. Моргулес систематически практиковать бесплатные шефские выступления и творческие отчеты перед трудящимися... Изъять бюро пропаганды и творчества уральских писателей из ведения отделения Литфонда и подчинить его работу непосредственно бюро отделения ССП. Ответственным за работу бюро пропаганды назначить Кузнецова В.И. ... Предложить т. Кузнецову совместно с т. Моргулесом пересмотреть трудовое соглашение по работе бюро пропаганды творчества уральских писателей. ... Обязать т. Моргулеса уделять больше внимания удовлетворению бытовых нужд писателей во время командировок»¹¹.

Следует подчеркнуть, что Челябинское отделение ССП оказывало Южно-Уральским писателям и поэтам не только материальную, но творческую помощь. Так 14 января 1946 г. бюро Челябинского отделения союза советских писателей специально рассмотрело вопрос «О творческой помощи детским писателям Кузнецову и Преображенской». Бюро постановило: «Отобрать стихи Кузнецова и Преображенской для издания отдельным сборником. Изыскать средства для организации работы над книгой «Ребята Урала в дни Великой Отечественной войны». Поручить т. Гольдбергу договориться с горкомом ВЛКСМ и с горно об организации встречи пионервожатых и школьных работников с детскими писателями т.т. Кузнецовым и Преображенской и ознакомиться с новыми стихами т. Преображенской»¹². Большинство намеченных мероприятий было выполнено.

Но вопросы творчества оказались в этот период неразрывно связаны с политическими вопросами, обсуждение которых носило очень болезненный характер. Так 18 февраля 1948 г. при Челябинском отделении союза советских писателей состоялось собрание, посвященное выходу в свет постановлений ЦК ВКП(б), по проблемам развития советского искусства. Его участник отмечали особую важность

и своевременность этих постановлений, особенно для южно-уральских писателей и поэтов. Один из участников собрания Т.В. Тюричев в своем выступлении, в частности сказал: «Я должен бросить упрек вам и такого порядка, чтобы товарищи не особо увлекались коммерческой стороной. Нельзя себя ориентировать на то, чтобы писать лишь бы деньги заплатили... Когда вещь делается более благородной, а когда заранее предназначена к среднему вкусу, то это снижает качество. Но одновременно у нас встает вопрос материального порядка. Здесь тов. Чаринцев присутствует. Надо дать указание культурно-просветительным учреждениям, чтобы они нас пропагандировали. У нас есть удачные песни. Только при таком содружестве, может быть работа плодотворной, и можно будет практически реализовать это историческое решение...»¹³

Выступивший чуть позже председатель Челябинского отделения композиторов М.Я. Черняк тоже рассказал о множестве проблем, с которыми сталкивались в своей повседневной жизни представители художественной интеллигенции Челябинска. Главная из которых состояла в том, что «у нас даже к себе уважения мало, мы недостаточно внимательны к товарищам хотя бы в смысле того, чтобы посетить, когда устраиваются творческие вечера, у нас нет хорошей творческой атмосферы вообще в г. Челябинске, поэтому наша задача поднять интерес к нашему замечательному промышленному городу. Поднять интерес к культурным силам города с тем, чтобы можно было, когда сюда приезжают люди удержать их, а то приезжает довольно интересный человек и скоро уезжает, потому что нет здесь атмосферы, которая бы удерживала людей. Я сам хочу уехать на несколько лет из Челябинска...»¹⁴.

Еще об одной серьезной проблеме говорил в своем выступлении В.Я. Вохминцев. «Это постановление, — утверждал он, — ... имеет значение для всего советского искусства как такового, для всей художественной интеллигенции... у нас плохо с кадрами профессиональной критики, откровенно говоря, можно сказать, что у нас нет критиков-профессионалов. Но у нас есть общественность, есть интеллигенция, которая, не являясь специалистами в той или иной отрасли художественного творчества, может иметь право высказывать свою точку зрения на то или иное произведение, отдельный концерт, спектакль и т. д. и мне, кажется, что надо наладить более тесную форму общения...»¹⁵.

Завершил дискуссию секретарь обкома ВКП(б) Лашин, который в своем выступлении заметил: «Тов. Сталин в беседе с партийными работниками, с советскими работниками, некоторое время тому назад, поставил перед ними задачу: поднять уровень культуры городов Урала до уровня культуры столичных городов — Москвы и Ленинграда. Я должен сообщить конференции, что перед ее началом бюро

обкома партии подробно и глубоко познакомилось с содержанием творчества некоторых наших поэтов и писателей и в первую очередь, с произведениями Татьянической. Сборник стихов Татьянической «Отчий дом» явился предметом обсуждения на бюро обкома партии, обсуждения в хорошем смысле этого слова. Бюро глубоко проанализировало идейный, художественный и творческий облик этого произведения... бюро обкома партии считает, что в целом идейно-художественный уровень сборника Людмилы Татьянической не отвечает тем высоким задачам, которые стоят перед советской литературой. ... Бюро областного комитета партии подчеркивает, в первую очередь, что многие стихотворения Татьянической не отражают полностью социалистической действительности, не раскрывают во всей глубине высокие моральные качества советского человека и патриотических идей, связанных с темой Сталинского Урала, над которой работает автор сборника... Отдельные попытки дать картину пафоса труда часто в стихотворениях звучат искусственно, а иногда имеют антихудожественный характер...¹⁶.

По мнению Лашина, основные недостатки творчества литературной группы города Челябинска объяснялись тем, что поэты замкнулись в своей среде, не выступали перед широкой аудиторией, а, если и выступали, «то в качестве своеобразных концертных исполнителей стихов и только», что не создавало обстановки и условий для обсуждения и критического разбора их творчества. Так же отрицательно на творчестве молодых поэтов сказывалось отсутствие профессиональной критики и нежелание областного отделения СП СССР привлечь к этому делу имеющиеся квалифицированные силы лекторов области. Лашин подчеркнул особо: «...Нужно бороться за чистоту звания поэта и писателя. Нужно привлечь к работе литературной организации новых авторов, широкий актив одаренной молодежи, проявлять глубокое и чуткое внимание к работе каждого автора. Именно по этому пути мы должны идти. Одновременно с этим нужно повысить требовательность к каждому члену, к каждому активисту литературного фронта, мы не можем мириться с тем, что бы у нас попадались люди идейно не выдержанные, которые в быту ведут себя не так как советские граждане. Нужно таких людей не изгонять, а исправлять. Нужно требовать, чтобы наша литература делалась чистыми руками. В нашей литературе больше, чем где бы то ни было, нужно бороться с малейшими проявлениями пережитков капитализма в сознании людей. Нужно не только правильно отражать действительность, наши поэты и писатели призваны вести за собой вперед читателей и это может быть лишь в том случае, если они сами идейно и в культурном смысле стоят выше читателей. ... Широко поставленная и плодотворная марксистско-ленинская учеба поможет нашим

писателям добиться высокого подъема их творчества»¹⁷.

Таким образом, анализ исследованного архивного материала убедительно свидетельствует о том, что Челябинское отделение СП СССР в первые послевоенные годы работало в очень непростых условиях. Мощное политическое давление со стороны партийных органов, минимальная финансовая поддержка со стороны государственных структур, тяжелая социальная обстановка в регионе и своеобразие региональной культурной среды, а так же множество других объективных и субъективных факторов, сработавших в резонансном режиме привели к тому, что многие представители южно-уральской художественной интеллигенции оказались в тяжелой социально-бытовой ситуации. Челябинское отделение СП СССР пыталось решить некоторые из обострившихся проблем, но далеко не всегда удачно. Сказались и малочисленность организации, и ограниченность ее финансовых ресурсов, и ее вовлеченность в различные политические компании, которые в это время проходили не только на Южном Урале, но и в масштабах страны в целом. Вместе с тем, следует признать, что Челябинское отделение СП СССР наряду с другими организациями, которые занимались вопросами поддержки представителей художественной интеллигенции, сумело сохранить основной костяк творческого объединения и тем самым решило очень важную историческую задачу.

Примечания

¹ Партийное руководство деятельностью общественных организаций интеллигенции в период социалистического строительства: Межвуз. сб. науч. тр. — Л. : ЛГПИ, 1984. — 145 с., Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! / Т.П. Коржихина. — М. : Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1997. — 372 с.; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. — М. : МФД, 2002. — 872 с. и др.

² <http://www.dis.ru/nko/arhiv/2003/5/3.html>

³ Столичная художественная интеллигенция в культурном пространстве сибирских городов (1941—1945 гг.) // Интеллигенция России и Запада в XX—XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Материалы научной конференции, 28—29 мая 2004 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. — С. 210—212; Антипина, В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е гг. / В.А. Антипина. — М. : Мол. гвардия, 2005. — 408 с.; Цитко, В.В. Деятельность писательской организации г. Свердловска в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / В.В. Цитко // Уральские Бирюковские чтения: Сб. научн. статей. / науч. ред. проф. С.С. Загребин. — Вып. 3. — Челябинск. : Абрис, 2005 — С. 247—252; <http://>

[www.sgu.ru/ie/hist/vipusk19/pdf/golub_barinov / glava3.doc](http://www.sgu.ru/ie/hist/vipusk19/pdf/golub_barinov/glava3.doc) и др.

⁴ Челябинск : Энциклопедия / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. — Челябинск : Каменный пояс, 2001. — С. 805.

⁵ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 35.

⁶ http://www.businessmix.ru/docs_cccp.php?id=5240.

⁷ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

⁸ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л. 60.

¹¹ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 64—65.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 19—20.

¹⁴ ОГАЧО. Ф-Р. Д. 1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 7—14.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 104—105.

¹⁷ Там же. Л. 118—119.

ПАРАДИГМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Во все времена Россия была общепризнанной великой державой. В этой стране исторически проживали, сообща трудились и защищали ее свыше 160 наций и народностей. Российское государство не испытывало больших проблем пока не стремилось насильно сломать веками сложившийся порядок в системе экономической, социальной и культурной интеграции народов¹. История неоднократно подтверждала фактами межнационального и конфессионального конфликта, что любое силовое вмешательство государства в эту сложную сферу приводит к нарушению стабильности в стране. Надо учитывать и то, что некоторые народы, особенно те, что исповедуют ислам, стремятся жить не по Конституции, а по традициям, обычаям и «законам шариа». Противоречие, на мой взгляд, в том, что в наследство от советского периода в истории России осталось некоторое пренебрежение к национальной культуре. Особенно этот факт характерен для малочисленных народов. Идеологически выверенная глобальная программа, – создать советский народ, в котором все равны, привела к фактическому игнорированию национальной истории, а порой и ее неправильному истолкованию, в угоду господствующему режиму того времени.

Вступление России в новое тысячелетие должно стать новым, конструктивным этапом в национальной политике. Задача государства и общества в этом направлении заключается, в выявлении гносеологических причин и противоречий, мешающих дальнейшему развитию народов России. Необходимо переосмыслить отношение к этой проблеме, как с точки зрения ее глубокого научного изучения и обсуждения на всех уровнях власти, с использованием рекомендаций общественности. Объединить, сплотить все здоровые национальные силы, стоящие на позиции дружбы народов. Именно для этого необходимо приложить максимум усилий, чтобы решить национальные проблемы как России в целом, так и Южного Урала в частности.

На развитие межнациональных отношений существенное влияние оказывает наследие исторического прошлого, в котором заложены позитивный опыт и традиции сотрудничества и дружбы народов Челябинской области. Именно они обеспечивали значительный прогресс в национально-государственном строительстве, экономике, культуре, науке, образовании, достигнутый Челябинской обла-

стью в XX веке. Вместе с тем, всем народам страны был нанесен серьезный ущерб тоталитарной системой, массовыми депортациями и репрессиями, разрушением и унификацией многих национально-культурных ценностей. Наряду с достижениями в развитии и сотрудничестве народов в советский период, проводился курс на унификацию, заложивший основу нынешних противоречий.

Челябинская область многонациональный субъект РФ. Исторически сложилось так, что на ее территории проживают представители более 130 наций. Много лет бок о бок, в дружбе и согласии живут русские и немцы, украинцы и татары, башкиры и казахи, евреи и чуваша, и представители других этносов. При этом они желают помнить о своих исторических корнях, о национальной культуре².

Россия исторически была федерацией народов и земель. Каким бы сложным, противоречивым, великим или трагичным ни был этот процесс, он сделал нас людьми, достаточно близкими по своим духовно-нравственным ориентациям, соотечественниками, гражданами единого Отечества. Преступления и невежество разного рода царей, вождей и секретарей не смогли остановить великое историческое сотворчество народов, свойственное для России.

В конце 80-х начало 90-х годов ознаменовано активным ростом в обществе национального самосознания. Особую роль в этом процессе заняла национальная элита. В основном это ученые, преподаватели и бизнесмены. Именно они вкладывали в это дело свой ум, опыт, финансовые и другие ресурсы. Активно начали создаваться национально-культурные центры. Однако проблема заключалась в том, что эти центры работали каждый сам по себе. Только ближе к 1997 году, когда зарегистрировалась областная ассоциация национально-культурных объединений, был сделан первый шаг в объединительном направлении.

Актуальность проблемы возрастает еще и потому, что Челябинская область является пограничным с Казахстаном субъектом, через который, в свою очередь, нелегальным путем осуществляется приток мигрантов и сектантов ваххабитского толка, которые вносят раскол в мусульманскую общину России. Поэтому здесь проблемы национальной безопасности в этноконфессиональном смысле приобретают особый смысл.

Исходя из этого, необходима выработка четкой и взвешенной национальной политики в России и в Челябинской области. Главным институтом, способным стать локомотивом этой политики, должна стать государственная власть, на всех ее уровнях. Только государство, с ее мощным ресурсным потенциалом, способно конструктивно, целенаправленно и системно решить столь важные и сложные задачи. Для этого необходимо привлекать самые широкие общественные слои гражданского общества России.

Первым шагом государства к такой политике, стала разработка Концепции национальной политики РФ. Следующий шаг, это разработка и принятие региональной Концепции. Но процесс демократизации в сфере национальной политики без разработки механизма ее реализации обречен на провал. Поэтому важно на начальном этапе подготовки к принятию стратегии национальной политики определить первостепенные задачи. В приоритеты была выбрана политика формирования толерантного сознания. Разработка и реализация системы государственных мер по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе является комплексной задачей, требующей скоординированных усилий органов государственной власти, опоры на общественные объединения. Комплексный характер этой задачи обусловил необходимость создания специальной федеральной целевой программы для ее решения.

Потребность в прояснении общего и особенно в разрешении проблемы толерантности получила исследовательское измерение в масштабах Российской Федерации с утверждением государственной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001—2005 годы)».

Не остались в стороне от этих дел Правительство и Законодательное Собрание Челябинской области. Важным документом, способствующим, целенаправленному содействию в сфере формирования толерантного сознания и профилактики национального и религиозного экстремизма явилась Концепция региональной национальной политики Челябинской области. В ней системно определены современные принципы и приоритеты, которые должны учитывать национальные интересы всех ее народов, способствующие развитию их самобытности и равноправного сотрудничества и направленной на использование исторического потенциала каждого народа в интересах и во благо всей многонациональной Челябинской области. Необходимо учесть и то, что объективный процесс совместного взаимодействия 111 народов проживающих, на территории Челябинской области способствовал ассимиляции этнической кооперации.

По данным социологических исследований УРО-РАН были выявлены факторы, способствующие уси-

лению деструктивных тенденций среди гражданского населения области.

Среди башкир и татар больше занятых преимущественно физическим трудом 89,1 % и 81,1 %, соответственно среди русских — 70,5 %, украинцев — 67,1 %. Заняты преимущественно умственным трудом: русские — 30,9 %, украинцы — 34,9 %, башкиры — 11,4 %, татары — 18,9 %.

Законодательное собрание, Правительство Челябинской области совместно с представителями национально культурных центров, учеными вузов региона приняли региональную Программу «Основные направления реализации государственной национальной политики в Челябинской области на 2004—2010 годы»³. Программа ориентирована на развитие Концепции региональной национальной политики и законодательной базы с учетом социально-политических и экономических изменений в Челябинской области и в России. Проведение мониторинга реализации федеральных законов «О языках народов Российской Федерации», «О национально-культурной автономии», «Об образовании» и др. законодательных актов, регулирующих государственную национальную политику и деятельность национально-культурных общественных объединений, а также мониторинга правоприменительной практики реализации законодательства других субъектов Российской Федерации с целью совершенствования областной правовой базы, регулирующей национальные отношения. Этнополитический мониторинг и работа с органами местного самоуправления и национально-культурными общественными объединениями. Отслеживание деятельности национально-культурных общественных объединений и национально-культурных автономий области.

Анализ тенденций изменения национального состава жителей Челябинской области по итогам переписи населения 2002 г. Мониторинг этнополитической ситуации в области в связи с миграцией населения и анализ состояния межнациональных отношений в Челябинской области.

Взаимодействие органов исполнительной власти с национально-культурными объединениями Челябинской области в области реализации региональной национальной политики осуществляется посредством проведения мероприятий с Челябинским областным Домом дружбы народов⁴.

Программа предусматривает формирование системы мер предотвращения, раннего предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов. Мониторинг межнациональных конфликтов на территории Челябинской области определяет реализация федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе (2001—2005 гг.)»⁵. Программой предусмотрена разработка образовательных программ, направленных на фор-

мирование толерантного сознания, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу, а также методическое обеспечение образовательных программ по формированию толерантности.

Организация и проведение «круглых столов» по проблемам развития национального образования Программа решает следующие основные задачи:

— «Проблемы межнационального согласия и современный образовательный процесс в полиэтническом регионе»,

— «Национальная школа как социальный институт сохранения и развития национальной культуры, воспитания культуры межнационального общения»,

— Реализация системы мер по предотвращению конфликтов на национальной почве.

С целью укрепления дружбы и сотрудничества между народами Программа расширяет диапазон сотрудничества с другими субъектами РФ и СНГ.

Углубление сотрудничества с Республикой Татарстан на основании Договора о торгово-экономическом, социальном и культурном сотрудничестве между Правительством Республики Татарстан и Правительством Челябинской области.

Укрепление сотрудничества с Республикой Башкортостан на основании Соглашения о сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Челябинской областью. Развитие сотрудничества с другими субъектами Российской Федерации в области реализации государственной национальной политики.

Важным звеном в системе национальной политики является изучение и пропаганда национально-культурного наследия народов Челябинской области. Без знания своих «корней», национальной культуры нация может исчезнуть. И поэтому, сохранение национально-культурного наследия является важнейшей задачей государства. В этой связи Программа предусматривает следующие мероприятия:

— организация и проведение полевых археологических, этнографических, фольклорных и историко-культурных исследований народов Южного Урала,

— создание Свода (каталога) памятников истории и культуры народов, проживающих на территории Челябинской области,

— создание карт расположения историко-культурных памятников народов, проживающих на территории Челябинской области,

— выявление, учет и пропаганда частных и общественных этнокультурных коллекций,

— организация и проведение этнокультурных экскурсий и разработка туристических маршрутов.

Сохранение и поддержка национально-культурной самобытности народов способствует выявлению неповторимой и своеобразной индивидуализации народа. Для этого Программа предусматривает оказание помощи в создании национально-культурных объединений (филиалов) в районах области.

Разработку (совершенствование) программ национально-культурного возрождения и развития народов в местах их компактного проживания на примере реализации «Федеральной целевой программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997—2006 годы»⁶.

Содействие развитию взаимодействия национально-культурных объединений через проведение совместных мероприятий.

Изучение и пропаганда лучших национальных традиций природопользования, хозяйственной деятельности, обыденной жизни (домоустройство, семейный уклад, кулинария). Проведение конкурсов мастеров («лучшая хозяйка», «лучший дом», «лучшая рукодельница» и т. п.). Организация и проведение молодежного (детского) конкурса «Мой народ – культурное возрождение». Проведение Дней национальных культур. Участие национально-культурных общественных объединений в Днях городов и районов Челябинской области. Проведение торжественных мероприятий, посвященных выдающимся деятелям национальных культур народов области.

Освоение и передача национально-культурного наследия невозможно без поддержки и развития национального образования. Совершенствование этнокультурного образования предусматривает разработку программы этнокультурного образования в Челябинской области (с изучением родного языка). Создание банка данных по этнокультурному образованию.

Создание Центра этнокультурного образования при Челябинском институте дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) работников образования позволяет в процесс подготовки и переподготовки учителей включать этнический компонент. Кроме того, в его сферу вошли следующие мероприятия:

- разработка научно обоснованных моделей этнокультурных образовательных учреждений,
- подготовка и издание хрестоматии по этнокультурному образованию (воспитанию, этнопедагогике),
- организация и проведение региональной научно-практической конференции «Проблемы этнокультурного образования»,
- организация и проведение конкурса этнокультурных инициатив в сфере образования (для учащихся и работников образования),
- направление детей для обучения в учебные заведения республик Татарстан и Башкортостан в соответствии с соглашением о сотрудничестве,
- развитие сети образовательных учреждений с изучением национальных языков и культур,
- содействие мониторинговым исследованиям по выявлению образовательных потребностей в сфере этнокультурного образования,

- содействие в работе по формированию сети образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования,
- содействие в открытии воскресных школ для детей различных национальностей.

По результатам изучения потребности родителей и учащихся в образовании на родном языке оказывать содействие в открытии экспериментальных муниципальных негосударственных общеобразовательных учреждений с этнокультурным компонентом в городах и районах области:

- русская национальная школа,
- татарская национальная школа,
- башкирская национальная школа,
- немецкая национальная школа,
- еврейская национальная школа и др.

В сфере поддержки образовательных учреждений, реализующих этнокультурные программы, решено открыть воскресные школы с татарским языком обучения, лингвистические лагеря российских немцев (МОУ СОШ № 93 г. Челябинска), а также обеспечить работу Центра культуры речи при Челябинском государственном педагогическом университете.

С целью обновления содержания общего образования (с национально-региональным компонентом) решено организовать проведение «круглых столов» по тематике «Проблемы межнационального согласия и современный образовательный процесс в полиэтничном регионе».

Таким образом, проблемы реализации национальной политики требуют от руководства Челябинской области привлечения новых ресурсов, не только финансовых, но и интеллектуальных, материальных и административных. Поэтому к этой работе подключились Общественная палата Челябинской области и Гражданский форум.

Примечания

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Указ Президента РФ, № 909 от 15 июня 1996 года // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 3010.

² Концепция региональной национальной политики Челябинской области. — Челябинск: Издание Администрации области. — 1998 — С. 15.

³ Программа «Основные направления реализации государственной национальной политики в Челябинской области на 2004—2010 годы». — Челябинск: Издание Администрации области. — 1998. — С. 41.

⁴ О создании областного государственного учреждения «Дом дружбы народов Челябинской области»: Постановление Правительства Челябинской области от 25 апреля 2003 г. № 48. // Южноуральская панорама. — 5 мая 2003. — С. 6.

⁵ Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе (2001—2005 годы)» // www.smi74.ru/comitet/comitet-tMjm7.doc.

⁶ Президентская федеральная целевая программа «Развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997—2006 годы». — М., 1997. — С. 43.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПО ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СТАЛИНСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЕ

В современной литературе споры о численности заключенных в сталинских лагерях давно перекочевали из области статистики в сферу политики. Не затухающий дискурс по этому поводу включает широкий диапазон оценок, не всегда подкрепленных убедительными фактами и аргументами, в подборе которых легко угадываются плохо скрытые политические интересы субъектов.

Почти все публикации, затрагивающие вопрос о количестве репрессированных в те годы, можно отнести к двум доминирующим направлениям. В первое из них входят работы, обличающие режим, называющие многомиллионные цифры осужденных в лагерях и тюрьмах Советской России с 1919 по 1956 гг. Во втором направлении представлены работы исследователей пытающихся на основе архивных данных найти истинное количество заключенных указанного периода.

Публицисты и писатели в своих работах указывают количество заключенных в Советской России, измеряющееся миллионами человек. При этом разные авторы называют цифру от 6 до 20 миллионов заключенных¹.

Представители некоторых западных школ, ошеломленные невиданным размахом сталинских репрессий, нередко публиковали надуманные цифры, выдавая их за достоверные. Так, в 1945 году А. Бармин утверждал, что в концентрационных лагерях СССР находится 12 миллионов человек².

Так же большую цифру в 11 миллионов осужденных назвал в своей работе «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын. Для оправдания своих вычислений авторы прибегают к подсчетам по категориям осужденных. Как правило, они выделяют три категории. К первой самой массовой категории относят граждан – выходцев из городской среды, которых осудили по политическим статьям. Арест этой категории производился органами государственной безопасности (ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ) и приговор выносился этими же органами. По предварительным оценкам, за период с 1918 по 1956 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллионов человек. Другая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании по борьбе с кулачеством. Всего за 1930—1933 гг. по разным оценкам вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллионов человек. Меньшая часть из них была арестована и приговорена к расстрелу или к заключению в лагерь. Около 2 миллионов ста-

ли «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей, кроме того, значительная часть «кулаков» бежала от репрессий в большие города и на индустриальные стройки. Именно эта часть обычно не учитывается в числе репрессированных. Третья массовая категория жертв политических репрессий — народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее массовыми эти административные депортации были во время войны в 1941—1945 гг. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составляло около 2,5 миллионов человек.

Другие данные дают ученые-архивисты В.А. Пронько, А.И. Какурин, В.Н. Земсков³. Цифры, представленные ими, не превышают 3—5 миллионов осужденных в указанный период. Каждый из них в своих доказательствах ссылается на материал, хранящийся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ). Примерно тех же оценок придерживается и В.П. Матревич, утверждая в своих исследованиях, что в пенитенциарной системе СССР было около 4,5 миллионов человек. В этих условиях выглядит оправданной попытка установить на базе архивных материалов количество осужденных, находящихся в исправительно-трудовой системе Южного Урала и экстраполировать местные результаты на всю страну.

Исходной точкой отсчета для исследования может стать 1919 год, когда опасности гражданской войны отодвинулись на второй план и встала задача мирного строительства. Именно в этот период по всей стране разворачивается компания по замене статуса спецконтингента концентрационных лагерей с военнопленных на врагов мирного времени. Так, в приказе № 88 Челябинского губернского комитета по трудовой повинности от 12.11.1920 г. появляется определение врагов трудового народа, которых необходимо заключать в лагерь⁴.

Еще 17 мая 1919 года, в Кодексе законов России появляется уточнение к 3-й статье с формулировкой, кого именно следует интернировать как врагов: чиновников старого режима, «социальных парази-

тов», сутенеров и проституток. Здесь же говорится, что «во всех губернских городах должны быть открыты лагеря принудительных работ, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый»⁵. Но местная власть идет дальше, пытаясь сделать подобное в каждом уездном городе. В докладе Челябинского губисполкома времени говорится о создании центрального губернского лагеря на 1000 человек⁶.

И в этом губернская власть получает поддержку из центра. Центральный карательный отдел (ЦЕКО) переводят в систему НКВД, а перед ВЧК ставят задачу организовать лагеря принудительного труда в губерниях, которых в стране на тот момент было 97⁷. Соответственно сразу же в стране возникло 97 губернских лагерей принудительных работ, в каждом из которых содержалось около 1000 человек. Только в этих губернских лагерях было 97 000 осужденных, и лагеря эти были не единственными. В то время насчитывают пять типов лагерей:

- лагеря специального назначения;
- концентрационные лагеря общего типа;
- лагеря принудительных работ;
- лагеря для военнопленных;
- пересылочные лагеря или уездные.

Однако, как подчеркивает «Мемориал», в архивных документах НКВД термины «лагерь принудительного труда» и «концентрационный лагерь» часто используются как синонимы. Встречается даже наименование «лагерь концентрационных работ». И этот факт вносит определенные погрешности при подсчетах.

Унификация концентрационных учреждений шла полным ходом, хотя некоторые места заключения все еще оставались в ведении Наркомата юстиции, ВЧК и местных комитетов. Задача значительно облегчалась тем, что Дзержинский возглавлял одновременно НКВД и ВЧК.

Организация, находящаяся в ведении НКВД, ВЧК (которая имела, впрочем, дополнительно свою

собственную сеть) и ЦЕКО, просуществовала — под разными названиями — до 1922 года. Чаще всего ее именовали как Главное управление принудительных работ (ГУПР). В 1920 году в лагерях ГУПРа насчитывалось примерно 25 тысяч заключенных, и еще 48 тысяч — в учреждениях ЦЕКО.

В январе 1921 года статистические показатели во многом оставались прежними: на сей раз — с учетом военнопленных (24 тысячи) в ГУПРе около 51 тысячи заключенных, в ЦЕКО — 55 тысяч. К концу года в 84 лагерях этих организаций содержалось 41 тысяча и 73 тысячи человек соответственно⁸.

На 1922 год в Советской России функционировало 330 учреждений с численностью заключенных в 85 531 человек⁹. Все представленные цифры взяты из архивного материала.

Как видно, из цифр, статистические данные расходятся на десятки тысяч человек в местах лишения свободы. И эти цифры очень трудно сопоставить. Намного проще выяснить численность спецконтингента в одной губернии.

На начало 1920 г. в Челябинской губернии, как и во многих других, стала развиваться своя лагерная система, которая во многом тогда была независимой от ВЧК и НКВД, поскольку в известных архивных документах нет сведений о подчиненности этим органам вновь возникшей системы. А система лагерей принудительного труда имела в то время вид, представленный в схеме.

В представленной схеме следует отметить один любопытный момент. В пяти уездных городах от царского режима остались тюрьмы, которые были переданы в ведение местных ЧК. Так, в ведение ЧК была передана Верхнеуральская, Челябинская, Троицкая, Курганская тюрьмы. По данным Челябинского ГУИНа на 1920 г. в вышеуказанных тюрьмах содержалось 11 000 заключенных¹⁰. Местная газета «Советская правда» в 1920 г. писала об этом, опери-

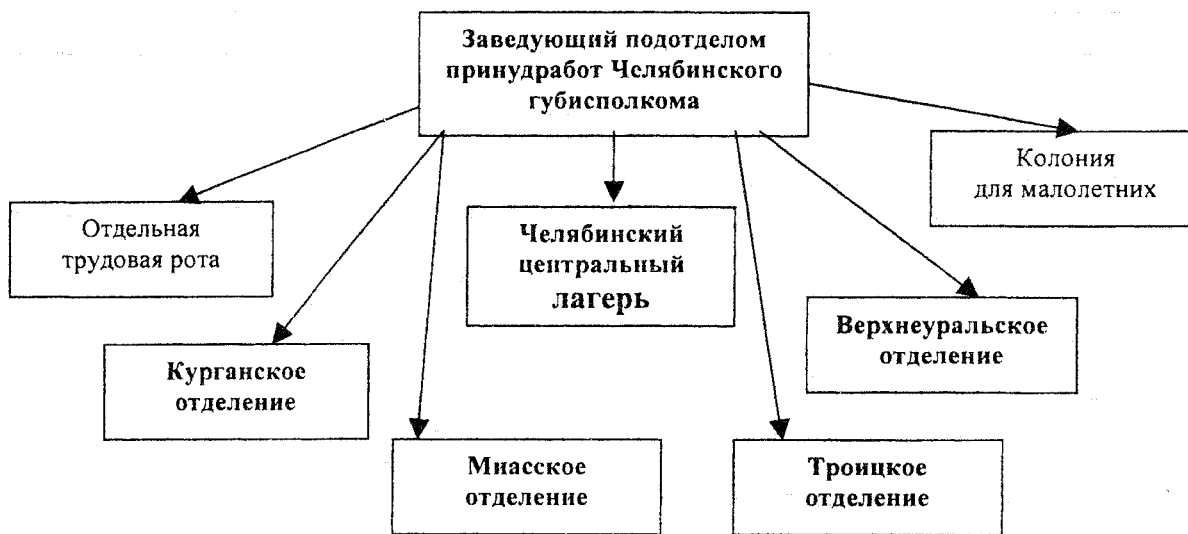

Схема организаций подотдела принудительных работ г. Челябинска¹¹.

руя другими цифрами. «В Челябинской губернии имеется четыре тюрьмы, переименованные сейчас в исправительные дома: в Челябинске с 1097 заключенными; в Троицке со 151 заключенным; в Кургане с 315 заключенными; в Верхнеуральске со 100 заключенными»¹². Итого в тюрьмах Челябинской губернии содержалось 1663 заключенных по линии ВЧК.

А в системе принудительных работ находилось людей гораздо больше. В самом Челябинске в Центральном лагере содержалось 1000 человек, а в уездных отделениях были организованы свои лагеря от 130 до 300 человек с меньшими сроками заключения, либо вообще без таковых. Так, в Курганском лагере на 12.10.1920 г. было 19 осужденных без лишения свободы¹³. Они свободно перемещались по городу и выполняли при лагере административную работу. В целом же, в уездных лагерях Челябинского губисполкома содержалось (в зависимости от периода отчетности) от 520 до 1200 заключенных. Их использовали на работах при уездных отделениях, на заготовке дров или на добыче угля. При этом необходимо сказать и об отдельной трудовой роте, которая состояла из 5 взводов — взвода специалистов по направлениям работ, взвода чернорабочих (мобилизованных кулаков), взвода арестованных административных работников (сотрудники

местного аппарата отбывающие срок) и двух взводов военнопленных (заключенных во время гражданской войны)¹⁴.

В целом отдельная рота имела численность до 300 человек и выше. Архивы содержат данные о том, что военнопленных в Челябинске было 300 человек, а в уезде Кургане пленных русских — 2834 человека¹⁵. Однако постепенно количество военнопленных сокращалось. За квартал с января по апрель 1921 г. их численность уменьшилась на 600 человек.

Анализ архивных источников показывает, что средняя численность осужденных в лагерях Челябинского губисполкома была в диапазоне от 2000 до 2500 человек. А с учетом осужденных в тюрьмах эта цифра увеличивалась еще на 1600 человек и могла в 1921 г. равняться 4000 человек. Необходимо отметить, что половина этого спецконтингента в сводках ВЧК и НКВД не учитывалась, так как находилась в ведении местных властей.

Архивные данные не дают четких цифр. Но на основе расчетных данных можно утверждать, что количество осужденных в местах лишения свободы менялось достаточно плавно. Отмечались года, когда осужденных было гораздо меньше, чем в предшествующие годы, а по применяемым мерам прогрессирующей динамики не наблюдалось.

Число осужденных по годам за особо опасные государственные преступления¹⁶

Год	высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры	всего осуждено
1921	9701	21 724	1817	2587	35 829
1922	1962	2656	166	1219	6003
1923	414	2336	2044	—	4794
1924	2550	4151	5724	—	12 425
1925	2433	6851	6274	437	15 995
1926	990	7547	8571	696	17 804
1927	2363	12 267	11 235	171	26 036
Итого	20 413	57 532	35 831	5110	118 886

Если предположить, что доля заключенных в других губерниях была примерно такой же, то к середине 1927 года общее число заключенных в СССР должно было составлять примерно 200 тысяч человек¹⁷, что, по-видимому, соответствует действительности.

В последующие годы лагерная система усовершенствовалась и обросла на региональном уровне «Приндукстами». Эти кусты стали прообразом ГУЛАГовских ИТЛ, которые появились уже после Великой Отечественной войны. Среди лагерей были такие гиганты, как Бакальский ИТЛ; Челябинский ИТЛ; Кузнецкий ИТЛ¹⁸. В них заключенных было гораздо больше, чем в соседних территориях. Только в Челябинских ИТЛ (по географической принадлежности) на 1948 г. было более 56000 человек без

учета отдельных командировок и вспомогательных лагерей. Но были еще и тюрьмы МВД и МГБ, отдельные ИТК подчиненные другим ведомствам, трудпоселки и поселения, где так же находились не свободные граждане Советского Союза. На основании документов на конец 50 гг. XX века можно говорить о 100 000 заключенных, отбывающих срок в Челябинской области.

А.С. Смыкалин в своей работе исследуя исправительно-трудовую систему пришел к выводу, что точной цифры назвать не возможно из-за отсутствия единой статистической базы в ГУЛАГе. По отдельным категориям в его работе представлены данные, указывающие на сотни тысяч заключенных в тюрьмы¹⁹.

Система лагерей ГУЛАГа по сути осталась прежней не смотря на факт передачи всех лагерей в 1934 г в ведение ГУЛАГа НКВД СССР. Единая система должна была контрольные цифры привести в соответствие с отчетами. Но по отчетам различных наркоматов разница достигала 150 000 человек на год отчета. Так в докладной 1954 г. на имя Хрущева²⁰ написано об осуждении 799 455 осужденных к высшей мере вместо 642 980 в отчете и 2 634 397 приговоренных к заключению вместо 2 369 220 так же по отчету. Разница видна без вычислений.

Кроме того, необходимо учитывать, что в приведенные цифры попало изрядное количество уголовников. Дело в том, что на одной из хранящихся в архиве справок, на основании которых, как правило, авторы строят свои доказательства, имеется карандашная помета: «Всего осужденных за 1921–1938 гг. – 2 944 879 чел., из них 30 % (1062 тыс.) – уголовники»²¹. Обычно многие исследователи данную категорию не включают в статистику заключенных сталинского периода. Это тоже в свою очередь приводит к статистическим расхождениям.

В известной степени оценить цифру прошедших через ГУЛАГ позволяет следующая записка²²: «6 августа 1955 г. Начальнику ГУЛАГа МВД СССР генерал-майору Егорову С.Е. Всего в подразделениях ГУЛАГа хранится 11 миллионов единиц архивных материалов, из них 9,5 миллионов составляют личные дела заключенных. Начальник секретариата ГУЛАГа МВД СССР Майор Подымов».

Напрашивается вывод, что одна часть авторов в своих доказательствах учитывает всех заключенных, а вторая (для соблюдения исторической справедливости) учитывает только отдельные категории заключенных. Зачастую, в учет не берутся осужденные по уголовным статьям, а так же те, кто числились за другими наркоматами и учреждениями. А это означает, что дискурс по предмету количества заключенных в сталинских лагерях и статья их осуждения остается открытым.

Примечания

¹ Шатуновская, О.Г. Фальсификация / О.Г. Шатуновская // Аргументы и факты. – 1990. — № 22.

² Barmine, A. One who survived. N.-Y. — 1945. — P. 325.

³ Земсков, В.Н. Политические репрессии в СССР (1917—1990 гг.).

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 110. Л. 373.

⁵ Декрет ЦИК об организации лагерей принудительного труда // Сборник декретов 1919 г. — М., 1920. — С. 80.

⁶ 4. ОГАЧО. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 110. Л. 373.

⁷ Менделеев, Д.К. К познанию России / Д.К. Менделеев. — Буэнос-Айрес, 1952. — С. 136—138.

⁸ Котек, Ж. Век лагерей / Ж. Котек, П. Ругуло. — М., 2003. — С. 115.

⁹ ЦГАОР. Ф.4042 // Уголовно-исправительное России. — М., 2003. — С. 80.

¹⁰ 125 лет Челябинскому ГУИНу. — Челябинск, 2000.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 110. Л. 373.

¹² Газета «Советская правда» от 24 ноября 1920 года.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 110. Л. 373.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАРФ. Ф.9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; Попов, В.П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация / В.П. Попов // Отечественные архивы. — 1992. — № 2. — С. 28.

¹⁷ Котек Ж. Ругуло П. Цит. соч.

¹⁸ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157 Л.201—205; Попов, В.П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация / В.П. Попов // Отечественные архивы. — 1992. — № 2. — С. 28.

¹⁹ Смыкалин, А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. — Екатеринбург, 1997. — С. 177—192.

²⁰ Дугин А. Сталинизм: легенды и факты / А. Дугин / Слово. — 1990. — № 7. — С. 26.

²¹ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157. Л.201—205; В.П. Попов. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. — 1992. — № 2. — С. 28.

²² Там же.

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Время политическое стало разрабатываться намного позже, чем социальное, однако, так как оно затрагивает политическую жизнь общества, вторгаясь тем самым в сферу времени социального, можно сделать вывод о том, что политическое время может считаться подвидом социального времени.

Социальное время (иначе говоря, время человеческого бытия) — это коллективно воспринимаемое время, некая универсалия культуры, которая составляет ритм и скорость протекания событий за некоторый период существования индивида или группы.

Таким образом, время политическое выступает неким иным качеством времени, взаимодействующим с политической сферой жизни общества.

Для того чтобы не допустить неточности и разночтения в трактовке понятия политического времени, необходимо рассмотреть трансформацию соответствующего понятия со сменой эпох, а также взгляды различных ученых на данную категорию, и синтезировать их, получив в результате общее определение политического времени.

Изучение категории времени в политике ведется отечественными учеными-политологами с начала 90-х годов прошлого века. Эти исследования были тесно связаны с общим процессом становления отечественной политической науки. Кроме того, кризисная политическая обстановка в нашей стране в обозначенный период обусловила особый интерес ученых к темам модернизации, реформирования политических институтов, которые несомненно тесно связаны с пониманием времени в политике. Смена политического режима в процессе «перестройки», кризисы власти 1991 и 1993 годов заставили задуматься ученых-теоретиков не только о модели переустройства российского общества и государства, но и о вопросах преемственности власти и властных институтов, о закономерностях трансформации и смены их во времени. Так, появилась теория политического транзита, которая в конце 90-х годов стала разрабатываться А.Ю. Мельвилем и рядом других исследователей, объясняющая процессы трансформации политических режимов, перехода от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим¹.

В 1992 году вышла статья доктора философских наук, профессора С.С. Андреева «Политическое время и политическое пространство», в которой раскрывается понятие политического времени, история трансформации понимания политического времени и обосновывается важность и необходимость детального его изучения. Однако идеи С.С. Андреева находятся в русле советского подхода к

историческому и социальному процессу, в частности, он говорит о социальном прогрессе как о процессе смены формаций. И если С.С. Андреев сумел вырваться из системы марксистской идеологии, называя Высшим Идеалом, к которому идет политической прогресс, идеалы демократии, то подход к изучению проблем времени остается советским.

По мнению С.С. Андреева, политические отношения существуют в пределах конкретного, постоянно изменяющегося, пространства. Эти пространственные изменения не происходят в один момент, они всегда разделены временными промежутками, отражающими последовательность развития политических процессов. Таким образом, политические отношения существуют не только в пространстве, но и во времени. Главными атрибутами политического времени являются длительность и последовательность, которые определяют соответственно устойчивость и направление изменчивости политических отношений и процессов.

С.С. Андреев говорит и об объективности времени, о его независимости от сознания человека. Человек оказывается беспомощным перед временем вообще и временем политическим в частности, он не может задержать, растянуть момент настоящего, не может изменить события прошедшие и заглянуть в будущее.

Еще одним главным свойством политического времени С.С. Андреев называет одновременную его непрерывность и дискретность. По его мнению, непрерывность времени складывается из конечных отрезков, отличающихся друг от друга качественным содержанием, структурой, внутренними свойствами. Дискретные отрезки, составляющие линию политического времени, представляют собой как раз ряд единиц политического времени, отражающих поступательное движение к Высшему Идеалу. И если единицей социального времени является формация, то единицей времени политического — тип политических отношений на данном отрезке.

Таким образом, политическое время это не только фактор, упорядочивающий последовательность процессов и определяющий их длительность, но и определяющий длительность политических отношений, обеспечивающих политический прогресс.

С.С. Андреев разделяет абсолютное и относительное политическое время. Абсолютным является время, которое определяет поступательное движение к прогрессу в каждой отдельной стране, а относительное время представляет собой соотношение конкретного абсолютного и абсолютного времени человечества. Причем, абсолютным временем человечества являются политические отношения

стран, которые идут впереди остальных, прокладывая путь Высшему Идеалу, остальные же являются носителями прошедшего времени или даже давнопрошедшего.

Наличие формаций, как составляющих политического времени, С.С. Андреев не подвергает сомнению, напротив, говорит об объективности их существования и нацеленности на Высший Идеал, под которым он понимает либеральные идеалы «Свободы—Равенства—Справедливости»².

В последующие годы подход к проблемам времени изменился.

Так, по мнению, Сергея Семенова, политическое время является составной частью времени социального, но, в то же время, это и особая разновидность социального времени. По его мнению, политическое время тесно связано с политической жизнью, что, к сожалению, не всегда учитывается современной политической наукой, в рамках которой политическое время зачастую отождествляется с временем историческим. Собственно, главной функцией политического времени является упорядочение и организация политической жизни социально дифференцированного общества и поэтому оно не может не иметь многослойную структуру. Политическое время является атрибутом согласованного группового политического действия средних и больших групп, поэтому оно не столько устремлено в прошлое, сколько сосредоточено на настоящем и обращено в будущее, таким образом, политическое время относится к измерению количественных характеристик политической деятельности в прошлом, настоящем и будущем³.

Говоря о свойствах политического времени нельзя не упомянуть идею А.Б. Венгерова об обратимости политического времени, которую он называет «самым странным свойством»⁴. Речь здесь идет, конечно, не о возврате каких-либо политических событий, ситуаций и свойств, а, скорее всего, о возвращении к каким-либо их аспектам, проведении аналогий, связанных с прошлым.

Полемизируя с А.Б. Венгеровым, С. Семенов говорит об еще более «странном» свойстве политического времени – о его неравномерности, связанной с многослойностью его структуры. Для разных социальных групп, общественных институтов и отдельных индивидов время течет в разном темпе, поэтому, накладываясь, получается сложная картина общего политического времени. Кроме того, политическое время способно ускоряться, или напротив, сжиматься, замедляя свой ход.

Еще одним свойством политического времени С. Семенов называет мифологичность, которая, по его мнению, выступает скорее как свойство коллективного сознания, нежели как свойство политического времени, которое, прежде всего, в кризисные моменты выстраивает сложные конструкты в созна-

нии людей, связанные часто с идеализацией прошлого, и также способно кардинально изменять поведение людей.

Еще одним исследователем политического времени и новой отрасли политической науки — хронополитики, был А.С. Панарин.

А.С. Панарин отождествлял политическое время с социальным, подразумевая под ним течение исторического процесса, политическое и социально-экономическое развитие цивилизации. Кроме того, А.С. Панарин разграничил политическое время «восточного» и «западного» типа — циклическое и линейное. В отличие от С.С. Андреева, А.С. Панарин не считает политическое время абсолютно объективным явлением, не зависящим от воли и сознания отдельных людей, по его мнению, на течение политического времени оказывает влияние конкретное общество или направление развития цивилизации, множество социально-экономических факторов⁵.

М.В. Ильин также один из первых в постсоветской России поднял вопрос о соотношении политики и времени, о сущности времени политического. Кроме того, именно в журнале «Политические исследования», главным редактором которого был тогда М.В. Ильин, в 1999 году была открыта рубрика «Пространство и время политики», в рамках которой была предпринята первая серьезная попытка обобщить весь накопленный опыт по хронополитической проблематике.

Политическое время, по мнению М.В. Ильина, выполняет множество функций. Среди них — оформление, институционализация политических действий и процессов, связывание воедино всей палитры политических событий, действий, процессов и акторов. Кроме того, политическое время является одновременно еще и одним из важнейших ресурсов власти. Исходя из этого, М.В. Ильин делает вывод о том, что недостаток политического времени грозит политике разложением, распадом.

Но помимо такого обобщенного взгляда на политическое время, М.В. Ильин предлагает трактовку политического времени с позиций современной политической науки. Категория политического времени охватывает практически все разделы и направления политической науки, практически невозможно найти такую проблему политологии, которая не требовала бы рассмотрения ее в динамике, «во времени»⁶.

М.В. Ильин также раскрывает одно из свойств политического времени, упомянутых выше – неравномерность. По его мнению, феномен времени, раскрывается плотнее, если посмотреть на него сквозь призму эволюции. Именно на вершине эволюции время становится максимально плотным и многослойным, что дает возможность наиболее эффективно рассматривать прошедшие времена, обладающие соответственно меньшей плотностью.

М.В. Ильин выделяет три диапазона времени, которые человек воспринимает одновременно. Это равномерное реальное время (Повседневность), многовекторное время истории (История) и время взаимосвязи эволюционных состояний (Хронос или Развитие). При этом каждый из этих диапазонов наделен своей логикой, размерностью, которые при первом приближении сложно друг с другом сопоставить. Кроме того, серьезную проблему представляет переход от одного диапазона в другой, ведь, например, ход исторического времени может не совпадать с течением времени физического.

Время воспринимается по-разному и обладает разными свойствами, если мы следим за событиями в реальном, настоящем времени, иначе – если вспоминаются и осмысливаются явления и события прошедшие, иначе – если проводится анализ накопленного потенциала и осуществляется прогноз на будущее. Наложение масштабных исторических событий на «мелкие», повседневные некорректно. Для первых необходим иной уровень обобщения, более масштабный, первые же, соединяясь, представляют собой некие «кванты» на линии темпоральности, которые в свою очередь, при еще большем отдалении, становятся еще менее различимы и на первый план выдвигаются еще более обобщенные тенденции политического развития. Таким образом, шкала темпоральности, которую предлагает М.В. Ильин, оказывается разделенной не отдельными событиями, а переходами от одних качественных состояний к другим. Такой диапазон темпоральности в политическом контексте М.В. Ильин называет собственно хронополитическим.

Таким образом, М.В. Ильин не только говорит о многослойности времени, но и выделяет эти слои — Повседневность, История и Хронос (Развитие).

Итак, можно сказать, что отечественные ученые-политологи рассматривают категорию политического времени с двух сторон. С одной стороны, часть исследователей подчеркивают близость и родство политического времени с социальным (С.С. Андреев, А.С. Панарин, С. Семенов), а с другой стороны, часть исследователей (в их числе М.В. Ильин) рассматривает политическое время как родственное времени историческому.

Очевидно, что категория политического времени, несмотря на то, что начала разрабатываться в России сравнительно недавно, уверенно вошла в отечественный политологический дискурс.

Анализ взглядов отечественных ученых-политологов на категорию политического времени раскрывает картину диаметрально противоположных взглядов наших ученых на некоторые характеристики и свойства политического времени. Например, среди свойств политического времени одновременно выделяется объективность (С.С. Андреев) и субъективность (А.С. Панарин), необратимость (С.С. Андреев) и обратимость (А.Б. Венгерова), что дает возмож-

ность разделить понимание времени с субъективной и объективной позиций.

В *объективном смысле* политическое время представляет собой особый вид социального времени, организующий политическую сферу жизни общества. Основными характеристиками его выступают объективность, длительность, последовательность, необратимость, многослойность, неравномерность.

В *субъективном смысле* политическое время – это сложная система восприятия политической действительности, при которой в сознании выстраивается сложный конструкт, синтезирующий в себе события и явления не только настоящего и прошедшего, но и вероятные их последствия в будущем. Поскольку этот конструкт существует только в сознании (отдельных людей или общества в целом), можно говорить и об абсолютной субъективности политического времени, о его обратимости и мифологичности (как об этом и говорил А.Б. Венгерова).

Таким образом, политическое время как вид и составная часть времени социального обладает всеми его чертами и свойствами. Так, оно обладает длительностью, события и явления протекают в определенном порядке (последовательность). Кроме того, из-за большого количества субъектов политики (индивиды, политические институты, политические партии, государство, группы давления и пр.) возникают множественные сложные связи и взаимоотношения между ними. Система таких взаимоотношений чрезвычайно сложна, потому что многие события, происходящие между субъектами, накладываются друг на друга на «ленте» времени, однако если учесть, что события и связи существуют не сразу между всеми участниками политического процесса, то политический процесс можно представить в виде многослойной конструкции развивающейся во времени. Многослойность политического времени является одной из наиболее важных его черт, раскрывающих сложность организации политического времени и его объемность. О сложности политического времени говорит также и его неравномерность. Во время революционных событий, когда происходит резкий скачок в развитии общества, политическое время сжимается, и те явления, для последовательного протекания которых нужны были годы, протекают в кратчайшие сроки. С другой стороны, во времена застоя политическое время растягивается, а порой даже и замирает, тогда в обществе не происходит никаких существенных изменений, развития (как, впрочем, и регресса).

Примечания

¹ Чихарев, И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза / И.А. Чихарев // Полис. — 2003. — № 6. — С. 51.

² Андреев, С.С. Политическое время и политическое пространство / С.С. Андреев // Социально-политический журнал. — 1993. — № 6. — С. 29

³ Семенов, С.И. Хронополитические аспекты кризисов культуры / С.И. Семенов // *Общественные науки и современность*. — 1993. — № 4. — С. 153—154.

⁴ Венгеров, А.Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) / А.Б.

Венгеров // *Общественные науки и современность*. — 1992. — № 6. — С. 61.

⁵ Панарин, А.С. *Философия политики* / А.С. Панарин. — М.: Новая шк., 1996. — С. 75—77

⁶ Ильин, М.В. *Феномен политического времени* / М.В. Ильин // *Полис*. — 2005. — № 3. — С. 5.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ — ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На сегодняшний день особую ценность в вопросе изучения международной деятельности высшей школы представляет опыт, накопленный зарубежными образовательными учреждениями. К сожалению, всеми исследователями отмечается запаздывание теоретического осмысления зарубежного опыта организации и внедрения форм и средств международного сотрудничества, тогда как, по нашему мнению, изучение опыта решения указанных проблем в других странах позволяет составить более осмысленное и адекватное представление о проблемах организации международной деятельности в отечественной системе высшей школы. Включение образовательных учреждений в процессы глобализации делают необходимым изучение на теоретическом уровне проблем международной деятельности высших учебных заведений. Связи российских вузов — составная и неотъемлемая часть всего комплекса научных, культурных и экономических связей страны и было бы неправомерно рассматривать их в отрыве от ситуации, сложившейся в системе международных отношений в целом, так как выявленные здесь закономерности распространяются и на международные взаимоотношения в области образования.

Одним из первых шагов в этом направлении считаем изучение, анализ и уточнение базовых понятий, составляющих специфику международного образовательного сотрудничества и используемых в трудах зарубежных и российских ученых.

Так как международная деятельность высшей школы является разновидностью существования международных отношений между государствами, представляется целесообразным обратиться к характеристике понятия «международные отношения» как такового, с точки зрения политики и международной дипломатии.

Используя Internet ресурс, а именно службу электронных тематических словарей Glossary Commander, в разделе «Экономика» находим следующее определение: «Международные отношения это — система политических, экономических, научно-технических, культурных, военных, дипломатических и иных устойчивых взаимосвязей и взаимодействий субъектов международных отношений: государств, народов, межгосударственных правительственных и неправительственных объединений, организаций

и органов партий и движений, отдельных лиц и их групп»¹.

По мнению доктора политических наук, профессора А.В. Торкунова, в связи с распадом прежней системы международных отношений под сомнением оказались все прошлые завоевания теоретической мысли, возникла необходимость переосмысления базовых понятий науки и, прежде всего, исходного понятия «международные отношения», ибо понимание того смысла, который в него вкладывается, лежит в основе науки о международных отношениях².

В соответствии с поставленной целью и задачей, в данном конкретном случае мы принимаем терминологию такой, какова она в современной политической теории международных отношений, которая необходима нам для более полного изучения конкретной плоскости международных отношений, а именно международной деятельности в системе высшей школы.

Как считает профессор А.В. Торкунов, «современные международные отношения отличает не только беспрецедентная динамика, но сложность и многомерность. Это — новая сложная мировая система, по сути своей многополярная и многомерная, существующая в разных измерениях: экономическом, военно-стратегическом, геополитическом, дипломатическом, культурно-идеологическом, коммуникационном и т. д. И в каждой такой «плоскости» — свои ведущие «игроки», свои правила и закономерности. Появились новые дестабилизирующие силы и тенденции, которые необходимо учитывать при анализе и попытках концептуализации современных международных отношений». В нашем исследовании интересующее измерение представляет собой плоскость общеевропейского образовательного пространства, частью которого стало образовательное пространство Российской Федерации после подписания Министром образования В.М. Филипповым Болонской декларации на конференции министров образования европейских стран в г. Берлине в сентябре 2003 г.

Неожиданность глобальных перемен для международно-политической науки, непредвиденность их характера привели к двум важным выводам, касающимся представлений о природе международных отношений. Первый из них — довольно пессимистический — состоит в том, что, несмотря на относительно немолодой возраст науки о международ-

ных отношениях, она не только не накопила достаточных знаний об изучаемом ею объекте, но вынуждена даже сомневаться в самом его существовании. Иначе говоря, появились сомнения в том, что природа и закономерности международных отношений имеют свою специфику, отличающую их от других видов общественных взаимодействий. Это еще больше укрепляет позиции тех, кто прежде считал невозможным создание единой универсальной теории международных отношений, правильность положений которой могла бы подтверждаться или опровергаться самими событиями и фактами международной жизни. Согласно взглядам стоящих на этих позициях, международные отношения настолько многообразны, в них принимают участие настолько разные социальные субъекты, что общие теоретические выводы, а тем более достоверные прогнозы здесь маловероятны. Вот почему следует отказаться от всяких попыток создания единой теории международных отношений. Такой подход ставит под сомнение сущность нашего исследования. Ведь если нет науки о международных отношениях, то о какой научности можно говорить в контексте международной деятельности высшей школы?

Второй вывод, который может быть сделан на основе оценки ситуации, складывающейся сегодня на международной арене состоит в том, что взаимная критика различных теоретических традиций, парадигм, концепций и теорий вовсе не приводит к их разрушению и исчезновению. Напротив, она заставляет ученых пересматривать накопленный багаж знаний, способствует взаимному обогащению их взглядов и, таким образом, общему продвижению науки о международных отношениях в познании своего объекта, его природы и закономерностей. Это означает, что при анализе вопроса о природе международных отношений и их закономерностей не избежать рассмотрения противоположных теоретических позиций.

В вопросе о том, что есть сущность международных отношений вообще и международной деятельности вузов в частности, интересен проведенный сравнительный исторический анализ природы международных отношений, в результате которого выявились характерные признаки, по нашему мнению, являющиеся общими как для одной, так и для другой категории.

Многообразие существующих сегодня в международно-политической науке теорий и взглядов можно свести к трем известным парадигмам: реалистской, либеральной и неомарксистской, каждая из которых исходит из своего понимания сущности и характера международных отношений.

Центральными для теории политического реализма, одним из самых авторитетных представителей которой стал в 30-е и, особенно, в послевоенные 40-е годы Г. Моргентау, являются «понятие интереса, определенного в терминах власти» и связан-

ные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и т. п., включающие также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие³. По нашему мнению, такой подход имеет право на существование и в рамках темы настоящего исследования. Международные отношения в системе высшей школы — это тот же интерес с целью завоевания определенных позиций посредством реализации геополитической, экономической и финансовой стратегии вуза.

Что касается сущности, то одним из исходных для политического реализма является положение об анархической природе международных отношений. С этой точки зрения, именно анархичность отличает их от внутриобщественных отношений, которая проявляется в двух аспектах. «Во-первых, это отсутствие общей, единой правящей во всем мире структуры, распоряжения которой были бы обязательны для неуклонного исполнения правительствами всех государств. Во-вторых, это неизбежная для каждого государства необходимость рассчитывать только на себя, на собственные возможности в отстаивании своих интересов. Так называемая «помоги себе сам» анархия»⁴. Указанные признаки присущи характеру отношений, существующих между вузами на международной арене. Разница в образовательных и политических системах государств диктует необходимость поиска компромисса, когда нередко приходится приносить в жертву свои интересы. И, конечно же, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», так как никто, кроме самого высшего учебного заведения (в лице его руководства), не заинтересован в его благополучии и процветании, укрепление которых — а, следовательно, если рассматривать высшую школу в целом, и усиление государства, его власти как способности оказывать влияние на другие государства — остается главным элементом национальных интересов.

С окончанием холодной войны авторитет политического реализма был серьезно поколеблен. Традиционный идеализм и неолиберализм означал особый подход к пониманию сущности международных отношений, их природы. Являясь либералом, Б. Бузан не подвергал сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, но в то же время считал, что в целом природа международных отношений меняется в сторону «зрелой анархии», в рамках которой западные либерально-демократические государства способны играть роль гаранта международной безопасности, а достижения прогресса становятся доступными для всех, в том числе слабых государств и рядовых индивидов. Сегодня в международном образовательном пространстве наблюдаются схожие тенденции.

В частности, ЮНЕСКО выступает инициатором и предлагает систему мер, подлежащих к принятию

высшими учебными заведениями, и направленных на развитие международного сотрудничества с аналогичными учреждениями за рубежом. «В рамках такого сотрудничества высшим учебным заведениям промышленно развитых стран следует развивать сотрудничество с высшими учебными заведениями развивающихся стран; обеспечивать справедливое признание степеней и учебных курсов, пройденных за границей; способствовать возвращению в свои страны преподавателей и научных работников, в свое время их покинувших, а также привлечению университетских добровольцев — недавно вышедших на пенсию преподавателей и научных работников или молодых преподавателей и научных работников, находящихся в начале своей профессиональной карьеры, которые хотели бы преподавать и проводить научные исследования в высших учебных заведениях развивающихся стран».

С точки зрения неомарксизма, мир представляет собой глобальную систему многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Разобраться в этом сложном многообразии помогают используемые сторонниками неомарксизма базовые понятия «мир-система» и «мир-экономика». Последнее отражает не столько сумму экономических отношений в мире, сколько самую обширную систему взаимодействия международных акторов (действующих лиц), ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные. Основные черты мир-экономики — это всемирная организация производства, рост значения ТНК в мировом хозяйственном развитии, усиливающаяся координация производственных комплексов, интернационализация капиталов и уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу финансов. По утверждению неомарксистов, государства, которые ранее защищали себя от внешних потрясений, сегодня превращаются в агентов, передающих национальным экономикам требования мир-экономики с целью адаптации к условиям конкуренции на мировом рынке. При этом указанные процессы, как и соответствующие структуры, являются результатом деятельности людей, продуктом истории и часто именуется «глобализацией» или «интернационализацией».

В то же время, подчеркивают неомарксисты, существуют и процессы, противоположные глобализации. Это, в первую очередь, диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и иных организаций и структур, поиски иных путей развития. Однако радикально-либеральная идеология стремится завуалировать эти процессы. Она внушает людям, что альтернативы глобализации нет, что в основе наблюдающихся на мировой арене жесткой конкуренции, дерегламентации взаимодействий и эгоизма лежит неумолимая экономическая логика. Гиперлиберальная мир-экономика нуждается в лидере, способном заставить

уважать ее правила, пишет один из видных представителей неомарксизма Р. Кокс. После холодной войны эту роль присвоили себе США, что позволяет им претендовать на привилегии в виде исключений из общих правил поведения на международной арене. Эта зависимость касается не только периферийных зон мировой системы, т. е. слаборазвитых стран «третьего мира», не только ее «активных» или «главных» периферийных зон, какими становятся страны Восточной Азии, Восточной Европы, Латинской Америки, Россия, Индия, но и таких традиционных «центров системы», как Япония и Западная Европа. Выстраиваясь в кильватере политики Вашингтона, последние рискуют в долгосрочной перспективе обострить этим не только японо-европейское соперничество, но и смягчившиеся в последние десятилетия противоречия между западноевропейскими странами.

Вместе с тем, считают неомарксисты, положение все же не так фатально, как его представляют сторонники радикал-либеральной концепции «мондиализации». Дальнейшая эволюция мировой системы во многом будет зависеть от политической воли и способности «периферийных» стран и регионов порвать с навязываемой им стратегией развития в сфере как внутренних, так и международных отношений.

Стремление отдельных систем образования к доминированию легко объясняется их, якобы; желанием поделиться своими достижениями ради всеобщего блага. Под призывами к повышению качества образования, его доступности и фундаментальности часто скрываются глубоко эгоистические геополитические мотивы конкретных государств, стремящихся захватить или удержать власть на международной экономической и политической арене. И если западные государства «не имеют никакого желания сражаться друг с другом, то это совсем не относится к отношениям между ними и остальным миром»⁵. Например, современная Европа и европейское образовательное пространство. Образовательные системы европейских государств приведены к общему знаменателю и находятся в своеобразном состоянии покоя относительно друг друга. По отношению же вовне, европейская система образования стремится всячески пропагандировать свое превосходство в сравнении с другими, «менее развитыми», по мнению европейских экспертов, образовательными системами. Как считает ректор МГУ академик В. А. Садовничий, здесь и таится наибольшая опасность. Он подчеркивает отсутствие каких-либо гарантий того, что богатые и сильные демократические державы станут помогать более слабым государствам в других регионах, когда возникнет угроза их собственной безопасности. Это касается и образования. Поэтому важным условием интеграции России в общеевропейское образовательное пространство должно быть все-таки сохранение

национального опыта и традиций, таких как «научность образования, его фундаментальность, энциклопедичность»⁶. Все это — гаранты безопасности государства.

В настоящий момент Болонский процесс предусматривает формирование к 2010 году на территории 40 стран Европы единого образовательного пространства, которое предполагает взаимное признание дипломов вузов стран-участниц. Тактическая цель — достижение единых стандартов высшего образования, основанного на двух уровнях (бакалавр и магистр). Стратегическая — взаимное признание дипломов вузов, для чего необходимо выработать общие критерии оценки качества преподавания в вузах стран-участниц и ввести образовательные кредиты.

Наметившаяся в международном образовании тенденция является стремлением выработать единую систему, которая могла бы быть экстраполирована на частные образовательные пространства государств, сведя их в одну транснациональную или, как ее еще называют, наднациональную систему.

В ходе исследования наметился ряд общих положений, разделяемых представителями всех трех парадигм: Г. Моргантау, Р. Арон, К. Уолц, Б. Бузан, Р. Греко, Дж. Миршаймер, Р. Кеохейн, Дж. Най, М. Николсон Ч. Липсон, Р. Кокс, М. Рогальски, Ф. Кардозо, Т. Фалето.

Во-первых, это положение о том, что, хотя анархия международных отношений и продолжает существовать и даже отчасти возрастает, возможности для их регулирования все же существуют.

Во-вторых, число участников международных отношений расширяется, включая в себя не только госу-

дарства и межправительственные организации, но и новых, нетрадиционных акторов — международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, компании и предприятия, многочисленные производственные, финансовые, профессиональные и иные ассоциации и объединения, а также рядовых индивидов.

В-третьих, это признание всемирного характера тех вызовов и проблем, с которыми сталкиваются сегодня участники международных отношений.

Наконец, это указание на переходный характер современного состояния этих отношений. Словом, «проблематика современных международных исследований значительно усложнилась, к тому же и современные международные отношения еще не представляют собой окончательно сформировавшуюся систему, продолжая находиться в процессе динамичного становления. Это по-прежнему большой научный и политический вызов ученым и практикам».

Примечания

¹ Служба тематических толковых словарей Glossary Commander/ http://glossary.ru/cgibingl_sch2.cgi?RMlmkztgwukt:luytu@lto9

² Торкунов, А.В. Современные международные отношения / А.В. Торкунов. — М.: Мысль, 1995. — С. 4.

³ Booth, K. and Smith S. (eds.). Theory of International Relations Today / K. Booth. — Oxford, 1995. — P. 7—23.

⁴ Там же.

⁵ Booth, K. and Smith S. (eds.). Theory of International Relations Today / K. Booth. — Oxford, 1995. — P. 7—23.

⁶ Садовничий, В.А. Университеты. Настоящее. Будущее / В.А. Садовничий // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. — М., 2000. — С. 6.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Международная безопасность и международный порядок в XXI веке оказались под угрозой масштабных изменений из-за набирающего в мире ход террористического движения. После некоторого спада в 2002—2003 гг., начиная с 2004 года фиксируется *беспрецедентный* рост террористической активности, которая с каждым годом превышает свои предыдущие рекордные результаты. В 2006 г. она снова достигла абсолютного рекорда в истории терроризма: 6639 инцидентов и 12 065 погибших в терактах¹ (рис. 1, 2). Феномен современного международного терроризма весьма многогранен и претерпевает значительные изменения в ходе своего ускоряющегося генезиса. В силу возросшей опасности его конкретных проявлений новейшая историческая форма терроризма требует более пристального политического анализа.

Новые тенденции мирового развития во многом определены современными процессами глобализации. Глобальные процессы проникли во все сферы политической и социально-экономической жизни общества, охватили разные континенты и регионы мира. Новые глобальные средства и системы связи определяют мощностную и интенсивность потоков информации в глобальном мире, но при этом снижают значимость государственных границ и традиционных средств защиты стран от терроризма. Глобализация порождает одну из тенденций современности — повышение роли негосударственных субъектов и персонификации в международных отношениях. Значение терроризма как актора в системе международного порядка все более возрастает. В результате формируются новые вызовы мировому сообществу.

Современный терроризм обусловлен процессами глобализации, противоречиями современного этапа глобального развития, связан с мировой экономической ситуацией. Несмотря на перманентно существующую проблему в определении дефиниционных границ терроризма и его форм/видов, при всем своеобразии интерпретаций связь международного терроризма и процессов глобализации прослеживается между этими явлениями большинством зарубежных и российских исследователей².

Наиболее точное определение явлению международного терроризма дается известным российским специалистом по исламистскому терроризму А.А. Игнатенко. «Международный терроризм — негосударственное, открыто не санкционированное государствами как субъектами международного права трансграничное насилие в отношении гражданского населения и гражданских инфраструктур, преследующее политические (в первую очередь международно-политические) цели»³.

В конце 90-х гг. среди специалистов-террорологов получил распространение термин «новый терроризм», характеризующий глубокие изменения международного терроризма, которым он подвергся за последние два десятилетия. В 1998 году президент США Б. Клинтон на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые употребил термин «новый терроризм» на столь высоком политическом уровне. В 1999 году шесть крупнейших американских специалистов по терроризму опубликовали книгу об угрозах «нового терроризма»⁴. Тем не менее, как замечал известный американский исследователь, основатель программы по изучению терроризма в Корпорации РЭНД, Б. Дженкинс в ста-

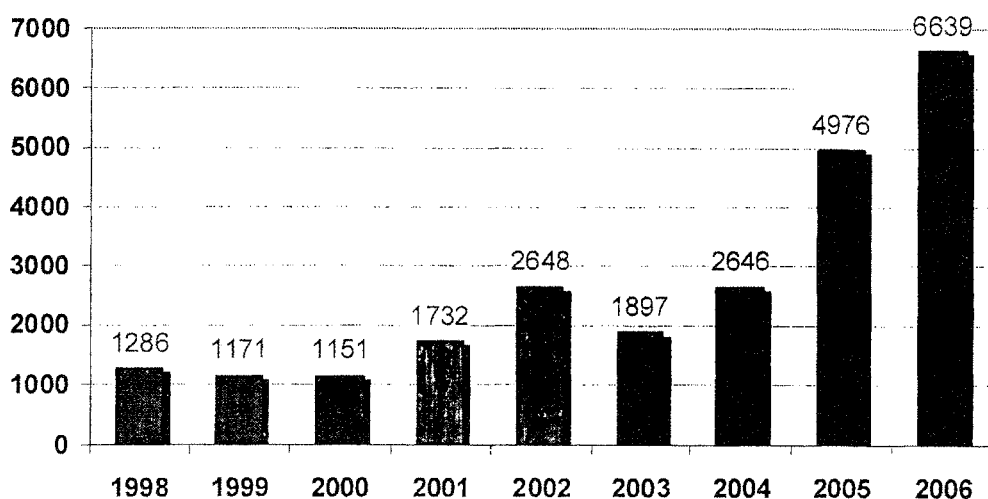

Рис. 1 Количество терактов в мире (1998—2006 гг.)

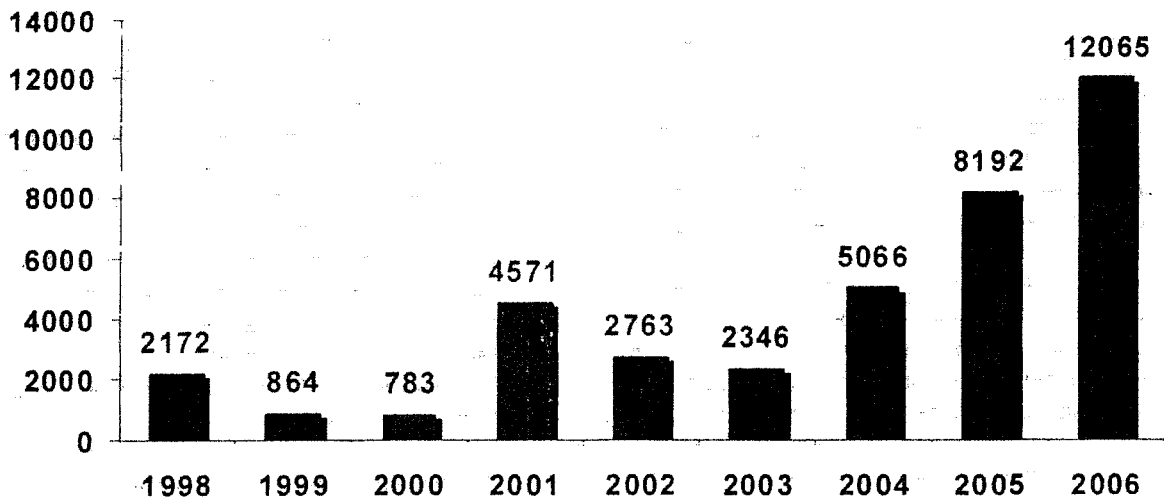

Рис. 2. Количество погибших в терактах (1998—2006 гг.)

ть «Мир меняется, а наше сознание остается прежним», мировое сообщество по-прежнему мыслит прежними стереотипами и не учитывает, а, следовательно, недооценивает качественно иные вызовы «нового терроризма»⁵

Как отмечает А.И. Неклесса, у системного терроризма есть несколько специфических аспектов. В частности, новый терроризм учитывает взаимосвязанность мира, системный характер протекающих в нем процессов, заявляя соответствующую стратегию угроз. Движущей силой (пост)исторического процесса выступает новый субъект, активно влияющий на социальную реальность, — динамичный социоантропологический организм, получившая прямой доступ к мощным инструментам высокотехнологической цивилизации — финансовым, организационным, информационным, техническим. Данный субъект (агент) перемен, «малая динамичная общность», имеющий сетевые организационные формы, деятельно отрицает Старый мир в его различных ипостасях и является антагонистом существующей формулы цивилизации⁶.

Генезис феномена терроризма в условиях глобализации, изменение его сущностных характеристик, позволяет предположить, что терроризм в будущем может принять более патологические формы, угрозы связанные с «новым терроризмом» будут только возрастать. Таким образом, в настоящий момент представляется чрезвычайно актуальным исследование особенностей «нового терроризма», направленное на выяснение характера трансформации данного явления.

Новая природа современного терроризма выражается в модификации целей, организации, идеологии террористических организаций, психологического профиля субъектов террористической деятельности. Главным отличием «нового терроризма» от «старого» является все большее отдаление терроризма от метода «принудительной дипломатии»,

с присущей ей установкой на достижение ограниченных локальных целей и перехода в способ ведения войны, стратегии «терроризму-как-войне». Современный терроризм выступает также как средство революционного преобразования, как средство достижения «нового мира»⁷

Резкое усиление религиозного фактора, отход от светских радикальных моделей терроризма, представляет собой идеологическую трансформацию современного терроризма. В 1980 году лишь 2 из 64 (3 %) «опасных террористических групп» имели ярко выраженный религиозный характер: в 1990 г. таких было уже 11 из 48 (30 %), 1995-м — 25 из 58 (43 %), а в 2005 г. — 49 из 85 (58 %) ⁸ Как следствие резко усугубилась жестокость террористов.

Рост религиозного фактора, и, прежде всего, исламизма, сделал популярной в среде западных исследователей концепцию «волн терроризма» Д. Рапопорта, который заявляет о наступлении нового периода в генезисе данного феномена — четвертой («религиозной») волны терроризма. Начавшаяся в 1979 г. «религиозная» волна связывается с тремя событиями, произошедшими в исламском мире, которые существенным образом спроектировали его дальнейшее развитие: Антишахская революция в Иране, начало нового исламского столетия по мусульманскому календарю и вторжение Советского Союза в Афганистан, сыгравшие решающую роль в политизации ислама, развитии радикальной исламистской идеологии, на базе которой возникли антисистемные экстремистские и террористические группы, организации, движения, партии. Выделение религии как главной движущей силы в международном терроризме в 1990-х гг. становится особенно наглядным, если учесть, что наиболее масштабные (по числу жертв) теракты 1990—2000-х гг. имели значительный религиозный подтекст и/или мотивировку⁹ «Религиозный» терроризм характеризуется совершенно иной системой ценностей, представлениями о морали,

видением мира, в сравнении со «светским».

«Новый терроризм» связывается с изменением инструментальных свойств данного явления и возникновением технологического терроризма, основанного на применении средств массового поражения. Возможность применения ядерного, биологического, химического оружия «новыми террористами» существенно возросла за последние два десятилетия¹⁰.

Многие ученые полагают, что в последнее десятилетие XX в. появился новый тип террориста, основными характеристиками которого являются высокий уровень финансовой обеспеченности, участие в легальном бизнесе, крайние политические или религиозные убеждения, неизбирательность в отношении планируемых жертв терактов¹¹.

В организационном плане фиксируется переход от иерархических вертикальных структур к сетевому принципу организации. Сети представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных задач и состоящие из автономных (иногда временных) групп¹².

Сегментированный характер СПИН-структуры¹³ означает, что она состоит из многих ячеек, ее полицентричность подразумевает наличие ряда лидеров и центров. Ее характеристика как сети означает, что различные сегменты, лидеры и центры интегрированы в сетевую структуру посредством структурных, личных и идеологических связей. Такую сегментированную полицентричную идеологически интегрированную сетевую структуру отличает высокий уровень структурной гибкости и адаптивности (приспособляемости). Современное транснациональное движение «Аль-Каиды» представляет собой один из образцов действия «сегментированной полицентричной идеологически интегрированной» сети в глобальном масштабе. После начала глобальной антитеррористической операции (осень 2001 года), потери возможности реального управления Усамой бен Ладеном и нанесения ударов по «Аль-Каиде» в разных странах мира организационные, финансовые и идеологические связи внутри «Аль-Каиды» как сетевой организации в некоторых случаях дополнились, в других случаях были заменены новым типом связей. А.А. Игнатенко называет их интенциональными связями. Принцип здесь такой: «Хочешь быть ячейкой «Аль-Каиды» — будь ею!».

Все больше у исследователей возникает ассоциация глобального терроризма в лице «Аль-Каиды» с образом летающего острова-крепости Лапута. Существование которой нельзя адекватно отразить на двухмерной карте мира, а только на трехмерной или даже четырехмерной. «Новая Лапута» существует поверх географических границ и обладает уникальной подвижностью. Другими словами, это глобальная сеть, которая обладает локализованным центром (центрами), территориальными опорными

базами разных типов, а также «населением» (экстремистско-террористическим пулом), способным к регулируемым миграциям (трансферт террористов) в глобальном масштабе¹⁴.

Трансформация террористических организаций в условиях глобализации на фоне активной «войны с терроризмом», которую ведет коалиция государств под гегемонией США, привлекает в последнее время все больше экспертов и специалистов из официальных ведомств. Исследовательская служба Конгресса США (Congressional Research Service), основываясь на более ранних публикациях Государственного Департамента США, опубликовала доклад под названием «Тенденции в развитии терроризма: 2006» (Trends in Terrorism: 2006), в котором обозначаются особенности динамики развития террористических групп и организаций по всему миру. Среди основных трендов «нового терроризма» последних лет следует выделить следующие.

1. Децентрализацию международных террористических организаций — в террористических структурах по всему миру отмечается рост числа участников, ведущих свою деятельность на микроуровне.

2. Более эффективное использование международных потоков информации, финансов и идей; усовершенствование технических аспектов своей деятельности в области планирования, коммуникаций, пропаганды и выбора целей для последующих атак.

3. Сращивание большей части террористических групп с международными криминальными структурами (в основном наркотрафик и торговля оружием).

4. Рост количества терактов, совершенных террористами-смертниками, отмечается как одна из самых тревожных тенденций.

5. Уменьшение масштабов государственного спонсирования международного терроризма и большая самостоятельность негосударственных акторов в террористической деятельности¹⁵.

В «Стратегической оценке» террористической угрозы прошедшего года в рамках традиционного ежегодного обзорного исследования терроризма Госдепартаментом США «Доклад по странам-2006»¹⁶ (Country Reports on Terrorism; до 2004 г. назывался Patterns of Global Terrorism) отмечаются основные черты характерные для «нового терроризма». Одна из самых последних тенденций, набирающая все большую глубину и темпоральность — радикализация иммигрантского населения, молодежи и маргинальных меньшинств в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Террористы пытаются манипулировать недовольством для радикализации других слоев населения, толкая их все дальше по пути незаконной деятельности и конфронтации с правительствами.

Другим новейшим трендом, по мнению аналитиков Госдепартамента США, является переход акторов глобального терроризма от «экспедиционных»

к «партизанским» формам террористической деятельности. Движение «Аль-Каида» и ее главная группа представляют собой международную сеть, которая стремится объединить и использовать действия разрозненных полунезависимых активистов. Она также открыто провозглашает себя транснациональным партизанским движением и применяет классические стратегии повстанческого движения на международном уровне.

Старший советник Многонациональных сил в Ираке по вопросам подавления мятежей и специальный советник Пентагона по нерегулярным войскам и борьбе с терроризмом Дэвид Килкаллен отмечает, что ответ на меры принятые в рамках контртеррористической борьбы, последовавшей после терактов 11 сентября 2001 г.: повышение уровня транспортной безопасности, защита инфраструктуры и ужесточение иммиграционного контроля. Террористы, в свою очередь, разработали «партизанский» подход, когда вместо того, чтобы создавать команды «на расстоянии» и тайно их внедрять для проведения терактов, они формируют команду рядом с местом проведения теракта, используя граждан враждебных государств. По такому сценарию были построены взрывы бомб в Лондоне и Мадриде, а также теракты в Касабланке, Стамбуле и Джебде и неудавшийся заговор против авиакомпании в Лондоне летом 2006 года¹⁷. Стоит заметить, что одной из главных причин роста «партизанских» методов у террористических организаций являются продолжающиеся военные действия в Ираке, прежде всего, и в Афганистане.

В этой связи следует подчеркнуть, что особую опасность для современного мира представляет соединение практики локальных войн и терроризма в так называемые асимметричные войны. В качестве причин возникновения асимметричных войн следует выделить развитие структур и отношений сетевого общества, а также геоэкономическую и геополитическую противоречивость становления неолиберального миропорядка.

Тенденция использования терроризма в качестве одной из форм тактики вооруженного противостояния в ходе асимметричных локальных (локально-региональных) конфликтов, в дальнейшем будет потенциально исходить от т. н. «нефункциональных» и «развалившихся» государств (failed-state) от Афганистана до Сомали. Именно на примере «развалившихся государств» наиболее очевидна фундаментальная взаимосвязь международной борьбы с терроризмом, с одной стороны, и усилий по урегулированию конфликтов и восстановлению дееспособной и легитимной государственной власти, которая остается главным и наиболее эффективным инструментом борьбы с терроризмом — с другой¹⁸.

Таким образом, «новый терроризм» отражает трансформацию терроризма в объективно изменив-

шихся условиях порожденных крахом биполярного мира и «эффектом глобализации», с сопутствующими ей явлениями. Современный международный терроризм существенным образом отличается от его своих прежних форм. Соответственно меняются и исходящие от него угрозы, а это требует принятия качественно иных мер для его противодействия.

Примечания

¹ База данных Terrorism Knowledge Base (TKB). National Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (MIPT). Oklahoma 2007 <http://www.tkb.org/>

² См. Добаев, И.П. Современные подходы к определению «нового терроризма» / И.П. Добаев // Социально-гуманитарные знания. — № 4. — 2005. — С. 145—155; Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 358 с.; Современный терроризм: состояние и перспективы. / под ред. Е.И. Степанова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 240 с. и др.

³ Игнатенко, А.А. InterTerror в России. Улики / А.А. Игнатенко. — М.: Европа, 2005; Perl, R. Trends in Terrorism: 2006 / R. Perl // Congressional Research Service Report for Congress. Order Code RL33555. 21.07.2006. (<http://fpc.state.gov/documents/organization/69479.pdf>).

⁴ Arquilla, J. Countering the New Terrorism / J. Arquilla, B. Hoffman, B.M. Jenkins, I.O. Lesser, D.F. Ronfeldt. M. Zanini. — Santa Monica, 1999.

⁵ Jenkins, B.M. The world has changed, but our mindset has not / B.M. Jenkins // RAND Review. — 2004. — Spring. — № 14; Country Reports on Terrorism — 2006. Washington D.C.. U.S. State Dep. Office on Counterterrorism, 2007. (<http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2006/>).

⁶ Неклесса, А.И. Культура смерти / А.И. Неклесса // Азия и Африка сегодня. — № 2, февр. — 2006. — С. 3—11.

⁷ Arquilla, J. Information-Age Terrorism / J. Arquilla, D. Ronfeldt, M. Zanunu // Current History. 2000. — Vol. 99 — № 636. P. 184—185; Супертерроризм: новый вызов нового века. ПИР-Центр. / под ред. А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. — С. 31—33. (Научные записки ПИР-центра; 2(20)). (Национальная и глобальная безопасность).

⁸ См.: Enders, W The Political Economy of Terrorism / W. Enders and T. Sandler. — Cambridge. Cambridge Univ. Press, 2006.

⁹ Rapoport, D.C. The Four Waves of Rebel Terror and September 11 / D.C. Rapoport // The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls. ed. by Ch. W. Kegley, Jr. N.J., 2003. — P. 36—59.

¹⁰ Clark, R.Ch. Technological terrorism / R.Ch. Clark. XVIII. — Old Greenwich, 1980. — P. 221. См. Также: Allison. G.T. Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe / G.T. Allison. — N.-Y.: Times Books: Henry Holt and Company, 2004. — 249 p.; Кокочин, А.А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике / А.А. Кокочин. М.: Эдиториал УРСС, 2004. — С. 32.

¹¹ Sageman, M. Understanding Terror Networks / M. Sageman. — Philadelphia University of Pennsylvania Press, 2004; Hirschmann, K. The changing face of terrorism / K. Hirschmann // International Politik und Gesellschaft. — Bonn, 2000. № 3. — P. 301; Laqueur, W. Postmodern Terrorism: New Rules for an Old Game / W. Laqueur // Foreign Affairs. September/October, 1996.

¹² Соловьев, Э.Г. Сетевые организации транснационального терроризма / Э.Г. Соловьев // Международные процессы. — № 2 (5), май—август 2004.

¹³ СПИН-структура: сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть (SPIN — segmented, polycentric, ideologically integrated network). Она считается самой распространенной, опасной, внутренне сплоченной и при этом хотя бы относительно понятной моделью.

¹⁴ Игнатенко, А.А. Новая Лапута: «Аль-Каида» как геополитический феномен / А.А. Игнатенко. 14.10.2005 (<http://www.i-r-p.ru/page/stream-trends/index-1241.html>); Неклеса, А.И. Указ соч.

¹⁵ Perl, R. Trends in Terrorism: 2006 / R. Perl // Congressional Research Service Report for Congress. Order Code

RL33555. 21.07.2006. (<http://fpc.state.gov/documents/organization/69479.pdf>).

¹⁶ Country Reports on Terrorism — 2006. Washington D.C.: U.S. State Dep. Office on Counterterrorism, 2007 (<http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2006/>).

¹⁷ Kilcullen, D. New Paradigms for 21st Century Conflict / D. Kilcullen // eJournal USA: Foreign Policy Agenda. Volume 12, Number 5, May 2007. (<http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpe/kilcullen.htm>)

¹⁸ Степанова, Е.А. Терроризм и асимметричный конфликт: проблемы типологии и определения / Е.А. Степанова // Современный терроризм: истоки, тенденции, проблемы преодоления. Тетради Международного университета в Москве. Вып. 6. — М. Изд-во Международного ун-та, 2006. — С. 187—189.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР КАК ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Следует отметить, что современные средства массовой информации все чаще берут на себя функции политической власти, в результате чего, по нашему мнению, происходит виртуализация политической жизни. Руководствуясь методологическим положением о том, что виртуальная реальность есть отражение действительности в сознании человека и как реальная наличность есть результат развития материальной и духовной деятельности людей, (следовательно, зафиксированный результат (как бы «вплетенный в ткань сознания») в общезначимой и общепринятой форме существования), мы попытаемся рассмотреть становление виртуальной политической реальности в современном обществе.

Сегодня, как справедливо указывают многие исследователи СМИ, масс-медиа является не только фабрикой грез, но и гигантским каналом образов поведения, который репродуцирует иллюзии, распространяет стандарты чувств и поступков, принимаемых в обществе за идеалы нашего времени. Не стала исключением в этом плане и политическая сфера. Поэтому мы видим в современных медиа-технологиях силу, создающую виртуальную политическую реальность и управляющую обществом. Борьба за умы людей все сильнее связывается с борьбой за масс-медиа. Новоявленные революционеры предпочитают штурмовать не банки, почту и мосты, а телестудии. Это объясняется тем, что СМИ конструируют российскую политическую реальность, дают ориентиры и смыслы жизни и деятельности человека в политической сфере. У политического телевидения есть как сторонники, так и противники. Тем не менее, парадокс заключается в том, что эта «отчужденная и заклеенная» реальность общепонятна как для потребителей, так и для ее активных создателей: и однозначность и полисемичность, вариантность и инвариантность аспектов реальности разделяется сообществом людей. Стало быть, эта реальность владеет атрибутами необходимости и однозначности, многоуровности и обоснованности, в силу которых она становится общим достоянием и источником манипуляции сознанием, формирует общую локальность, когда мир становится «глобальной деревней». Иначе говоря, виртуализация отменяет дистанцию между соседом и далеким иностранцем, поскольку ликвидирует присутствие Другого в Реальном: соседи и иностранцы — все равны в их призрачном присутствии на телевизоре или мониторе. Визуальная, звуковая и сигнальная связь позволяют жителям планеты в еще большей степени использовать все виды информации; в условиях массового общества формируется индустрия политического сознания.

Мы исходим из того, что масс-медийная реальность зафиксирована в общезначимой и общепринятой форме существования. Все человеческие аффекты — любовь и ненависть, вера и безверие, надежда и чувство безысходности, и множество других — находят в ней общезначимое выражение. Реальность как действительность объективируется, находит свое выражение в теле-реальности: например, в эмпирической реальности индивидуальная любовь возникает и исчезает (любовь дискретна) при отсутствии «всеобщей вечной любви», но в теле-реальности она продолжает существовать как общезначимый феномен в континуальном и темпоральном пространстве, при этом размытая индивидуальной виртуальностью.

Все политические телевизионные образы, несмотря на их жанровые различия, представляют на телеэкране вереницу сюжетов, сливаясь в единое целое. Политический мир на экране выглядит как единая нескончаемая серия. Даже трансляция с заседаний государственной Думы или Правительства превращается в телесериал. Экранная реальность начинает порождать новые мифы, которые затем транслирует телеэкран, что особенно хорошо видно в детских играх (дети самые искренний и чуткий барометр) — все чаще встречаются герои из фильмов (ниндзя, инопланетяне, киборги). Телевиртуальность из условности превращается в безусловность, реальность заменяется «иперреальностью», отмечает большинство теоретиков постмодернизма (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и др.).

Таким образом, можно смело предположить, что современные телевизионные образы задают реальность, формируют социальные представления и создают возможность для формирования общества тотального контроля. Четвертая власть уже растворяется в процессах мгновенной передачи информации, за которую, как это не печально, никто по-настоящему не несет ответственности. При этом сами понятия медиа и медиатизации, то есть посредничества, порождают теперь тенденцию к исчезновению в коротком замыкании, в кольце обратной связи, которая решительно отменяет необходимость независимости информации и, в особенности, ее рациональной интерпретации.

Компьютеризация вынуждает общество развиваться парадоксами, с одной стороны, «мировая деревня» Маклюэна: все разбрелись по своим «пещерам», но с другой — все сплелись в невиданный раньше клубок. В пространстве информационных сетей каждый сидит перед экраном своего персонального компьютера, телевизора и в то же время

каждый — частичка невидимого, добровольного, анонимного сообщества. В этом пространстве рождаются научные, технические и социальные проблемы, происходят конференции, выставки. Здесь в «киберпейсе» справляют свои ритуалы многочисленные и разнообразные архаисты от кибернетики, которые тщательно артикулируют родство своей нарождающейся культуры с ее древним синкретизмом, который обуславливал единство поэта и толпы.

В процессе массовой коммуникации происходит взаимодействие трех миров: мира, отраженного в сознании аудитории, мира, отраженного в массовой информации и собственно самой социальной реальности.

А. Тоффлер отмечает, что политики сегодня не успевают следить за событиями, решения нередко принимаются после совершения событий. Политическая информация достигает лица, принимающего решение, только пройдя через лабиринт вносящих искажения зеркал. Более того, информация превращается в объект все более утонченной политической манипуляции. Власть постепенно растворяется в потоке коммуникации. Абсолютно очевидно, что каждый переломный момент истории, каждый новый исторический этап сопровождается захватом власти новым средством коммуникации.

В современной политике исход схваток между различными партиями, движениями и лидерами решается не на улице и же в парламенте, а на экране. Проигрывает тот, в чьем арсенале имеются лишь слова да танки, но нет теле- и видеокамеры. А тот, кто выигрывает, должен выиграть и на экране визуально: он должен создать видео- и телеизображение самой победы. Для того, чтобы и общество восприня-

ло политическую победу таковой, ее должна запечатлеть камера. Телевидение — это репрезентация реальности. На телевидении и в современных средствах коммуникации принимаются все меры, чтобы исчезла дистанция между самим событием и его репрезентацией, чтобы событие доходило до зрителя в тот самый момент, когда оно совершается.

Современный экран показывает нам политическую жизнь и нам кажется, что мы все видим своими глазами и не верить им (глазам), у нас нет оснований. Нам кажется, что все политические события показываются непосредственно. Однако мы забываем, что между реальностью и нами уже есть посредники в виде сценаристов, режиссеров, операторов, журналистов, ведущих, программистов и т. д. Мы уже видим мир не своими глазами. В лучшем случае мы видим сходство с политической реальностью на экране, а не ее саму, но зрелище нас притягивает. Это справедливо в отношении всех окружающих нас образов, которые мы постоянно видим, на телеэкране. Считается, что множество современных электронных (прежде всего телевизионных) образов свидетельствует о мире политического с трогательной искренностью и доверчивой непосредственностью. Мы, не задумываясь, верим в их реалистичность. Однако мы глубоко ошибаемся. Они только кажутся похожими на предметы, события, лица. Или, вернее сказать, они вправду похожи на реальность, но сама их похожесть «дьявольская». Создаваемые на экране картины нашей жизни, при своем внешнем сходстве имеют мало общего с ней. И, тем не менее, если ранее эталоном художественного произведения была сама реальность, то теперь жизнь на экране является эталоном для самой реальности.

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО БРЕНДА

Понятие бренда в качестве символического капитала представляет собой сложный знаковый образ, воплощающий обещание благ, реализацию надежд, удовлетворение определенных социальных притязаний и запросов публики. Бренд — это такой символический капитал, включение которого в маркетинговый оборот приносит определенный экономический и социальный эффект, связанный с формированием положительной рыночной репутации.

На основе данной общей трактовки бренда можно говорить, что бренд государства — это символический капитал, который формирует его репутационный образ. В этой связи политический бренд символизирует: властные ресурсы политического актора; позитивные репутационные характеристики политического актора; обещание благ; надежды, мечты, идеалы; социальные запросы и потребности публики.

Бренд как феномен основан на символической сущности и нематериальном образе товара или предложения в представлении потребителя. Бренд опирается в большей степени на эмоциональную сферу человека и в меньшей степени — на когнитивную. Условно стадии формирования бренда можно представить следующим образом. Во-первых, предложение (под которым понимаются товар, услуга и, в контексте статьи, политическая инициатива в широком смысле) должно пройти определенную верификацию аудитории. Иными словами, человек должен согласиться и отождествить себя с предложением. Во-вторых, данное предложение проходит стадию мифологизации, когда объект наделяется характеристиками, соответствующими эмоциональным ожиданиям аудитории. И на конечном этапе уже сторонник (потенциальный избиратель, приверженец) предложения наделяет объект субъективными положительными характеристиками, формирующими легендарный образ объекта, который может успешно транслироваться в различные области общественной жизни. Бренд, в итоге, закрепляется в системе ценностей человека, поскольку через бренд человек проецирует свое мироощущение.

Политический бренд имеет некоторую совокупность качеств, в которые сторонник данного бренда верит априори. Политический бренд не основан на обещаниях или даже опыте. Он опирается на ожидания и абсолютное доверие человека. Для такого бренда борьба конкурентных преимуществ, как и реклама, по сути, не так важна. Бренд существует именно тогда, когда он сформирован в сознании аудитории. Так, сигареты «Мальборо» не нуждаются

ся в массовых рекламных кампаниях, поскольку образ товара уже давно закрепился в символическом пространстве и имеет даже некоторые «трансцендентные» формы существования, как, например, ковбой «Мальборо» — персонаж культового голливудского фильма начала 90-х гг. прошлого века. По идее, политическим брендом может стать любое политическое явление, институт, субъект и даже деятельность, имеющая ценностную значимость для индивида *на уровне самоидентификации*. Качествами бренда могут обладать политические фигуры, партии, движения, идеологии, государства, международные организации. Соответственно, политический брендинг — это деятельность, помимо всего прочего, направленная на «внедрение в сознание массовой аудитории мифа-легенды» в отношении участников политического процесса¹.

Почему политический бренд настолько важен, и проблема его формирования так актуальна? Во-первых, брендинг во многом «прощает» политические ошибки, неудачи и даже некомпетентность. Это сравнимо с ситуацией, когда сигареты известной марки будут наносить вред здоровью, но их продолжают курить. Во-вторых, политический бренд просто необходим в ситуации, когда уникального политического предложения не существует или, по крайней мере, в своей конечной цели оно одинаково для большинства политических акторов. В этом случае на политическую арену выходит бренд, задачей которого является формирование необходимого отношения к объекту: поддержание лояльности и расширение интереса со стороны как существующей, так и потенциальной целевой аудитории. Более того, как только политический бренд сформирован, практически любое сообщение о нем способствует его легендарному закреплению. В качестве примера можно привести недавнюю публикацию фотографии президента РФ в шляпе, со спиннингом и с обнаженным атлетическим торсом. Подобное «обновление» образа В.В. Путина моментально фиксируется в сознании человека и укрепляет базовые характеристики бренда президента: воля, сила, надежность.

В современном информационном обществе, пронизанном медиа-потоками, проблема идентификации индивида в социальной, политической, экономической и культурной плоскостях представляется весьма актуальной. Исходя из основных предназна-

¹ Русакова, О.Ф. Что такое политический маркетинг? / О.Ф. Русакова, А.Е. Спасский. — Екатеринбург, 2004. — С. 115.

чений и возможностей дискурса, его использование позволяет выстраивать описательные и объяснительные модели дискурсивного пространства, в котором человек взаимодействует с миром, в данном случае — миром политическим, наполненным специфическими сообщениями и образами. С практической точки зрения, дискурс политического бренда позволяет исследователю отобразить развитие бренда, прогнозировать его воздействие на индивида и показать направления самоидентификации человека. Дискурс политического бренда позволяет отобразить политический процесс на уровне его восприятия (перцепции) индивидуальным и массовым сознанием.

Политическая борьба — явление намного более значимое и острое, чем конкуренция. Политический актер, как правило, стремится к доминированию. В этом стремлении особое значение должен иметь набор знаков и символов, которые доведут до адресата однозначное сообщение, производимое политическим коммуникатором. Именно поэтому большинство политических лозунгов, тезисов политических программ, метафор и т.п. обладают достаточно резкими суждениями в отличие от коммерческих сообщений. Но насколько адекватна их смысловая нагрузка? Могут ли политические бренды содержать в себе исключительные, аутентичные характеристики, с помощью которых можно было бы безошибочно определить место и значение той или иной политической структуры? Как правило, в игре политических брендов происходит спекуляция над устойчивым набором политических и общественно значимых ценностей. Другое дело, что на их рокировку влияют внутренний климат государства и его международная активность.

Интересно, что изображения, используемые в современном политическом рекламном плакате, несут зачастую незначительную смысловую нагрузку. Фотография кандидата на выборную должность, по-видимому, должна сказать о нем все, что необходимо избирателям. Рекламные плакаты отличаются лишь фоном — один кандидат предпочитает фотографироваться в окружении, например, молодежи, другой — среди пенсионеров, третий — в рабочем кабинете или, за посадкой зеленых насаждений. Вероятно, это можно объяснить тем, что в большинстве случаев политические платформы кандидатов недостаточно конкретны для визуализации. Поэтому основное внимание при создании политических брендов уделяется их форме, частоте «промо-акций», большинство из которых давно перестали быть оригинальными: концерты, праздники, поддержка массовых коммерческих проектов, форумы и другое. Расчет очевиден — привлечение максимального количества людей посредством удовлетворения их бытовых, личных и праздных пристрастий, но отнюдь не политических, трезвых и сознательных позиций. Опять же примеров социально-зна-

чимых мероприятий, требующих вложения средств и усилий, намного меньше. Главное — организовать грамотную PR-кампанию в ходе подобных инициатив с целью укрепления очередного качества бренда (поддержка здорового образа жизни, чистые благоустроенные дворы, борьба с наркотиками и т. д.), но не качества провозглашенной деятельности.

Еще одна проблема неадекватности смысловой нагрузки политических образов — это то, что в коммуникативных каналах продвижения бренда объективная информация просто не выгодна. Обычно представление о том или ином политическом объекте или ситуации, даже в масштабах имиджа страны, составляется на основе легкодоступной и поверхностной информации в СМИ, которым нужно не столько объективно рассказать о каком-либо политическом событии или деятельности политических структур, сколько повысить тираж, продать «острые» новости. Одним из следствий данной ситуации является ангажирование и политизация коммуникационных каналов.

В наше время очень важным на рынке представляется позиционирование бренда в умах людей. Как только решается эта задача, человек начинает идентифицировать себя с определенным образом жизни, системой взглядов, стилем, поведением — все это, в свою очередь, гарантирует долгосрочную поддержку, внимание и интерес к бренду. В этом смысле политический мир менее устойчив: победы сменяются поражениями, выборы на всех уровнях требуют постоянного контроля над уровнем лояльности и симпатии электората по отношению к тому или иному кандидату. Сделав однажды выбор между, например, «Coca-Cola» и «Pepsi», потребитель остается верным какому-то одному напитку. В ситуации выбора политических брендов дело обстоит иначе, поскольку сама борьба жестче, появляются новые кандидатуры, происходит слияние политических сил, и провозглашена необходимость периодического обновления властных структур. Естественно, что в этих условиях мир политических брендов стремится к сокращению возможностей выбора.

Оказавшись в условиях дефицита более или менее равнозначного выбора, политический мир заимствовал из маркетинга принцип зонтичных брендов. Особенно актуальным это стало для России. За ту короткую историю развития отечественных политических брендов среди последних выстроилась жесткая иерархия. Объясняется это тем, что ряд брендов достиг своего предназначения и закрепился в сознании людей, иными словами, удовлетворил их психологические потребности и моральные ожидания. Очевидно, что сейчас самым сильным отечественным политическим брендом является фигура В.В. Путина. Не затрагивая пока вопросов формирования образа президента в сознании его подданных, можно с уверенностью говорить о высоком уровне доверия к этому бренду, что позволяет ему, так сказать, «протежировать» менее ус-

пешные бренды. Так, например, в сообщении «Единая Россия — партия Путина!» ключевым образом является образ президента. В ассоциативном ряду особое значение имеет сравнение этого образа с образом «гаранта стабильности и справедливости». Одновременно с этим, семантическая роль названия партии свидетельствует не столько о желаемой характеристике государства, сколько о том, что данная партия — единственный правильный вариант выбора. В политической сфере России брендом-локомотивом, без сомнения, является В.В. Путин. И уже через него «проходили» остальные политические бренды (будь то «Медведь», «Единая Россия», «Наши», «Идущие вместе», «национальные проекты» или даже слова — «стабильность», «вертикаль власти»). Политические бренды обладают свойством усиливать бренды коммерческие, позволяя им формироваться под их «маркой». В то же время это способ поддержания узнаваемости главного бренда.

Безусловно, мы не можем заявлять об общности характеристик политического и товарного брендинга. Более того, отечественный политический брендинг существенно отличается от западной модели позиционирования политических акторов. Так, на

Западе основным брендом является сама страна («Америка», «Великобритания»). Следом идут символы страны («американец», «канадец» — это, говоря современным языком, тоже бренд). Представим себе два логично равнозначных сообщения: «Россия — это Путин» и «Америка — это Джордж Буш». С большей вероятностью можно согласиться с первым вариантом, именно благодаря семантическому весу образа президента. Америка же намного легче воспринимается и идентифицируется нами с помощью других образов, совсем не «президентского» уровня.

С другой стороны, очевидны универсальные механизмы создания и продвижения брендов, как, например, процесс коммуникации. Дискурс в данном случае является универсальной описательной моделью политической бренд-коммуникации, позволяющей раскрыть содержательные характеристики бренда, прогнозировать его развитие и, самое главное, перцептивный эффект. Благодаря этому, в изучении семантики бренда в политической коммуникации неизменно важным является выбор дискурс-методик на основе аксиологического анализа, теорий манипулятивности и рефлексии.

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ФУНДАМЕНТА ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Развитие науки в первой половине XX века стало периодом открытий, которые привели к современному пониманию структуры материи и полному пересмотру основных физических представлений. В это время исследователи проникли в устройство атомного ядра, что способствовало зарождению ядерной физики. Расширение исследований в области элементарных частиц оказало глубокое влияние на многие смежные области науки. Развитие политической ситуации в Европе в конечном итоге определяло направление применения полученных научных достижений в военной области для создания ядерного оружия.

Успехи ядерной физики были подготовлены исследованиями конца XIX в., когда К. Рентген в 1896 г. открыл X-лучи, названные позднее рентгеновским излучением. Через год французский физик А. Беккерель установил факт излучения солей урана¹. Первыми целенаправленный интерес к радиоактивному явлению проявили М. Складовская-Кюри и ее муж П. Кюри, которые работали с урансодержащими рудами. В 1903 г. они за свои работы и открытие радиоактивности были удостоены Нобелевской премии². В 1900 г. Э. Резерфордом и А. Виллардом были обнаружены β , α и γ -лучи³. Эти фундаментальные открытия рубежа XIX—XX вв., изменили основы естествознания, подготовив пересмотр взглядов в физике и химии.

В России перспективное направления этих исследований было задано Д.И. Менделеевым в 1869 г., открывшим периодическую таблицу химических элементов. Этот закон стал теоретическим фундаментом многих научных дисциплин. Недаром английский химик Уильям Рамзай назвал периодический закон Д.И. Менделеева «истинным компасом для исследователя», а датчанин Н. Бор окрестил его «путеводной нитью к разработке электронного строения атома»⁴. Сам Д.И. Менделеев так определил значение своего открытия: «Периодическая законность первая дала возможность видеть не открытые еще элементы в такой дали, до которой не вооруженное этой законностью химическое зрение еще не достигало»⁵. Позднее Д.И. Менделеев, исходя из места расположения урана в периодической системе, предполагал тающиеся энергетические свойства элемента. Давая рекомендации последующим исследователям, он писал: «Убедившись в том, что исследования урана, начиная с его природных источников, поведет еще ко многим новым открытиям, я смело рекомендую тем, кто ищет новых предметов для исследований,

особенно тщательно заниматься урановыми соединениями»⁶.

Первыми исследователями в России радиоактивных веществ были профессора физики — Н.А. Умов и П.Н. Лебедев⁷. В 1901 г. на съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге, выпускником Казанского университета Н.П. Мышкиным были представлены исследования пондеромоторных сил, которые сопровождали лучистую энергию. Позднее он доложил об этом на заседании Русского физико-химического общества, однако подвергся резкой критике со стороны знаменитого физика П.Н. Лебедева, который был автором теории давления света⁸. В начале XX в. теоретическим изучением структуры атома занимался Н.А. Морозов. Первым из отечественных исследователей радиоактивных элементов был профессор А.И. Антипов. Он совместно с Б.Г. Карповым в 1900–1903 гг. в лаборатории Геологического комитета изучал урановые минералы. А.И. Антипов начал разработку урановых месторождений в Средней Азии. В 1908 г. создается частное «Общество для добычи редких металлов». Обществом были установлены контакты с французской лабораторией М. Складовской-Кюри. В 1909 году эти исследования были продолжены профессором П.П. Орловым. Он постарался расширить поиски радиоактивных минералов, исследуя просторы Сибири⁹.

Однако изучение радиоактивных элементов в начале XX в. в России было затруднено из-за отсутствия собственных препаратов. В 1909 г. при Академии наук была образована Радиевая комиссия, которую возглавил академик В.И. Вернадский. С этого момента исследования проблем радиоактивности в России становятся полномасштабными и планомерными¹⁰.

Открытие радиоактивности привело к пересмотру атомной структуры. В 1910 г. Ф. Содди обнаружил существование изотопов, а в 1912 г. Э. Резерфорд обосновал планетарную модель строения атома. В 1912 г. была обнаружена атомная структура кристаллов благодаря открытию интерференции рентгеновских лучей в кристаллах. Это было подтверждено работами Мозля¹¹. В 1913 г. Н. Бор выдвинул квантовую теорию строения электронных оболочек атомов, которую теоретически дополнил В. Паули. Это позволило по иному взглянуть на атомный мир и периодическую систему Д.И. Менделеева¹².

В начале XX в. накопление научных знаний о радиоактивных элементах также шло России. Пер-

вым, кто заговорил о перспективах широкого использования радиоактивных элементов, был В.И. Вернадский. Он обосновал учение о биосфере, в которой он значительное созидательное действие он отводил внутриаомной энергии, способной преобразовать жизнь человечества¹³. Летом 1911 г. в Петербурге была организована на средства Академии наук Радиологическая лаборатория, где начались исследования свойств образцов минералов и горных пород, привезенных с Урала, Закавказья и Ферганы¹⁴. В 1912 г. в Москве на частные пожертвования была открыта Физическая лаборатория, позднее переименованная в Физический институт им. П.Н. Лебедева (ФИАН)¹⁵. В октябре 1913 г. В.И. Вернадским при Академии наук создается специальная комиссия для решения проблем радиационных руд. В ее состав вошли В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, Б.Б. Голицын и П.И. Вальден. Результатом работы комиссии стало организация геологических экспедиций в районы Урала, Кавказа, Средней Азии, Сибири и увеличение государственных ассигнований¹⁶.

Накануне революции в Петроградском политехническом институте начала складываться школа физиков. В эту группу входили А.Ф. Иоффе, Я.И. Френкель, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, П.И. Лукирский, Я.Г. Дорфман и др. Невелико было количество квалифицированных специалистов в области физики. Число докторов физики было около 15, а число ученых занимавшихся экспериментальным и теоретическим развитием научных знаний — не более 100 человек¹⁷.

Становление отечественной физики выпало на годы гражданской войны. Однако представители физической науки оказались оторваны от мирового научного сообщества. Но и в этих условиях физика России ознаменовалась целым рядом новых научных направлений, созданием больших школ, которые сделали советскую физику полноправным членом мировой науки. Дальнейший период НЭПа показал, что фундамент тематики, заложенный ранее, оказался не случайным, а результаты исследований заинтересовали западных коллег¹⁸. В годы становления советского государства началось формирование новых физико-технических институтов в Днепропетровске, Свердловске, Томске, Горьком, Харькове.

Развитие физической науки в новых условиях не снизило интереса к радиоактивным элементам. В это время Д.С. Рождественским была организована атомная комиссия, которая занялась дальнейшим развитием и обобщением теории Н. Бора. Результатом стало появление теории спектральных двойников Рождественского¹⁹. В 1918 г. декретом Совнаркома в Петрограде был создан Государственный институт рентгенологии, переименованный позднее в Физико-технический институт и возглавленный А.Ф. Иоффе²⁰. Физтех и основанный в это время

Оптический физический институт, стали центром объединения петроградских физиков²¹. Помимо Физтеха радиоактивными элементами занимались Радиевое отделение Государственного рентгенологического института во главе с Л.С. Коловрат-Червинским, позднее — Л.В. Мысовским, одесская Радиологическая лаборатория профессора Е.С. Бурксера, московские Физический институт академика П.П. Лазарева и химическая лаборатория. Причем в Москве физики группируются вокруг Физического института и Института биофизики.

Осенью 1921 г. на базе Радиологической лаборатории начинает создаваться Радиевый институт, возглавляемый В.И. Вернадским. К этому моменту произошло объединение советских физических институтов в Физическую ассоциацию в 1920 г. На нее была возложена задача по созданию научных центров в различных областях советской республики. Физическая ассоциация предприняла первые попытки внести в научную работу плановое начало²².

В начале 1921 г. за границу были командированы А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественский, А.Н. Крылов и П.Л. Капица с целью восстановления связей с западными коллегами, а также для пополнения оборудования материально-технической базы советских лабораторий. Визит показал, что советские физики, по словам А.Ф. Иоффе, заняли достойное место в мировом научном сообществе²³.

В начале января 1922 года происходит слияние всех научных учреждений связанных с вопросами радиоактивности в Петрограде под эгидой Государственного Радиевского института, в котором регламентированы деятельность отделов и сферы решения научных вопросов. Во главе этих структурных подразделений встали талантливые исследователи. Так химический отдел возглавил В.Г. Хлопин, а физический — Л.В. Мысовский²⁴.

Начиная с 1921 г., в разных районах Советской республики начался процесс формирования физических центров, для которых основным ядром коллектива стали специалисты из состава Ленинградского физико-технического института. Так были созданы физико-технические институты в Томске, Харькове, Днепропетровске, Свердловске. В 30-е годы каждый из них стал всесоюзным научным центром в определенных областях физики. Основные исследования радиоактивных элементов, а позднее и изыскания в области ядра проводились Радиевым институтом и Физическим институтом Академии наук СССР, а также Ленинградским и Харьковским физико-техническими институтами²⁵.

В 1922 г. В.Г. Хлопину в Радиевом институте удалось получить первые пробы радия из отечественной руды, хотя этот элемент в мире тогда насчитывался граммами. Возникает необходимость создания предприятия по выработке радиоактивных элементов для расширения исследований в области физики, радиобиологии и радиохимии. Такая проба сил

началась весной 1920 г. на Каме, где строится завод по извлечению радия. Несмотря на тяжелые условия, появление радиоактивного отечественного материала позволило Радиевому институту сосредоточиться в своих изысканиях с 1925 года на ряде направлений. Среди них были строение ядра атома и искусственная радиоактивность²⁶. Эти исследования имели огромное значение для развития отечественной радиевой промышленности. Однако объем работ связанных с ядром был незначительным²⁷. Основная масса исследований в этой области пришлось на 30-е годы.

Вместе с тем начинается исследования космических лучей, как естественного источника радиации. Это было вызвано малым количеством источников излучения при отсутствии ускорителей, а также нехваткой естественных радиоактивных изотопов. Этими изысканиями занялись в конце 20-х годов Д.В. Скобельцын и Л.В. Мысовский, изучая лучи на уровне Земли, они подтвердили наличие космического излучения. Используя для наблюдений камеру Вильсона, Д.В. Скобельцын смог наблюдать группы космических частиц, так называемые ливни. Этот метод дал возможность ученому измерить скорости электронов, изучить спектры гамма-лучей и открыть быстрые электроны космических лучей²⁸. В дальнейшем эта работа была продолжена Вериго. С целью ослабить влияние земных источников на космические лучи, исследования проводились в горах. Д.В. Скобельцын и В.И. Векслер проводили замеры на Памире, а А.И. Алиханян и А.И. Алиханов на Алагезе. Это позволило получить принципиально новые данные. В 30-х годах, группа под руководством В.И. Векслера исследовала лучи на Эльбрусе, а группа С. Вернова проводила измерения, используя стратостаты. С. Вернов фиксировал влияние магнитного поля Земли на космическое излучение²⁹. Космическая радиация стала предметом исследования и других экспериментаторов. Так изучение космических лучей позволило Г.С. Жданову открыть явление взрыва атомных ядер под влиянием космических лучей, используя впервые разработанный метод толстослойных фотографических пластинок³⁰.

Таким образом, первая треть XX в. стала периодом формирования научных знаний, связанных с энергией атома. Мировое сообщество ученых-физиков развило эту область знаний, в который свой полноценный вклад внесли русские исследователи. В условиях революционных потрясений начала XX в., сменивших в стране политическую систему и государственную идеологию, русская физическая наука сохранила свою преемственность. Модернизационные процессы, охватившие Россию потребовали развитие научных знаний, что стало побудительным мотивом в дальнейшем развитии физичес-

кой науки, как в ширь так и в глубь. Даже временная изоляция отечественных исследований в связи с политической обособленностью советского государства не прервали их и не направили по ложному пути изысканий.

Несмотря на то, что действительность требовала прикладных наук, тем не менее, исследования радиоактивных элементов не были прекращены. Первая треть XX века стала периодом складывания научных центров и формирование плеяды талантливых ученых-исследователей. Научные знания, наработанные к середине и второй половине XX в. стали основой политических амбиций некоторых государственных кругов ряда держав, и в тоже время явились фундаментом, обеспечившим безопасность России от внешней угрозы, с созданием ядерного, а затем и термоядерного оружия.

Примечания

¹ Шалинец, А.Б. Радиоактивные элементы / А.Б. Шалинец, Г.Н. Фадеев. — М.: Просвещение, 1981. — С. 5—6.

² Черненко, Г. Супруги Кюри: расплата за открытие. / Г. Черненко // Тайны XX века. — № 39 — Ноябрь 2005. — С. 6.

³ Шалинец А.Б., Фадеев Г.Н. Цит. соч. С. 167

⁴ Емельянов, В.С. Атом и мир / В.С. Емельянов. — М.: Атомиздат, 1967. — С. 16.

⁵ Емельянов, В.С. Металлургия ядерного горючего / В.С. Емельянов, А.И. Евстюхин. — М.: Атомиздат, 1968. — С. 5.

⁶ Черненко, Г. Открытие профессора Мышкина / Г. Черненко // Тайны XX века. — № 14. — Апрель 2007. — С. 5.

⁷ Шалинец А.Б., Фадеев Г.Н. Цит. соч. С. 14.

⁸ Черненко Г. Цит. соч. С. 8—9.

⁹ Емельянов, В.С. У истоков атомной промышленности / В.С. Емельянов // Вопросы истории. — № 5. — 1975. — С. 127.

¹⁰ Алексеев, В.В. В начале был радий... / В.В. Алексеев // Энергия: экономика, техника, экология. — № 10. — 1984. — С. 6—9.

¹¹ Иоффе, А.Ф. О физике и физиках: статьи, выступления, письма А.Ф. Иоффе / составитель В.Я. Френкель — Л.: Наука, 1985 — С. 228, 308.

¹² Шалинец А.Б., Фадеев Г.Н. Цит. соч. С. 15—17

¹³ Горелик, Г. В.И. Вернадский и советский атомный проект / Г. Горелик // Знание — сила. — № 3. — 1996. — С. 61.

¹⁴ Алексеев В.В. Цит. соч.

¹⁵ Емельянов, В.С. С чего начиналось / В.С. Емельянов. — М.: Советская Россия, 1979. — С. 168.

¹⁶ Алексеев В.В. Цит. соч.

¹⁷ Иоффе А.Ф. Цит соч. С. 296, 312.

¹⁸ Там же. С. 313—314, 318.

¹⁹ Там же.

²⁰ Емельянов, В.С. Курчатов каким я его знал / В.С. Емельянов // Юность. — № 4. — 1989. — С. 89

²¹ Иоффе А.Ф. Цит соч. С. 297

²² Там же. С. 299.

²³ Там же. С. 313—314.

- ²³ Алексеев В.В. Цит. соч.
²⁵ Иоффе А.Ф. Цит соч. С. 299
²⁶ Алексеев В.В. Цит. соч.
²⁷ Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3-х томах / под общ. ред. Л.Д. Рябева. — Т. 1. 1938—1945. — Ч. 1. — М.: Наука-Физматлит, 1998. — С. 38.
- ²⁸ Иоффе А.Ф. Цит соч. С. 316.
²⁹ Флеров, Г.Н. Начальный этап исследования деления ядер / Г.Н. Флеров // Вестник Российской АН. — Т. 63. — № 3. — 1993. — С. 40.
³⁰ Иоффе А.Ф. Цит соч. С. 321.

ИДЕИ АКТИВНОСТИ И САМОДВИЖЕНИЯ В УЧЕНИИ ОБ ЭМАНАЦИИ ПРОКЛА ДИАДОХА

Не смотря на солидное литературное наследство и достаточно высокие оценки философской наукой, творчество Прокла Диадоха (412—485 гг.) известно в России лишь узкому кругу специалистов. Переводам, как правило, вторичных источников и комментариям, дошедших до нашего времени работ Прокла, большее или меньшее внимание уделяли наши соотечественники А.Ф. Лосев, Ю.А. Шичалин, А.В. Петров, С.В. Месяц [2], которые заложили и общие представления о взглядах древнегреческого философа.

Несомненно, что выдающийся ученый Прокл, добровольно погрузивший себя в тень Платона, отличался самостоятельностью мышления, глубокой логикой своих суждений и сомнительной теологичностью, которая объясняется не столько склонностью к спекулятивному мышлению, в чем его обвиняют некоторые наши современники, сколько скудным багажом человеческого знания того времени. И сотни лет после Прокла многие серьезные мыслители вынуждены были обращаться к религии, чтобы прикрыть «бреши» в далеких от системности научных конструкциях. Этот прием позволял науке сохранять целостность картины мира, вытеснять элементы религии из своих моделей постепенно, оставаясь в согласии с человеческой психикой, не терпящей пустот и разрывов.

Важно заметить, что известный знаток и пропагандист платоновского учения Прокл до сих пор явно недостаточно признан как самостоятельная фигура в философии. А между тем, в его работах (особенно в «Первоосновах теологии») едва ли не впервые получил концептуальное оформление вариант теории активности. И если в отдельных догадках об активных началах мироздания Прокл не может претендовать на роль первооткрывателя, то в системном изложении активизма он является, пусть не признанным, основоположником.

Великолепны по глубине и наивности размышления Прокла о «вечном двигателе» вечного движения, о неделимости «первого двигателя» кругового движения, о разделении «движущего» и «движущегося», о предшествующем им «неподвижном» [1]. Проявление активности материальных объектов — самодвижение — четко выделяется Проклом в одном из известных его тезисов: «Все сущее или неподвижно, или движимо. И если движимо, то или самим собою, или другим, то есть оно или самодвижущееся, или движимое иным; следовательно, все есть или неподвижное, или самодвижущееся, или движимое иным» [1, с. 556].

Самодвижение материальных тел Прокл объясняет их сущностным свойством — самодовлением

и придает этому свойству повышенное значение: «Все самодовлеющее или по своей сущности, или по активности (*energeian*) превосходит не-самодовлеющее» [1, с. 555]. По сути Прокл синонимизирует здесь понятия «самодовление», «энергия», «активность», которые и современной наукой разделяются тоже не вполне уверенно.

Не обошел Прокл в своих рассуждениях и вопрос о причинах активности, о причинах проявления «самости» объектов. Вполне естественно, что древний философ не мог постичь единства материи и движения, возможностей взаимного перехода материи и энергии, а потому использовал распространенный в те времена способ преодоления возникающих логических противоречий путем одухотворения самодовлеющих субстанций. «...всякое тело движимо другим: ведь по [своей] природе оно само себя не может двигать, но благодаря присутствию души движется само собой и живет благодаря душе, и при наличии души оно в некотором смысле есть самодвижное, а при отсутствии души оно движимое иным, поскольку такова его природа сама по себе, душа же получила в удел самодвижную сущность. В чем она будет присутствовать, тому и передает она самодвижность» [1, с. 557]. Подобное омертвление материи господствовало в науке многие столетия и сохраняет определенную привлекательность в наши дни.

Многочисленные теоретики активности 70-х годов XX столетия были весьма не убедительны в прогнозировании этого человеческого качества, в определении динамики его развития. И поскольку теория активности выстраивалась, главным образом, усилиями представителей социалистической науки, то не удивительно, что основным в их исследованиях был классовый подход, а выводы сводились к неуклонному возрастанию социальной активности рабочего класса. Но даже самым современным глобальным теориям свойственен по этому поводу романтизм, безосновательно увлекающий их сподвижников мечтой о грядущем «золотом веке». Более реалистичный Прокл опирается в своих работах на подход **эманационный**¹, причем делает это дифференцированно для активных и пассивных объектов. Перспективы

¹ Эманация — «философское понятие, специально разработанное в неоплатонизме, означающее переход от высшей и совершенной онтологической ступени универсума к менее совершенным и низшим ступеням. Как тип развития, эманация — низхождение, противоположна восхождению, совершенствованию» (Философский энциклопедический словарь. 2-е издание. — М. Сов. энциклопедия. — 1989. — С. 762).

эволюционного развития в свете эманации выглядят мрачно: «Все способное производить превосходит природу производимого» [1, с. 555]. При этом подтверждается естественное разрушительное свойство времени или в современном понимании — нарастание процесса энтропии. Казалось бы, звучит безысходно, как приговор вывод Прокла — «никакое тело по природе не возвращается к самому себе» [1, с. 556]. Более того, «из всего умноженного вследствие эманации первичное совершеннее вторичного и вторичное [совершеннее] следующего за ним, и точно так же последующее» [1, с. 559]. Но он же и оставляет надежду, уповая фактически на активное начало мира: «Все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе» [1, с. 557]. Очевидно, что подобное «возвращение» предполагает энергетическую подпитку и не в последнюю очередь подпитку из внутренних резервов материальных объектов, что проявляется в реализации их «самости». По этой причине «все эманующее из чего-то и возвращающееся имеет цикличную активность» [1, с. 559]. Благодаря этой активности, способности «возвращаться к самому себе» и возможен прогресс, поскольку «из всего возникающего вследствие возвращения первичное менее совершенно, чем вторичное, а вторичное [менее совершенно], чем последующее. Самое же последнее совершеннее всего» [1, с. 559]. Так близко к понятию активности не подходил никто до Прокла, ни много сотен лет после него. Говоря современным языком, пассивные объекты не могут прогрессировать и обречены на регресс и разрушение. Объекты же активные имеют шанс не только на простое воспроизводство, но и на совершенствование. Столь блестящее заключение позволяет преодолеть пессимистическую ограниченность теории эманации, расширить ее эвристические возможности, а главное, создать на ее базе теоретическую основу активизма.

К сожалению, следующее заключение Прокла, почти безупречное с точки зрения логики, оказалось ошибочным. «Все способное возвращаться к самому себе имеет сущность, отдельную от всякого тела» [1, с. 556] — утверждает философ — «Все способное возвращаться к самому себе бестелесно» [1, с. 556]. Понадобились полторы тысячи лет научных усилий и гений А.Эйнштейна, чтобы доказать возможность телесной сущности «возвращаться к самой себе». Но возврат этот происходит при участии энергии, которая вполне может восприниматься как субстанция «бестелесная», а, значит, и здесь Прокл был не столь далек от истины.

Определив проявление активности в форме особого вида движения — самодвижения и установив источник «самости» — некоторую бестелесную субстанцию в форме «души», Прокл не упускает возможности проранжировать рассматриваемые им образования. «И сама она (душа — В. Х.) гораздо раньше того, что она передает в силу своего бытия, —

рассуждает Прокл. — Следовательно, она, как самодвижная по своей сущности, выше тел, становящихся самодвижными [только] по причастности» [1, с. 557]. Встав на лестницу абстракции и понимая, что «душа» не может непрерывно исторгать самодвижение, Прокл обосновывает наличие чего-то «неподвижного», способного управлять «душой». Возникает цепочка, снимающая, по крайней мере, формальные логические затруднения прокловской концепции активности: «... движущему предшествует самодвижение, а движущему — неподвижное» [1, с. 557]. Это «неподвижное» в иерархии компонентов движения имеет третий уровень и представляет собой ум, который «движет, будучи неподвижным» [1, с. 557].

Как видно, эта часть схемы движения, самодвижения и покоя, предлагаемая Проклом, рассматривает единичный изолированный случай. Она не учитывает реально существующего в природе и обществе взаимодействия объектов. Учесть эту составляющую движения помогает категория высшего уровня «единое», которому «причастно все сущее».

Кроме того, причастность единому у Прокла диалектична и не является безусловным и абсолютным атрибутом — «все причастное единому и едино, и не едино» [1, с. 555], а «все объединенное отлично от того, что едино само по себе» [1, с. 555]. Будучи причастными «единому», и «множество», и «объединенности», и отдельные «единицы» несут в себе отпечаток индивидуальной «самости» и даже сведенные вместе отличаются «от того, что едино само по себе».

Единство и различие, прогресс и регресс материальных образований Прокл выводит путем разложения развития на два вектора — «по сущности» и «по активности (energeian)», каждый из которых обладает важной спецификой. «Все сущее эманует из одной причины — из первой» [1, с. 555] и подвержено, согласно эманационной теории, последовательной и неотвратимой деградации.

Другая составляющая движения сущего, обусловленная бестелесной «душой», создает возможность сущему «возвращаться к себе», обеспечивая тем самым цикличность развития. Вектор «циклической активности» у Прокла разрывает эманационную предрешенность бытия, а сама активность, как способность возвращения к собственным истокам, материализуется в виде двигателя движения. Этот особый вектор движения отражает способность материального образования развиваться за счет собственных внутренних сил, в результате чего оно «получает свое существование само от себя и обладает самобытной сущностью» [1, с. 559]. Не давая прямого и точного определения самобытности¹, Прокл

¹ Самобытный — ... идущий своим путем, самостоятельный в своем развитии» (Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — М. Рус. яз., 1990. — С. 692). Это более современное определение в точности соответствует описанию понятия Проклом.

отмечает ее основные свойства и, прежде всего, атрибутивный характер для любого материального объекта. «Все сущее в себе самобытно» [1, с. 559] — заключает Прокл и разворачивает цепь суждений о самобытности, как важном свойстве сущего. Причем делает это в увязке с энергетикой, активностью объекта: «Все самобытное способно возвращаться к самому себе» [1, с. 560], как верно и обратное: «Все способное возвращаться к самому себе самобытно» [1, с. 560]. Активное и сущностное начала мироздания, которые Прокл различает в ходе своего анализа, он не забывает синтезировать в единое целое: «Все способное возвращаться к самому себе по активности возвращено к самому себе и по сущности» [1, с. 560].

Самобытность, как атрибут конкретного материального образования, Прокл наделяет общими свойствами: «Все самобытное не рождено...» [1, с. 560], «Все самобытное неуничтожимо» [1, с. 560], «Все самобытное неделимо и просто» [1, с. 560], «Все самобытное вечно» [1, с. 560].

Утверждение самобытности, самодостаточности сущего (материи) и активности (самодвижения) разрушает теологическую основу в построениях Прокла. Место божественной первопричины, первоосновы мироздания в них занимают понятия вечного, целого, единого, самобытного, в то время как то, что «основано на ином», преходяще «по сущности или по активности» и представляет собой становление.

Постоянные отступления Прокла от заявленной в «тезисах» теологичности вовсе не отражают на-

личия в его суждениях последовательного атеизма. В своих сентенциях о сущности и активности он нередко дуалистичен: то объединяет их как части единого целого, то противопоставляет совершенные в себе субстанции «излучениям, имеющим [свою] субстанцию в инобытии» [1, с. 561]. Однако отдельные локальные противоречия в построениях Прокла не умаляют системности его теоретических конструкций, а являются, скорее, иллюстрацией отсталости естественных наук того времени.

*

Учение неоплатонизма о пассивной эманации материальных образований, интерпретированное Проклом с учетом их внутренней энергетики, может рассматриваться как одно из фундаментальных оснований теории активности, объясняющее развитие и перспективы мироздания. В этом плане Прокл не просто превзошел Платона, но и на много веков опередил философов, чьи косвенные догадки впоследствии стали аккумулироваться в более или менее целостные теоретические концепции активности материи и сознания.

Литература

1. Первоосновы теологии. Антология мировой философии в четырех томах. — Т. 1 Ч. 1. — М.: Мысль, 1969. — С. 555—576.

2. Прокл Диадок (сетевой проект Центра антиковедения) <http://centant.pu.ru/plat/proklos/index.htm>,

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ГУМАНИЗАЦИИ

Пока еще небольшой опыт преподавания нового аспирантского курса «История и философия науки», тем не менее, убедительно показывает, на мой взгляд, что он знаменует принципиально значимый шаг в нужном направлении совершенствования философской подготовки молодых специалистов в области научных исследований. Прежний курс по философии для аспирантов и соискателей довольно часто во многом дублировал студенческий, подготовку к вступительному экзамену по философии в аспирантуру и содержание самого экзамена. Теперь читается несравненно более специализированный и целенаправленный курс, который во всех своих основных трех разделах — и историческом, и посвященном общим проблемам философии науки, и философским проблемам частных наук — непосредственно служит профессиональной подготовке молодых ученых.

Вместе с тем в связи с этим возникла, по моему убеждению, необходимость обзорного курса по философии для тех, кто готовится к сдаче вступительного экзамена в аспирантуру по этой дисциплине и систематических экскурсов в область общей философии в процессе рассмотрения тех или иных тем по истории и философии науки. Иначе постоянно дают о себе знать, особенно на кандидатском экзамене пробелы в общефилософских знаниях и культуре аспирантов и соискателей. Кроме того, этот небольшой опыт однозначно свидетельствует — остается крайне актуальной задача должной реализации философского потенциала нового аспирантского курса. В данном отношении продолжает существовать немало проблем и организационного, и содержательного характера.

Это прежде всего, по моему мнению, относится к первому, историческому, разделу нового аспирантского курса. В отношении его существует довольно широкий диапазон мнений вплоть до исключающих друг друга. Некоторые преподаватели полагают, что этот раздел вообще не имеет никакого отношения к двум другим — ни к философии науки, ни к философским проблемам частных наук, следствием чего становится отказ кафедр философии от какого-либо участия в работе аспирантов и соискателей над рефератами. Другие, напротив, считают, что реферат по истории науки должен быть в безраздельном ведении философских кафедр как органичный, неразрывно связанный с двумя остальными, компонент курса «Истории и философии науки». В последнем случае, как представляется, скорее всего, произошел бы возврат к прежней практике препода-

вания философии для аспирантов и соискателей, что было бы, разумеется, нежелательным поворотом в развитии событий. Возникает необходимость поиска оптимального решения данной проблемы.

На мой взгляд, принимая во внимание самые разные основания, включая заинтересованность преподавателей кафедр философии в оплате их труда, надо исходить из признания того, что они должны принимать участие и в данном виде педагогической работы. Однако преподавателю кафедры философии приходится проверять рефераты по истории науки в самых различных ее областях, в которых, чаще всего, он не может быть компетентен в необходимой степени. По этому аспекту реферата решающее слово, естественно, должно принадлежать научному руководителю аспиранта или соискателя. Но вместе с тем несомненно, что первый раздел курса не должен быть отделен «каменной стеной» от двух других его разделов.

Более того, я убежден, что необходимо разработать, в той или иной форме, требование, если и не в обязательном, то, по крайней мере, рекомендательном, использовании знаний, полученных по философии науки и философским проблемам частных наук. Характер и степень его выполнения должна будет влиять на оценку реферата по истории науки, которая, в конечном счете, как я полагаю, должна стать дифференцированной. Эта часть реферата и будет находиться в первую очередь в поле зрения преподавателя философии. Кроме того, обладая, как правило, необходимой эрудированностью, он сможет также, хотя бы в самом общем виде, воспринять и оценить историческую составляющую реферата, но главное, естественно, — мировоззренческую и методологическую. Такого рода «синтез» также непосредственно способствовал бы философской и специальной подготовке молодых ученых.

Однако в последнее время создается все более устойчивое впечатление, что научные руководители аспирантов и соискателей уделяют их исторической подготовке совершенно недостаточное внимание. Статистики, естественно, нет, но разного рода косвенные данные вроде содержания и оформления отзыва научного руководителя, сделанного явно непрофессионально, оценка реферата по пятибалльной системе, причем непременно высшим баллом, очень далекого от реального качества работы, и т. п. свидетельствуют в пользу такого вывода. Наконец, бывало даже и так, что на прямой вопрос: читал ли Ваш научный руководитель рецензируемый реферат, следовал отрицательный ответ. При таком без-

ответственном отношении к делу реализовать должным образом несомненно значительный потенциал раздела по истории науки для профессиональной подготовки молодых ученых заведомо невозможно. Необходимо разработать систему мер, в том числе контрольных, чтобы повысить степень ответственности участников учебного процесса и отдачу знаний от изучения молодыми учеными истории тех отраслей науки, в которых они специализируются.

Вместе с тем стоит отметить то немаловажное достоинство нового аспирантского курса по истории и философии науки, что рецензентам-философам стало интереснее и полезнее готовить свои отзывы на рефераты. Их, естественно, очень разнообразны темы подчас весьма далеки от непосредственных педагогических и научных интересов преподавателей кафедры философии, но необходимость рецензирования рефератов поневоле приобщает их к различным областям знания, обогащая и расширяя эрудицию. И в самом деле, когда бы удалось ознакомиться, например, с историей развития криптографии, значением великих географических открытий для трансформации языков и т. п., если, понятно, преподаватель не работает в близких к ним направлениях. Между тем, очевидно, приобретаемые таким образом знания могут быть использованы преподавателями кафедры философии и в педагогической, и в научной их работе. В то же время представляется, что темы аспирантских рефератов, посвященных отдельным ученым и их вкладу в развитие научного познания, каким бы интересным не было их содержание, соответствуют, скорее, серии «Жизнь замечательных людей», нежели требованиям кандидатского экзамена по истории и философии науки.

Что касается двух других разделов нового аспирантского курса, посвященных общим проблемам философии науки и философским проблемам частных наук, то занятия, как правило, проводятся на высоком теоретическом и методическом уровне, хотя и в этом отношении есть свои проблемы, которые регулярно обсуждаются на заседаниях кафедры. Главной же среди них остается посещаемость этих занятий, поскольку их посещение считается делом сугубо добровольным и не подлежащим сколько-нибудь жесткому контролю. Такое положение вещей также не способствует подобающей реализации потенциала нового аспирантского курса «История и философия науки». По мере накопления опыта его преподавания, несомненно, придется вновь и вновь обращаться к обсуждению этого круга вопросов.

Однако необходимо уже сейчас рассмотреть такую актуальную проблему, как гуманизация философии науки. По существу, именно в этой связи Т.Г. Лешкевич задается отнюдь не риторическим вопросом. «А где же нравственность, — вопрошает она, — эстетика, духовность, красота метафизики в

ее свободном смыслопостижении, антропософских устремлениях, ее метафоричность и человекомерность, сапиентность, наконец?» [13, с. 156]. Одним из важнейших направлений решения ее главных аспектов, в том числе и поставленного круга вопросов, по моему убеждению, становится сегодня обоснование научно-оптимистических взглядов на современную ситуацию в стране и мире, а также будущее цивилизации, с одной стороны, и возможность реального достижения личного бессмертия и воскрешения человека — с другой.

Такой подход к происходящему и будущему призван противостоять пессимистическим, т. е. мрачным и унылым, умонастроениям, которые «успешно» нагнетаются средствами массовой информации, которые, по природе своей и техническим возможностям, концентрируют события негативного характера со всех концов мира в одном месте и в одно время, явно пренебрегая при этом положительными. Подобные умонастроения овладевают широчайшими массами людей, становясь нередко основанием, наряду с другими предпосылками, даже предметом философских обобщений вроде «перманентного кризиса», «пределов роста», «конца истории» и т. п.

Своего рода примером этого может служить также состоявшаяся в марте 2006 года в г. Саратове представительная Всероссийская научная конференция «Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития», материалы которой были опубликованы и стали достоянием относительно широкого круга читателей [14], в работе которой (к сожалению, только заочно) мне тоже удалось принять участие [8, с. 289—293].

В обзоре работы этой конференции было подчеркнuto, что ее участники «особое внимание» уделили «назревающему антропологическому кризису и его трем ключевым аспектам: 1) разрушение генофонда; 2) возрастающее воздействие стрессов; 3) генная инженерия как новое направление антропологического риска» [12, с. 24]. Эти точки, или узлы, риска, действительно, вызывают живой интерес и заслуживают самого серьезного обсуждения, в том числе в контексте аспирантского курса истории и философии науки.

Риски жизни человека, угрожающие его безопасности своими драматическими, а подчас и трагическими исходами, чрезвычайно разнообразны и вызывают вполне реальные опасности и понятные тревоги, несмотря, как правило, на незначительную их вероятность. Но вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что они выявляют как раз те проблемы, на которых общество и отдельные люди должны сосредоточить свои усилия для их безотлагательного решения, т. е. опять-таки играют немаловажную положительную роль, уже одним этим также способствуя их решению. Естественно, внимание, прежде всего, привлекают к себе проблемы еще нерешенные, особенно волнующие и будоражащие вообра-

жение людей, однако нельзя упускать из поля зрения и не устаивать упоминания успешно решаемой проблемы, а тем более уже решенные. Иначе картина происходящего невольно искажается. И сегодня есть вполне достаточные основания для оптимистического взгляда на настоящее и будущее, а значит, тем самым, для гуманизации реальной жизни и мировоззрения, включая философию науки.

Но особое значение для гуманизации и жизни, и мировоззрения, и философии науки имеет, на мой взгляд, научно-оптимистический подход к решению проблемы жизни, смерти и бессмертия человека, который поистине вынашивался русской философской мыслью, особенно на протяжении последних полутора столетий [7]. Такой подход, как мне представляется, наиболее полно и последовательно реализуется в современной концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения [4, с. 49—53; 5 и др.]. Примечательно, что до самого недавнего времени эта концепция ограничивалась лишь представлением о возможности достижения практического бессмертия человека, тогда как теперь она дополнена принципиально значимым дополнением и о реальной возможности его воскрешения [3, с. 109—112; 9, с. 170—173]. Под этим углом зрения рассматривается и будущее цивилизации [10, с. 754—755; и др.].

Используемые в данном контексте понятия требуют определенного уточнения. Понятие «бессмертие» применяется не в его абсолютном значении, как, например, в смысле «бессмертия души», а в относительном — именно как «практическое бессмертие», т.е. достижение человеком способности жить неограниченно долго, настолько долго, когда можно будет констатировать — он стал практически бессмертным. Такого рода относительное бессмертие не исключает возможность смерти от тех или иных преимущественно внешних причин. Вследствие этого с объективной необходимостью возникает проблема восстановления человеческой жизни. Под «реальным воскрешением» и понимается возможность восстановления утраченной человеком жизни из его собственной клетки, из которой он сам как таковой и пришел в этот мир, на этот раз, согласно современным представлениям, посредством его клонирования, решив предварительно целый ряд проблем. Эти понятия, как мне представляется, наиболее адекватно выражают мировоззренческий смысл и альтернативность религиозно-мистическим верованиям и технократическим решениям.

По моему мнению, эта тема может быть рассмотрена во всех трех разделах нового аспирантского курса «История и философия науки». В первом, историческом, его разделе она может заинтересовать не только биологов и медиков, но и представителей других отраслей научного знания, поскольку имеет также и общемировоззренческое значение. В 6-й теме второго раздела, философия науки, рассматри-

ваемая проблема может быть проанализирована, например, под углом зрения тенденции смены смертнической парадигмы парадигмой бессмертнической и в качестве одной из важнейших характеристик постнеклассического этапа в развитии науки и философии. Но особенно большие возможности для ее рассмотрения открываются в третьем разделе курса, посвященном философским проблемам частных наук, когда излагаются философские проблемы биологии, медицины и экологии. Их актуализация вызвана главным образом применением новейших биотехнологий, возможностью «модификации человека», обсуждением острых вопросов биоэтики и т. п. [6; 11].

В.С. Степин, говоря о назначении и роли философии, в том числе и в первую очередь современной, справедливо подчеркивает, что «она всегда апеллирует к базисным ценностям социальной жизни. Она их обосновывает. Она способна выработать ядро новых мировоззренческих ориентаций и предложить их культуре» [15, с. 16]. И далее, как бы заключая эту мысль, он отмечает, что «философия призвана ответить на вопрос: в чем заключается система базисных ценностей современной цивилизации и что должно и может измениться в этой системе» [15, с. 16]. Я убежден, что настало время выдвинуть и предложить современной культуре новую базисную ценность социального и личного бытия — мировоззренческую ориентацию именно на достижение реального личного бессмертия, в смысле практического бессмертия человека, и возможность его воскрешения в случае утраты жизни.

Оптимистический и гуманистический потенциал этого подхода поистине неисчерпаем. Каким бы ни было отношение к данной проблеме, к существующим сегодня путям и средствам ее решения, философы не вправе игнорировать данный круг вопросов, все более широко обсуждаемых в настоящее время. Рассмотрение этих проблем в научно-оптимистическом ключе будет прямо содействовать гуманизации философии науки.

Весь этот круг проблем должен рассматриваться под углом зрения тактических и стратегических задач их решения. Разумеется, о ближайших задачах говорить проще и надежнее, но их смысл и вектор нельзя должным образом понять вне связи с осознанием более отдаленных перспектив развития. Непосредственное и обозримое будущее решения проблемы достижения реального личного бессмертия и воскрешения человека наиболее полно и последовательно рассматривается в контексте имморталогии — науки о бессмертии. Это понятие было введено мною уже более тридцати лет тому назад [1, с. 155]. С тех пор мне не раз приходилось подчеркивать, что *Homo sapiens* — Человек разумный может и должен стать *Homo immortalis* — Человеком бессмертным [2]. Тем самым на смену прежне-

му, смертническому, гуманизму, который, в лучшем случае, требовал достойной старости и культуры умирания, грядет гуманизм бессмертнический, или иммортогуманизм, утверждающий ювенологическое здоровье человека на уровне оптимальных параметров его телесной и духовной жизнедеятельности, реальное бессмертие и воскрешение.

Более отдаленной перспективой развития гуманизма представляется трансгуманизм. В этой связи Б.Г. Юдин, выступая на Круглом столе, посвященном проблемам модификации человека, отметил как раз, что «все большую силу набирает международное и междисциплинарное движение, которое называет себя трансгуманизмом» [16, с. 54]. Излагая ряд тезисов из его Декларации, он, в частности отметил следующий: «Трансгуманисты считают, что будучи широко открытыми по отношению к новым технологиям и приемля их мы имеем больше шансов обратить их себе на пользу, чем если мы будем пытаться запрещать их или им препятствовать» [16, с. 54]. Юдин тоже еще во многом склонен и к сомнениям, и к колебаниям, но все же создается впечатление, что обстановка для дискуссий по данному кругу вопросов становится все более благоприятной, а главное — конструктивной. И это весьма отраднo.

Сами трансгуманисты прилагают немало усилий для организации и развития Российского трансгуманистического движения (РТД) [17]. Ученый секретарь междисциплинарного семинара по трансгуманизму и научному иммортализму в г. Москве И. Кирилук так характеризует это движение во вступительном слове к ряду трансгуманистических статей в журнале «Эволюция». «Трансгуманизм, — разъясняет он, — гуманистическая доктрина, провозглашающая возможность и желательность фундаментальных изменений человеческой природы» [17, с. 133]. Согласно этому гуманистическому мировоззрению, отмечает в статье «Влияние интеллекта на эволюцию человека или первая аксиома трансгуманизма» В. Прайд, член Координационного совета РТД, «современный человек не является вершиной эволюции, но, скорее, началом эволюции вида *Homo Sapiens*» [17, с. 134].

Ту же мысль подчеркивает и развивает руководитель этого семинара и РТД И. Артюхов в статье «Трансгуманизм в России: исторические корни и современное состояние». «Трансгуманизм, — напоминает он, — относительно новая система взглядов, основанная на положении, что человек в его нынешнем состоянии является не конечной вершиной всей эволюции, а, скорее, началом нового ее этапа, который будет происходить не в силу слепого естественного отбора, а осознанно и целенаправленно, под управлением самого же человека» [17, с. 141]. И далее: «Трансгуманисты считают, что природа человека может и должна быть улучшена; одной из первых целей большинство из них видит победу над

старением и достижение неограниченной продолжительности жизни» [17, с. 141]. Наконец, в статье «Распространение в России трансгуманистических взглядов на научно-технический прогресс» Д. Медведев, член Координационного совета РТД, генеральный директор фирмы «КриоРус» [17], развивая этот, по существу, ноосферный подход, подчеркивает, в частности, последовательно научный характер трансгуманистического движения. «Трансгуманистический подход, — убежден он, — может развиваться только на базе рационального высокообразованного общества, поэтому союзниками трансгуманистов должны стать действующие в России движения гуманистической и рационалистической направленности (такие как движения скептиков, атеистов и гуманистов)» [17, с. 145]. Так что трансгуманизм становится все более заметным явлением в научной жизни России.

Очень отраднoм также явлением, на мой взгляд, представляет собой пробуждающийся интерес к данному кругу вопросов со стороны политических движений, которые обогащаются новыми идеями и начинают обогащать ими других. Так, И. Герасимов, член МГК КПРФ, руководитель комиссии по науке и инновациям (инновационного отдела) МГК СКМ РФ приходит в статье «Бессмертие и коммунизм», в частности, к следующему принципиальной значимости выводу. «Очень важно, — полагает теперь он, — создать всем людям равные стартовые биологические, а не только социальные, условия, чтобы степень развития «генетического потенциала» путем «рекультивации» генов стала бы для каждого человека равняться ста процентам, а не как сейчас — у кого-то больше, у кого-то меньше» [18]. Такого рода проблемы решить без применения высоких технологий вряд ли возможно. Есть достаточные основания утверждать, что именно такой взгляд является сегодня поистине велением времени.

Жизнь, безусловно, самоценна. Но это утверждение должно перестать быть лишь звонкой декларацией. Жизнь может и должна обрести высокий смысл и долг. Науке, в том числе научной философии и философии науки, принципиально противопоказано тормозить решение, а тем более отказываться решать проблему в данной области исследований. Напротив, именно заинтересованное и активное участие в этой сфере научной деятельности, в том числе и в обсуждении актуальных проблем современности, включая теоретическое и практическое достижение реального личного бессмертия и воскрешения человека, непосредственно способствует формированию оптимистического мировоззрения аспирантов и соискателей.

Литература

1. Вишев, И.В. Геронтология и философия / И.В. Вишев // Философские науки. — 1974. — № 1 — С. 153—155.

2. Вишев, И.В. Гомо Имморалис — Человек Бессмертный / И.В. Вишев. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 1999. — 150 с.
3. Вишев, И.В. Достижение практического бессмертия человека и его реального воскрешения — двуединая задача / И.В. Вишев // Вестник Российского философского общества. — 2007. — № 2. — С. 109—112.
4. Вишев, И.В. Концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения / И.В. Вишев // Челябинский гуманитарий: сборник научных трудов членов Челябинского отделения Академии гуманитарных наук. — 2006. — № 1. — С. 49—53.
5. Вишев, И.В. На пути к практическому бессмертию / И.В. Вишев. — М. : МЗ Пресс, 2002. — 324 с.
6. Вишев, И.В. Научные традиции и научные революции. Типы научной рациональности / И.В. Вишев // Философия науки: Методические указания для аспирантов и соискателей. Раздел I, тема 6. — С. 13—16.
7. Вишев, И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли / И.В. Вишев. — М. : Академ. Проект, 2005. — 432 с.
8. Вишев, И.В. Проблема реального бессмертия человека и его воскрешения в условиях риска / И.В. Вишев // Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития. — М.; Саратов, 2006. — С. 289—293.
9. Вишев, И.В. Проблема реального воскрешения человека: мировоззренческий и естественнонаучный аспекты / И.В. Вишев // Вестник Российского философского общества. — 2005. — № 2. — С. 170—173.
10. Вишев, И.В. Проблема практического бессмертия и реального воскрешения / И.В. Вишев // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24—28 мая 2005 г.): в 5 т. Т. 4. — М. : Современные тетради, 2005. — С. 754—755.
11. Вишев, И.В. Философские проблемы биологии и медицины / И.В. Вишев // Философия науки: Методические указания для аспирантов и соискателей. Раздел II, тема 1, занятие 3. — С. 23—26.
12. Заров, Д.И. Общество риска и человек в XXI веке / Д.И. Заров, Г.Н. Петрова, В.А. Фриауф // Вестник Российского философского общества. — 2006. — № 3. — С. 23—36.
13. Лешкевич Т.Г. Парадоксы современной философии науки / Т.Г. Лешкевич // Вестник Российского философского общества. — 2007. — № 2. — С. 154—158.
14. Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития. — М.; Саратов, 2006. — 402 с.
15. Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. — 2006. — № 2. — С. 16—26.
16. Человек. — 2006. — № 5. — С. 52—64.
17. Эволюция. — 2006. — № 3. — С. 133—145.
18. <http://www.kprf.ru/Правда.info/> (16.01.2007)
19. <http://www.transhumanism-russia.ru>

ПОНЯТИЕ ФУНКЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Проблема существования математических объектов на протяжении всей истории математики имела решающее значение для развития математики. Практически общепринятым в настоящее время является представление о том, что объект математики существует иначе, чем теоретический объект естественных наук. Что значит, что математический объект существует? Можно ли говорить о существовании математического объекта только в том случае, когда он математически точно определен, представлен в знаково-символическом формализме или о существовании можно говорить в некотором более общем смысле и рассматривать объект до его представления в форме знакового конструкта?

Рассмотрим проблему существования математических объектов на примере становления и развития понятия функции, одного из фундаментальных математических понятий, которое является основой математического анализа, теории функций, функционального анализа, играет важную роль в топологии, алгебре, математической логике. На протяжении всего периода становления и развития понятия функции именно эта дилемма лежит в основе споров и разногласий.

Появление понятия функции было подготовлено всем ходом исторического развития математического знания и явилось ответом на те задачи, которые математическая мысль уже поставила. В XVII в. К появлению идеи функциональной зависимости в качестве самостоятельного объекта математического исследования все было подготовлено: разработана алгебраическая символика, алгебра, появляется аналитическая геометрия, широкое распространение получил аппарат степенных рядов. Тем не менее, не выходя за рамки внутреннего развития математики, объяснить появление этого понятия невозможно. Попытки некоторых историков математики обнаружить понятие функции не только в средневековой, но даже и в античной математике неосновательны. Исходя из современного понятия функции мы можем, конечно, говорить о наличии в математике до XVII в. довольно большого запаса функциональных соответствий. Однако в предшествующей новому времени математике не производится соответствующей абстракции, не выделяется идея, составляющая основу понятия функции. Каждая конкретная зависимость рассматривается ими как нерасчлененное целое, никак не связанное с другими, как соответствие между множествами постоянных величин, в то время как понятие функции не мыслимо без понятия переменной.

Возникновение понятия функции невозможно объяснить только решением внутриматематических проблем. Примечательно обстоятельство, на которое указывает академик А.Д. Александров: идея, которая легла в основу понятия функции и привела к разительным переменам в математическом знании, на первый взгляд кажется довольно простой, а вместе с тем появляется только в Новое время [1, с. 41—43].

Идея, составляющая основу понятия, сформировалась при исследовании реальных проблем, имеющих непосредственное отношение к изучению природы. Важным конструктивным фактором в становлении и развитии понятия функции является решение естественнонаучных познавательных задач, прежде всего механики. В XVII—XVIII вв. в рамках концепции закона природы разрабатывается механистическое представление, которое потребовало преобразования стиля научного мышления в сторону количественно-математического характера исследования природы. Одним из главных завоеваний научной революции явилась идея о мире как системе движений. А изучение движения предполагает его математическое выражение, создание математической теории движения. Предельной идеализацией объекта, посредством которой объяснялись явления механики, становится математический образ движущегося тела. Причем математический анализ выступает не просто как язык, на котором описываются физические явления, не просто как средство объективации содержания, но как теория, позволяющая вскрывать глубинные механические свойства для изучения движения. Именно в этом направлении создается необходимый понятийный аппарат, прежде всего понятие переменной и понятие функции, разрабатывается и оттачивается язык, необходимые вычислительные приемы. Поэтому задачи математического анализа долгое время формулируются как задачи механики, а понятие функции и другие объекты анализа выступают в механическом облачении.

Становление понятия функции связано с поисками различных подходов к нему, с поисками тех вариантов, которые были бы эффективными в плане решения задач математического естествознания, обладали бы хорошими операциональными и конструктивными возможностями, и кроме того были бы достаточно гибкими в плане установления связей с другими разделами математики.

На протяжении длительного времени понятие функции соотносится попеременно с двумя теоретическими образами — геометрической кривой и аналитическим выражением. Первоначально роль

универсального средства выражения функциональных зависимостей в соответствии с математической традицией выполнял образ геометрической кривой. Геометрический способ задания давал наглядность, позволял судить об области определения и области задания функции, но вместе с тем и привязывал к геометрическому образу. Следует отметить, что опора на механический и геометрический смысл в разработке математических объектов имеет двойственную природу. С одной стороны, физические соображения стимулировали и давали жизнь новой области исследования, но с другой стороны, задерживали или направляли исследование в ложном направлении, оказывались консервативными и сковывали творческую мысль.

В силу прикладного характера классического математического анализа в нем преобладал вычислительный аспект. Открытие, сделанное в XVII в. предшественниками Ньютона (Менголи, Валлис, Барроу) и самим Ньютоном — представление функций бесконечными степенными рядами — стало революционным. Оно позволило выражать функции в виде формулы, определяющей совокупность действий, которые нужно проделать в определенном порядке над значениями аргумента и константами, чтобы получить значение функции. Можно сказать, что задание функций в форме аналитического выражения представляло собой алгоритм, задающий вычислительный процесс. Новый способ задания функций обладает богатыми операциональными характеристиками, дающими ему веские преимущества перед геометрической кривой. Формульное задание делает функцию легко обозримой, позволяет оперировать с ней по правилам алгебры, совершать с ней операции интегрирования и дифференцирования, т. е. предоставляет возможности работать с функциями чисто формально. Вместе с тем полного отхода от геометрических и кинематических представлений не произошло. Понятия анализа, в том числе и понятие функции, не были выделены в отвлеченной математической форме, а математический анализ не стал автономным по отношению к тому конкретно-научному знанию, которое он обслуживал. Точнее сказать математический анализ Нового времени, с одной стороны, был господином в математическом естествознании, с другой стороны, выступал в нем в роли слуги. Многие выдающиеся математики, внесшие большой вклад в становление и развитие понятия функции, работали также в области астрономии, механики, гидродинамики и некоторых других областях естествознания и получили здесь важные результаты, более важные, чем собственно в математике.

На тот период времени представление функций в виде бесконечных степенных рядов позволило представлять все известные функциональные зависимости. Для того времени это был достаточный уровень общности. Благодаря своей эффективнос-

ти этот способ задания позволил стать понятию функции центральным понятием анализа и математического естествознания. Бесконечные степенные ряды делаются важнейшим и как думали еще долгое время, универсальным средством аналитического выражения и исследования функций.

Но с середины XVIII в. постепенно выясняется, что определение функции как аналитического выражения. Начинает отставать от тех требований, которые предъявляет к нему математическое естествознание. В связи с задачами астрономии, теории колебаний, теории теплоты и некоторыми другими разделами математического естествознания появляются функциональные зависимости, которые не выражались степенными рядами. Представление функций степенными рядами, долгое время служившее надежным средством, стало тормозом дальнейшего развития понятия. Назревал вопрос об уточнении понятия. Большое значение для выхода из этих проблем сыграла полемика о колеблющейся струне. Некоторые математики даже придерживаются мнения, что понятие функции и возникло собственно в этой полемике [2, с. 329]. Сущность спора можно свести к обсуждению вопроса о природе произвольной функции. Это обсуждение имело большое значение для глубокой разработки многих математических и целых отделов анализа — теории функций с частными производными, теории тригонометрических рядов и, конечно, теории функций. «Вопрос, поставленный спором, — согласно академику Н.Н. Лузину — касался отношения между аналитическим определением функции и определением до некоторой степени физическим: если отклонить произвольно струну от ее положения равновесия, то существует ли формула, дающая в точности начальное положение струны?» [2, с. 329].

Начало спору положили Эйлер и Даламбер, но постепенно в орбиту спора вовлекаются многие математики того времени. Среди активных участников спора следует упомянуть Д. Бернулли, Ж. Лагранжа, Ж.-Б. Фурье. В споре о колебании струны, когда пришлось глубже вникнуть в понимание природы функции, сложилась любопытная ситуация. На протяжении всего XVIII в. Усиливается аналитизация понятия функции и образ геометрической кривой отступает на второй план или даже старательно избегается (например, Эйлером и Лагранжем). Но когда математики столкнулись с функциями более общей природы, те же Эйлер и Лагранж берут за основу представления о функции геометрическое представление.

Эйлер и Даламбер по-разному понимали смысл понятия функции. Для Даламбера функция — это произвольное аналитическое выражение. Он считает, что на те функции, которые не поддаются решению средствами современного анализа, должны быть наложены ограничения: «Движение струны не может быть подвергнуто никакому вычислению и

не может быть представлено никакой конструкцией», «сама природа здесь останавливает вычисления» [4, с. 21].

Эйлер, стремясь к наиболее общему решению дифференциального уравнения, посредством которого выражалась задача о колеблющейся струне, не накладывает никаких ограничений. Он понимает под функцией произвольно начертанную кривую. Произвольная кривая, согласно Эйлеру, является более общим понятием, чем аналитическое выражение: не всякой кривой соответствует аналитическое выражение. Он считает, что решение этого уравнения допускает графическое представление и выражается любыми кривыми, какие только можно описать «свободным движением руки». При этом Эйлер считает, что «знание геометрической линии совершенно достаточно для знания движение, без того, чтобы нужно было прибегнуть к вычислениям» [4, с. 21]. В 1755 г. Эйлер вводит определение функции, имеющее чрезвычайно общий характер, «оно охватывает все способы, какими одно количество может определяться с помощью других» [5, с. 38]. Отличительной чертой этого определения является то, что оно выводит функцию за рамки аналитичности и включает «все способы» задания функции. Для современников это фактически означало отождествление функции с образом геометрической кривой. Но отождествление понятия функции и с геометрической кривой и с аналитическим выражением в конечном счете оказалось тормозом для дальнейшего развития понятия функции и не являлось методологически оправданным Ж.-Б. Фурье, занимаясь исследованиями по теплопроводности, встречал функции самой различной природы, в том числе и функции, имеющие конечное число разрывов, т. е. функции, которые при непрерывном изменении аргумента совершают скачкообразные изменения [3, с. 45]. Такие функции невозможно описать свободным движением руки.

Переломной в полемике о колеблющейся струне явилась работа Фурье «Аналитическая теория тепла» (1822 г.). Фурье показал кривую, которая может быть начертана произвольным движением руки или кривую, которая состоит из комбинаций различных дуг различных кривых, можно охватить единым аналитическим выражением — тригонометрическим рядом. Открытие Фурье разрушило всякую связь между различными частями кривых. В этой же работе Фурье вводит чрезвычайно общее определение функции, которое он уже не связывает с аналитической представимостью. Предшествующая история развития понятия функции показала подвижность, изменчивость средств и способов представления функциональных зависимостей, а согласно Фурье, ограничить характер функций, значит закрыть себе путь к изучению естественных явлений при помощи анализа. Отличительной чертой определения Фурье является представление о

функции как о произвольной зависимости между переменными величинами. Отличительной чертой определения Фурье является представление о функции как о произвольной зависимости между переменными величинами, которые не обязательно подчинены общему закону: «они могут следовать совершенно произвольно, и каждая из них задается так, как если бы она была единственной величиной» [6, с. 430].

Отличительной чертой этого определения является представление о функции как о произвольной зависимости между переменными величинами. Если начальные этапы становления понятия функции связывались со способом задания функциональных зависимостей, то здесь понятие вводится в форме дескриптивного определения, т. е. объект вводится без его предъявления, сводится к абстракции. У нас еще нет средств, чтобы его построить, и нет, и нет уверенности в том, что он существует. Вместе с тем, это определение открывает новые направления и тенденции развития содержания этого понятия, позволяет выйти за рамки наличной практики математического и естественнонаучного познания. В этом определении выражается одна из основных характеристик, свойственных математическим объектам. Это проявляется в том, что развитие понятия идет от преобразования под воздействием противостоящих фактов и попытки их ассимилировать, до активного включения субъекта в процесс этих преобразования, к теоретическому моделированию возможного опыта.

Введение общего понятия функции, выход за пределы традиционных для классического анализа осмысления математических объектов заставил математиков обратить внимание на логическое оформление понятий анализа. Это определение открывало простор для развития понятия функции, но, вместе с тем поставило перед математикой и целый ряд проблем, повлекших за собой уточнение содержания понятия функции и других понятий анализа. К началу XIX в. математический анализ оказался в странной ситуации: его успехи превзошли самые смелые ожидания и в то же время он был лишен логического фундамента, не было уверенности в правильности выкладок. Математики поняли, что многие определения понятий страдают расплывчатостью, в математических рассуждениях и доказательствах немало проблем. Нельзя сказать, что математики XVII—XVIII вв. не обращали внимание на корректность математических выкладок. Проблеме обоснования математического анализа на протяжении XVII—XVIII вв. волновала математиков и они предпринимали неоднократные попытки в этом направлении, которые вместе с тем не могли увенчаться успехом. Понятийная система не может быть логически обоснована раньше, чем она достигнет определенной степени зрелости. До открытия Фурье понятие функции и аналитического выражения казались совпадающими. Эйлер и его

современники, понимая функцию как аналитическое выражение, имели достаточно оснований считать ее аналитической функцией. Различие между этими понятиями было установлено Вейерштрассом в понятии «аналитическая функция». Само понятие аналитической функции не могло быть точно определено в виду неразработанности в XVIII в. теории функций действительного переменного. Эйлер ошибочно считал, что разложение функции в тригонометрический ряд доставляет для не единое аналитическое выражение, в то время как она может быть «смешанной», т. е. представляться на разных отрезках разными формулами. В XVIII в. казалось невозможным, чтобы два аналитических выражения, совпадая на части отрезка, не совпадали на всем его протяжении.

Неясность и неопределенность в отношении таких основополагающих понятий анализа как функция, производная, непрерывная функция даже в начале XIX в. порождали заблуждения в доказательствах, казалось, что непрерывная функция при всех значениях аргумента функция является всюду дифференцируемой. Но в 1872 г. Вейерштрасс представил пример непрерывной функции; непрерывной, но не дифференцируемой ни при одном значении аргумента. Такая функция недоступна интуиции, в то время как Эйлер и другие его современники, исходя из интуитивных представлений, пытались строить доказательства чисто логическим путем.

Введение общего понятия функции постепенно привело к осознанию того, что математические объекты не имеют независимого существования вне рамок математического языка. Они доступны для исследования только через язык математики и опе-

рирования с математическими объектами это оперирование со знаками, эти объекты представляющими. Знаки говорят о том, как их можно употреблять в соответствии с заданными правилами, без опоры на интуицию, диктуемую математической практикой. Математическое рассуждение не только дополняет интуицию и подтверждает ее, но и в некоторых случаях превосходит ее. Ясное осознание необходимости отказа от представления об основных математических объектах как об абстракциях от реально существующих предметов явилось одним из самых важных завоеваний методологии математики.

Литература

1. Александров, А.Д. Общий взгляд на математику. Математика, ее содержание, методы и значение / А.Д. Александров. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 1. — С. 5—78.
2. Лузин, Н.Н. Функция / Н.Н. Лузин. Собр. соч. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 3. — С. 319—341.
3. Медведев, Ф.А. Очерки истории теории функций действительного переменного. / Ф.А. Медведев. — М. : Наука, 1975. — 248 с.
4. Паплаускас, А.Б. Тригонометрические ряды от Эйлера до Лебега / А.Б. Паплаускас. — М. : Наука, 1966. — 276 с.
5. Эйлер, Л. Дифференциальное исчисление. / Л. Эйлер; пер. М.Я. Выгодского. — М.; Л. : Гостехтеориздат, 1949. — 580 с.
6. Fourier, G. The analytic theory of heat / G. Fourier. — N.-J. : Dover, 1955. — 466 p. with ill.

ПРИНЦИП ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В МОРАЛИ И ПРАВЕ: ВСТРЕЧА СОЛОВЬЕВА С КАНТОМ

Прежде чем говорить о принципе персональности в праве, необходимо определиться с соотношением права и морали. Согласно В. Соловьеву, имеются две противоположные позиции в решении данной дилеммы: позиция Л. Толстого, радикальным образом поставившего под вопрос положительное право и связанные с ним принудительные санкции по отношению к лицам, нарушающих права своих сограждан. Руководствуясь лозунгом «непротивления злу насилием», Толстой, рассуждает с точки зрения радикальной христианской этики. Любая форма применения насилия – в том числе, против творящих зло — противоречит требованию христианской любви. Поэтому тем, кто творит зло, следует отвечать мирным «словесным вразумлением»¹.

Этой позиции, отрицающей право во имя морали, Соловьев противопоставляет крепнущее в XIX веке представление о положительном праве как системе, функционирующей по своим собственным законам и в своих основаниях независимой от морали. Теоретиком четкого разграничения областей права и морали можно назвать Бориса Чичерина, основоположника либеральной школы права в России.

В полемике с толстовским отрицанием любого применения насилия и вместе с ним — принудительных санкций для осуществления правовых норм, Соловьев стремится показать, что необходимость установить определенные, гарантированные государственной властью правовые отношения между членами общества обуславливаются именно требованиями морали. Таким образом, русским философом подчеркивается необходимость гармоничного сосуществования действующего положительного права с нормами морали, в особенности — с концепцией социальной справедливости и человеческого достоинства. Подобно Толстому, Соловьев исходит в своей моральной философии из христианской заповеди любви к ближнему, однако стремится «возвести христианскую веру на новую ступень разумного сознания»².

Однако эту разумную и современную форму христианской морали можно усмотреть и в нравственной философии И. Канта. Основной принцип этой философии — категорический императив — представляет собой чисто формальный принцип разума, но обогащенный содержательными аспектами. Это, как нам видится, принцип персональности, согласно которому каждый человек должен относиться «к человечеству», как в его собственном лице, «так и в лице всякого другого, не только как к средству, но всегда в то же время и как к цели»³. Данная форму-

лировка нуждается в пояснении, поскольку под целями обычно понимается то, что подлежит осуществлению. Целям, подлежащим осуществлению, Кант противопоставляет понятие «самосушей цели» или «цели в себе». Что есть «самосушая цель» становится понятным при обсуждении примеров, которые Кант анализирует с помощью принципа персональности, а именно там, где речь идет о правовой обязанности сдерживать обещание, данное другому или о вопросе, обязаны ли мы способствовать благополучию другого.

Тот, кто дает обещание, заранее зная, что не собирается его сдерживать, относится к другому как к средству — «ведь тот, кем я хочу, путем такого обещания, воспользоваться для своих целей, никак не может согласиться с моим способом обращения с ним и, следовательно, содержать в самом себе цель этого действия»⁴. Относиться к разумным существам как к целям означает, таким образом, что цель, преследуемая мною во взаимодействии с ними, должна признаваться ими самими.

Другой нюанс кантовского понимания «самосушей цели» проявляется в его ответе на вопрос, обязан ли я способствовать счастью и благополучию другого. Согласно его ответу, «я признаю другого как «самосушую цель», и отношусь к нему как к «самосушей цели» только тогда, когда преследуемые им цели становятся моими»⁵.

В свете сказанного, важно отметить, что Соловьев развивает свою теорию естественного права в рамках социальной этики, в которой речь идет не о принципах ориентации индивидуальных поступков, а о масштабах оценки общественных институтов. Свобода и равенство членов общества, которые должны быть гарантированы в форме правовых отношений, образуют строго определенную грань «общественного идеала», который можно выразить в краткой форме с помощью кантовской идеи «царства целей» — «царства», в котором разумные существа признают друг друга в их самооценности, по возможности, помогая друг другу в достижении поставленных целей. «Взаимное уважение, проявляемое здесь людьми, связано в значительной мере с тем, что они следуют нравственному закону, который сами и установили»⁶.

В рамках моральной философии Канта такое идеальное общество было только фиктивной моделью, с помощью которой отдельный человек мог решить, является ли морально допустимым образ его действия или выражающие его максимы. Поэтому, обсуждая «царство целей» в своей моральной

философии, Кант ограничивается сферой индивидуальной этики.

Для Соловьева, напротив, эта модель становится масштабом для критической оценки исторически конкретных общественных отношений, где социальная справедливость является только одним аспектом обозначенного идеала, соответствуя одному из положений принципа персональности, именно запрету использовать другого в качестве простого средства для достижения собственных целей. Общественное устройство, при котором каждый индивид признает другого как позитивную «самосушущую ценность», способствуя осуществлению его интересов и целей, обозначается Соловьевым как социальная утопия, и потому не нуждается в детальном рассмотрении в контексте анализа его понимания права и социальной справедливости. Гораздо важнее для русского философа показать, что естественное право, действует не на догосударственной ступени развития общества, как в теориях Локка, Гоббса, Руссо, а представляет собой основополагающую формальную структуру положительного правопорядка.

Таким образом, каркас концепции естественного права Соловьева, выражен в формуле: «Право есть свобода, обусловленная равенством»⁷. Из чего вытекают отношения взаимного признания субъектов, которые сталкиваются друг с другом, стремясь реализовать свободу своего действия.

Согласно Соловьеву, существенная особенность правовых предписаний заключается в том, что следование им может быть осуществлено также против воли тех, к кому они обращены. В этом осуществлении заключается задача государства, которое Соловьев обозначает как «правомерное»: посредством угрозы применения силы в случае правонарушения, такое государство контролирует исключительно внешний способ действия, но не убеждения отдельных лиц, скрывающиеся за следованием этим правовым нормам. «С правовой точки зрения отдельный человек имеет право преследовать свои конкретные, в том числе предосудительные с точки зрения морали, цели до тех пор, пока они не задевают права других»⁸.

Государство является для Соловьева не чем иным, как гарантом соблюдения правового порядка, цель которого заключается в том, чтобы добиться «общей пользы» в смысле согласования интересов или сфер действия отдельных граждан и общественных групп.

Такая трактовка государства и социальной справедливости основана на концепции естественного права, в которой «право является лишь тогда правом, когда мое свободное действие встречается с таким же свободным действием «другого». Здесь, то есть по отношению к этому другому, моя свобода, которая выражала первоначально только мою силу, утверждается как мое право, то есть как нечто

должное, или обязательное «для другого». Обязательное потому, что если свобода в равной степени присуща каждому лицу как таковому, то, отрицая свободу «в другом», я теряю объективное основание своей собственной свободы»⁹.

Данное определение права Соловьевым демонстрирует близость правовому принципу Канта, выраженному в дефиниции: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом. Таким образом, если мой поступок совместим со свободой каждого, сообразно со всеобщим законом, то тот кто препятствует мне в этом, неправ»¹⁰.

При этом концепции обоих мыслителей обнаруживают два существенных отличия:

1. Хотя у Канта, как и у русского философа, речь идет об определении принципов естественного права, это последнее означает для него некий априорно содержащийся в разуме — масштаб для оценки и критики того или иного положительного правопорядка. Для раннего Соловьева естественное право, обобщенное в формуле «свобода, обусловленная равенством», образует лишь формальную структуру положительного права. Только вопреки собственной интенции Соловьева оно приобретает затем нормативное измерение, что позволяет вывести из него определенные основополагающие права. Кант, напротив, эксплицитно показывает, что существует только одно приращенное и неотъемлемое право человека, вытекающее из установленного философом априорного принципа права.

2. Также и конститутивные для правовых норм принудительные санкции по-разному трактуются каждым из мыслителей: короткой и четкой аргументации Канта противостоит развернутое, исходящее из нравственных оснований обоснование принуждения и легитимного применения силы в соловьевском «Оправдании добра». Для Канта каждое нарушение права означает помеху легитимного осуществления свободы согласно всеобщему закону. Тот, кто противопоставляет этому неправомерному использованию свободы принуждение, устраняет помеху легитимного осуществления свободы и потому не совершает несправедливости по отношению к нарушителю прав. Таким образом, юридические принудительные санкции аналитически связываются для Канта с функциональным определением правовых норм как ограждающих от нарушений свободы действия отдельного лица, которая, согласно всеобщему закону, может существовать только вместе со свободой всех других.

Ранний Соловьев мог перенять подобное легитимное применение насилия или угрозы его применения для защиты претерпевших несправедливость из традиционного права, изначально не предлагая для него дальнейшего обоснования. Влиятельное

толстовское учение о непротивлении злу насилем побуждает его, однако в «Оправдании добра» дать эксплицитное обоснование принудительных санкций, руководствуясь внеправовой, моральной точкой зрения.

Примечания

¹ Толстой, Л.Н. Письмо студенту о праве // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 т. — М., 1936. — Т. 38. — С. 52—61.

² Соловьев, В.С. История и будущность теократии // В.С. Соловьев. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. — М. — Т. 4. — С. 243.

³ Кант, И. Основоположение к метафизике нравов // И. Кант. Сочинения. — М., 1997. — Т. 3. — С. 169.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 167.

⁷ Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал // В.С. Соловьев. Соч. в пятнадцати томах. М. — Т. 3. — С. 145.

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ Кант, И. Метафизика нравов // И. Кант. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. — СПб., 1995. — С. 285.

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ: КУЛЬТУРА И БИОЭТИКА

Проблема здоровья человека является одной из самых сложных и актуальных. Философия с полным правом относит её к тем современным проблемам, которые приятно называть глобальными. Одной из важных задач, которые призваны решать науки о человеке является разработка проблемы здоровья как фундаментальной права и особой ценности современной цивилизации. Необходимо отметить не только глобальный, но и региональный аспект проблемы, реализуемый в национальных проектах. Так, 2005 г. президент Российской Федерации обозначил основные направления развития страны на ближайшую перспективу приоритетные национальные проекты, в том числе в области здравоохранения. В частности, признан приоритетным национальный проект «Здоровье». Проблема ценности здоровья является не только животрепещущей проблемой современности, но это одна из вечных проблем философии, центром которой является поиск путей к сбалансированному существованию, включая гармонию души и тела. Всё это обуславливает необходимость теоретического и методологического осмысления темы здоровья. Актуальным является развертывание научных исследований не только на медико-биологическом или психологическом, но и на философском уровне. В тоже время эффективное решение проблемы здоровья возможно только на основе междисциплинарного подхода, разрабатываемого в рамках философии.

Здоровье в системе мировоззренческих ценностей является важнейшим ориентиром личной жизни человека, так как выступает условием реализации его творческого потенциала. В рамках философии осознается необходимость исследования субъективных и объективных факторов, детерминирующих здоровье человека с целью определить наиболее общие закономерности формирования и сохранения здоровья. Соотношение субъективного и объективного, духовного и телесного, физического и метафизического в жизни и смерти человека составляет «нерв» всех философских размышлений, включая размышления о здоровье. Имплицитно определенная концепция здоровья присутствует в народной мудрости: в здоровом теле — здоровый дух. Настало время выработать философскую концепцию здоровья, которая отражала бы связь между обыденным опытом, научными медико-биологическими знаниями и мировоззренческими ценностями.

Цель изучения проблем здоровья в рамках философии не сводится к повышению здоровья тела или здоровья духа, а включает в себя заботу о повы-

шении гуманитарной культуры человека. Внедрение гуманитарных ценностей в систему укрепления духовного здоровья является прерогативой философского подхода. От духовного состояния зависит формирование ответственного отношения к своему здоровью. Духовное здоровье является необходимым условием для самореализации и в тоже время чувство реализованного потенциала определяет уровень физического здоровья. Духовное здоровье выражает состояние субъективного благополучия, в котором отражена позитивная эмоциональная и когнитивная самооценка своей жизни. Понятие «духовное здоровье» связано не только с благополучием (физическим, психическим и социальным), но и субъективизацией здоровья. Здоровье индивида измеряется уровнем благополучия социальной структуры общества. В тоже время здоровье — это «Благо» «полученное» собственными усилиями, трудом. Субъективизация здоровья означает возрастающую зависимость здоровья от духовного состояния.

Человек во все большей мере становится субъектом собственного здоровья, от воли человека зависит то, какие он будет создавать и как будет использовать техники продуцирования здоровья. Философия здоровья исходит из методологической установки о комплексном характере здоровья, учитывает социальные и личностные аспекты формирования потребности в здоровье. Если социальное здоровье индивида определяется уровнем его благополучия в той или иной социальной системе, то индивидуальное здоровье определяется способностью самостоятельно контролировать и нести ответственность за свое здоровье.

Философия — это не только наука, но и стиль жизни; это искусство («техне») жизни и выживания. В животном мире выживание связано с адаптацией. Человек выживает в мире не столько через адаптацию, сколько через преобразование мира, через создание таких моделей мира в которых необходимо присутствует его связь с сущим. Только связь с сущим делает человека адаптивным и здоровым.

Естественно, возникает вопрос «как выжить?» не только для того, чтобы ответить на вопрос «как жить долго?», но и для того, чтобы реализовать своей творческий потенциал. Как нам представляется, вопрос о том «как жить?» не только медицинский, но и философский. В этом плане он имеет количественное и качественное измерение.

И. Кант отмечал, что философия в конечном итоге нужна для того, чтобы ответить на вопрос: «Как жить, чтобы жить долго и при этом не болеть?». В данном тезисе подчеркивается количественный ас-

пект, «долгота» жизни, а здоровье определяется через отсутствие болезни. Однако, проблема здоровья имеет качественный аспект. Качество жизни связано с ценностным отношением к здоровью, когда оно позволяет человеку быть свободным и творческим, то есть быть условием реализации его творческого потенциала.

Социально-философский анализ проблемы ценности здоровья является актуальна для современной науки. Острота звучания проблемы определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, для России характерно ухудшение демографических показателей, которое проявляется в депопуляции, в падении рождаемости, в росте смертности. Все это говорит о том, что жизнь человека и его здоровье обесценено до предела.

Во-вторых, ситуация хронического стресса, связана с социальными, экологическими, информационными проблемами, негативно отражается на благополучии отдельного индивида.

В-третьих, изменение духовных ценностей в обществе приводит к переосмыслению меры ответственности человека за свое здоровье.

В-четвертых, биотехнологическая революция в медицине, «медиализация» здоровья ставит вопрос о связи здоровья человека с его природой и духовными ценностями. Угроза, исходящая от биомедицинских технологий, связана с разрушением на субстратном уровне связи социального и биологического в человеке, с нарушением его биосоциальной целостности. Все это обостряет вопрос о ценностном отношении к здоровью, о том каким будет здоровье людей в «постчеловеческом будущем» (Ф. Фукуяма).

И так, современная ситуация требует нового ценностного отношения к здоровью, необходима переоценка мировоззренческих ценностей с учетом той ведущей роли, которую начинает занимать проблема здоровья в бытийных основаниях личной жизни человека.

Тема здоровья активно исследуется учеными естественных наук, врачами и философами. Философия ставит вопрос о здоровье специфическим образом. Философия, как вид знания о сущем, соответственно ставит вопрос о самом существенном в здоровье. Дано не мало научных определений здоровья, в которых оно характеризуется не только как природная но и как социальная категория. Большинство определений понятия «здоровья» носит философский характер, так как указывает на то состояние человека, при котором он способен творчески раскрыть свою сущность в социально-приемлемой созидательной форме. Более девятнадцати столетий назад важную мысль о значении философии в исцелении самого себя, особенно в борьбе с «душевными недугами» высказал римский философ и писатель Цицерон (106—43 годы до н. э.), который отмечал, что наука об исцелении души, есть филосо-

фия, но помощь её приходит не извне, мы сами должны пустить в дело все силы и средства, чтобы исцелить себя самим.

Возникают методологически значимые вопросы о том, чем отличается философская постановка вопроса от психологической и медицинской. Не является ли псевдопроблемой сама постановка такого вопроса? Не достаточно ли «ведомственного» подхода, реализуемого в рамках медицины или психологии? Так, в последние годы в нашей стране формируется новое направление — психология здоровья, которая претендует на синтез психологии и валеологии.

Главная задача психологии здоровья является «улучшение уже вполне здорового человека». Путевой задачей является сохранение, укрепление и целостное развитие духовной, психической, социальной и соматической составляющих здоровья. М.Ф. Секач пишет: «Психология здоровья — это наука о психологических причинах здоровья, о методах и средствах его сохранения, укрепления и развития» [2, с. 3].

Психология здоровья существует, но основания как синтез психологии и валеологии еще являются проблемой, так как статус валеологии во многом не определен и декларативен.

Тема здоровья, при всей паталогоцентристской ориентации, все более становится предметом обсуждения в самой медицине. Однако, медицина «видит» преимущественно проблемы болезни и способы их лечения. Проблемы болезни еще не стали проблемой здоровья. Проблемы болезни имеют прямое отношение к здоровью, но не исчерпывают всех его аспектов. Необходимость философского подхода отстаивает Ю.М. Хрусталеv: «Только философия способна постигнуть эту проблему и выработать общую теорию здоровья» [3, с. 5].

Это связано с тем, что для построения интегральной теории здоровья необходимы единые научно-мировоззренческие взгляды на мир в целом и сущность человека, его природные и духовные начала, определяющие творческий характер жизнедеятельности. В общественном сознании получает признание новая философско-методологическая тема, предложенная Ю.М. Хрусталеvым для всесторонней проработки, которая связана с целостным изучением человека в целях создания общей интегральной теории здоровья. От понимания целостности природы человека зависит и отношение к его здоровью, а также социально-медицинская методика оздоровительных мероприятий. Приходится констатировать, что психологические, антропологические, медицинские, эзотерические концепции о человеке пока еще не складываются в единую теоретическую систему. На этом фоне весьма проблематично создать целостную теорию здоровья. Но такие теории создаются и их можно назвать виртуальными проектами. В частности, валеологический проект общей теории здоровья че-

ловека выстраивается без «общей» философии, то есть без глубоких философских оснований. По крайней мере здесь можно поставить вопрос, а можно ли создать интегральную теорию здоровья без интегрального научно-мировоззренческого взгляда на мир, на сущность человека.

Таким образом, существуют разные подходы к проблеме здоровья — психологические, медико-биологические, валеологические, эзотерические, религиозные. Однако задача создания интегральной концепции здоровья еще не получила своего позитивного решения.

Поэтому мы считаем, что философия имеет право на постановку вопроса о сущности здоровья, на создание интегральной концепции здоровья. В связи с экологическим кризисом и перспективной космической экспансии человека этот вопрос неизбежно трансформируется из чисто медицинского в глобальный вопрос о качестве природы человека, о его онтологической сущности, о биосоциальном субстрате его жизнедеятельности.

Актуальным в биоэтике становится вопрос о «количестве» и о «качестве» здоровья. В связи с появлением биомедицинских технологий, особенно тех, которые претендуют на радикальное изменение природы самого человека, происходит переоценка ценностей в философии и морали. Отсюда необходимость в «сущностном» определении здоровья.

В науке все более осознается необходимость углубления категориального исследования системы «человек — мир» (П.В. Алексеев) с учетом того творческого начала в человеке, которое основано на здоровье и является существенно необходимым условием социальной и личной жизни.

Научно-технический прогресс становится все более ориентированным на человека и, в частности, на его здоровье, которое начинает занимать стабильно высокое место в шкале ценностей индивида. Благодаря появлению биоэтики, которая понимается не только как философия современной медицины, но как практическая философия, как система знаний о границах манипулирования жизнью и смертью человека. Сталкиваясь с проблемой манипулирования жизнью и смертью человека, медицина не может не исходить из того, что такое здоровье и нездоровье, что такое норма и патология, что такое качество жизни.

Современный человек начинает воспринимать жизнь и смерть, здоровье и болезнь несколько иначе, а именно как то, что может быть подвергнуто манипуляции и контролю. Теперь само здоровье, жизнь и смерть не являются чем-то предзаданными и определяемыми генотипом или социальной средой, но являются тем, что может поддерживаться и даже улучшаться благодаря соответствующим техникам продуцирования здоровья.

Таким образом, две причины порождают возможность медиализации здоровья — это техноло-

гии и манипулирование. Медицинская практика всегда опиралась на те или иные техники и технологии продуцирования здоровья, профилактики, диагностики и лечения болезней. Технологии определяют объективные возможности медицины, с которыми необходимо считаться. В тоже время технологии влияют на субъективные возможности медицины, которые концентрируются в манипулятивных возможностях детерминации границ и самой допустимости манипулирования жизнью и смертью, здоровьем и болезнью.

Диалектику взаимосвязи «технологии» и «манипуляции» в медицине можно выразить так: манипулирование здоровьем и болезнью выявляет сущность технологии и с другой стороны здоровье начинает выступать как объект технологического манипулирования, благодаря чему человек расширяет пространство своей свободы. Так происходит качественное изменение самой медицины, ее подходов к жизни и смерти, здоровью и болезни. Это качество фиксируется понятием «технологическое манипулирование».

Под термином «медиализация здоровья» понимается всевозрастающая зависимость здоровья от медицины. Медицина принимает тем самым участие в формировании ценностного и оценивающего отношения к здоровью. Тенденция такова, что современная биомедицина неуклонно расширяет технологические возможности манипулирования в виде контроля и вмешательства в естественные процессы жизнедеятельности человека, поддержания здоровья и лечения болезни. Биотехнологическая революция качественно изменяет сферу возможностей медицины. Естественно возникают вопросы о границах возможностей медицины, о границах манипулирования здоровьем, например, в профессиональных или спортивных целях. Вопрос о границах имеет не только медико-биологическое, но и философское, гуманистическое значение. Гуманизм — это система воззрений, в которой человек воспринимается как высшая ценность и критерий оценки сфер его бытия. Антигуманными могут быть любые попытки использования биомедицинских технологий направленных против человека. К числу фундаментальных ценностей гуманизм относит здоровье и спорт. В спорте представлена игровая модель соревновательных ситуаций.

Гуманистическая ценность спорта заключается в том, что здесь скрыты большие возможности для позитивного воздействия на здоровье человека, на его духовный мир, на его волю и моральные принципы. Однако в спорте заложены возможности не только для самоутверждения личности, но и для проявления жестокости, физического насилия, которое сопровождается девальвацией нравственных ценностей. На примере спорта можно показать некоторые обостренные проблемы здоровья человека. В этом плане спорт «опережает» и предвосхи-

щает проблемы, которые в последствии возникают как проблемы здоровья. В позитивном плане спортивная активность, как прообраз здорового образа жизни, выполняет не только рекреационную функцию, но все больше проявляется как средство совершенствования качества жизни, как форма творчества. Следует предположить, что дальнейшее развитие здоровья, как образа жизни и как формы творчества, а также как «спорта для себя», успешная реализация социокультурной и ценностной функции в области социальной жизни невозможно без выработки интегрированной философско-аксиологической и медико-биологической концепции здоровья.

В негативном плане спортивная активность, поскольку занятия спортом по своей природе невозможно без соперничества, без «борьбы», без ориентации на «победу любой ценой», как говорят многие факты, связана с жестокостью и коммерциализацией в ущерб здоровью. Спортивные соревнования став частью бизнеса принимают характер технического и химического соперничества. В спорте все чаще решающее значение имеет фармакологический и биологический допинг. Возникают вопросы о том, в какой мере человек может рисковать своим здоровьем, какой должна быть «цена» победы. Здесь также проявляется смысловая разница терминов: «быть» победителем и «иметь» победу. В первом случае человек стремится преодолеть границы собственных способностей и границы определяемые внешними условиями. Сущность победы — стремление к совершенству и превосходству. Однако можно решить проблему победы и «иметь» победу исходя из принципа «нечестной игры», «успеха любой ценой». «Иметь» победу может означать, что она куплена, что она достигнута неспортивными методами. В этом случае спорту отказано в самоценности, а здоровье выступает как средство для достижения внешних целей. Медикализация здоровья отражает в себе процессы дегуманизации спорта, связанные с фармакологическим соперничеством.

Медикализация здоровья — это современные отношения к здоровью и болезни, в котором отражены социальные биотехнологические изменения в медицине и культуре. Медикализация — это способность медицины контролировать здоровье и болезнь, жизнь и смерть, и формировать новые отношения к здоровью. Медикализация связана в определенном смысле с технологизацией здоровья, что делает здоровье в некоторых случаях неестественным и обостряет вопрос о различии подлинного здоровья, от неподлинного, неестественного, то есть псевдоздоровья. Медикализация здоровья может носить злокачественный характер, когда здоровье перестает быть самоценным, когда формируется узко биомедицинское отношение к здоровью.

Медикализация здоровья в заостренной форме ставит вопрос о ценностном отношении к здоровью. Анализ аксиологических проблем здоровья челове-

ка связан с необходимостью критики этического нигилизма и технократического типа мышления с целью сделать гуманизм социальной реальностью. Медикализация включает в себя технологическое и фармакологическое манипулирование здоровьем. Философия как воплощение человеческой мудрости ставит под вопрос технологические подходы к здоровью, так как техника сама по себе не может наделить нашу жизнь смыслом. Только философия может открыть смысл и ценность здоровья, раскрывая смысл жизни. Техника энергично проникает в медицину и культуру, влияет на процесс медикализации культуры и здоровья. Широкое распространение получает технократическое сознание. Согласно технократическому взгляду, определяющим в любом виде человеческой деятельности является его результативность. Вопрос о средствах достижения целей — вопрос вторичный.

Технократическому мышлению в медицине и в осмыслении здоровья как ценности противостоит биоэтическое мышление и ориентация на гуманистические идеалы. Односторонняя медикализация культуры и здоровья приводит к изменению образа самого общества. Техника стала подменять культуру, как информация стала подменять знания. Такая подмена является симптомом бездуховности, признаком девальвации духовно-нравственных ценностей и в итоге торжеством технократического сознания. Отсюда, одним из главных признаков технократического мышления является абстрагирование от социального смысла в оценке здоровья, спорта, медицины. Альтернативой технократическому подходу в медицине и в оценке здоровья является биоэтическое мышление, которое преодолевает рациональную аргументацию «закрытого» типа. В биоэтике как новом мышлении и новой идеологии медицины, рациональная аргументация всегда этически опосредована и тем самым «открыта» для гуманизма, для воплощения принципа «мера всех вещей» в социальной реальности.

Медикализация культуры, достижения биомедицины выявили тенденцию к фетишизированию факторов научного знания и недооценке ценностно-мировоззренческих элементов в составе духовной культуры. Неограниченные возможности биомедицины приводят к чрезмерной универсализации ее значения для жизни человека и развития общества. Достижения биомедицины начинают рассматриваться как вполне достаточные средства для решения всех социальных проблем, связанных с человеческим существованием.

Технократическое мышление — это специфическое мироведение, основными чертами которого являются примат средств над целью, частной цели над общим смыслом, техники над человеком, психотехники над душой, символа над бытием. Философия технократического мышления — это господство рассудка, которому чужды разум и мудрость. Для тех-

нократического мышления в медицине не существует категорий нравственности, совести, милосердия и человеческого достоинства.

Существенной особенностью технократического мышления является взгляд на человека как на объект различных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна свобода. Медицина сближается с техникой и отдаляется от человека. Техника пытается включить в себя науку о человеке, рассматривая его как винтик, как компонент более сложной социотехнической системы. Техника возвысилась над человеком, перестала быть его средством, а наоборот стала смыслом и целью. В этом заключена опасность технократической модели биоэтики, этики редуцирующей жизнь к технике жизни, этики жизни без смысла и цели жизни. Не приходим ли мы сейчас к тому, что имел в виду Зиммель, когда говорил: «Как на физиологическом уровне жизнь есть постоянное воспроизведение, и потому жить значит в то же время и больше, чем жить, так на духовном уровне она порождает нечто большее, чем жизнь: цель, в себе несущую ценность и смысл. Это свойство жизни подниматься к чему-то большему, чем она сама, не есть в ней нечто привходящее, это — ее подлинное существо, взятое в своей непосредственности» Не во всем принимая терминологию Зиммеля, особенно в том, что касается слова «цель», Г. Марсель считает, что он сказал главное: «философия, размышляющая о жизни, всегда рискует упустить из вида, что суть всякой жизни — ее кульминация в чем-то таком, что в определенном смысле запредельно жизни»

[1, с. 416]. А. Бергсон в «Творческой эволюции» не может скрыть своего высокомерного и уничижительного отношения к интеллекту. Интеллект может справиться с познанием неживой природы, но он останавливается перед познанием «жизни». Для познания живого нужна интуиция, живое познание, а не познание формальное, логическое. Живое познание — это прерогатива интуиции, которая неизмеримо выше рассудочного интеллекта. Для российской модели биоэтики характерно в целом мировоззренческое неприятие нигилизма, корни которого уходят в творчество немецкого «философа жизни». Дух привносит в бытие человека новую жизнь. Духовность заключает в себе жизнь человека в ее смысловой направленности на свое подлинное бытие. В. Франкл называл это самотрансценденцией, созиданием смысла жизни. В процессе обретения духовности человек приближается к сути своего бытия, освобождается от примитивных воззрений на мир, на свое место в мире, на добро и зло, на поиск смысла жизни.

Литература

1. Марсель. Г.К. трагической мудрости и за ее пределы / Г.К. Марсель / сост. и послесл. П.С. Гуревич // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С. 404—419
2. Секач, М.Ф. Психология здоровья: учебное пособие для высшей школы Учебное пособие для высшей школы / М.Ф. Секач. — 2-е изд. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. — 192 с.
3. Хрусталева, Ю.В. Здоровье человека как проблема философии / Ю.В. Хрусталева // Экономика здравоохранения. — 2003. — № 8. — С. 5—12.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Б.Н. ЧИЧЕРИНА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Совсем недавно исполнилось сто лет со дня подписания первой Российской Конституции и начала работы первого ее парламента — Государственной Думы. Борис Николаевич Чичерин не дожидаясь до этих знаменательных для России дней всего два года. Если бы довелось дожить, то увидел бы, что это произошло, как он и полагал, единственно возможным в России способом: Конституция и Дума были дарованы царем, то есть были продуктом решения самодержавной власти (пусть и под давлением народного восстания, к тому времени по сути уже подавленного силой). Таким образом, самодержавным решением было положено начало процессу ограничения самодержавия, который, опять же согласно Чичерину, должен был завершиться преобразованием последнего в конституционную монархию, соединяющую начало власти (направленное на благо народа), начало свободы (олицетворяющее возможность народа участвовать в управлении) и начало аристократии (свидетельствующее о приоритете естественного порядка) [10]. То есть процесс «догоняющей модернизации» от традиционного общества в современному (классическому, цивилизованному, западному), в которую вошла Россия (еще раз) реформами Александра II, дополнился публичным политическим процессом постепенного преобразования российской государственности. Этот процесс продолжался одиннадцать лет и прервался крушением российского государства и созданием невиданного еще коммунистического (антилиберального) всемирного проекта общества и государства.

С точки зрения либерализма (можно сказать, что и Чичерина) Россия с принятием второй своей Конституции 1993 года оказалась почти в той же точке, что была в начале века — вновь в состоянии «транзита» на сей раз от бывшего тоталитарного государства и общества к обществу и государству, построенному на либеральных, демократических принципах. И текст этой Конституции куда больше соответствует либеральным принципам, которые отстаивал Чичерин всю свою жизнь. Среди них для него важнейший — это характеристика государства как «союза свободных лиц».

Конституция эта провозгласила Россию «правовым государством», гарантирующим «равенство прав и свобод человека и гражданина», в котором «все равны перед законом и судом». Авторы фундаментального труда «История России: конец или новое начало?» [1] Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко, опирающиеся на классическую либерально-демократическую позицию, вполне спра-

ведливо утверждают, что Конституция 1993 года — с учетом закрепленных ею же природной естественности и неотчуждаемости прав и свобод — вводила страну во второе осевое время¹. С формально-юридической точки зрения многовековой извилистый «путь в Европу» был тем самым завершен: с этой точки зрения отечественная государственность стала государственностью западного типа, каковой раньше никогда не была.

Это значит, что юридически Россия вошла в число конституционных государств, в которых единственной формой вмешательства его в сферу свободы индивида может быть вмешательство, опирающееся на закон. В таком государстве правят законы, а не люди. Осуществляя руководство, администрация лишь следует существующим позитивным нормам. Легитимность конституционного государства обусловлена законностью всех действий его властей.

Необходимо отметить, что и эта Конституция, как и первая, была «подарена» обществу пусть не монархом, а президентом, и президентом, обладавшим тогда фактически всей полнотой власти. То есть и теперь, вполне по Чичерину, это власть добровольно законодательно ограничила свои полномочия, а не общество заставило ее это сделать. Возможно поэтому, большая часть российских граждан теперь и не помнит факта ее легитимации на референдуме. Как показали результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в конце 2005 года, правильный ответ на вопрос о том, как именно принималась Конституция, дал только каждый третий из опрошенных. Большинство убеждены, что это продукт творчества лично президента или затрудняются ответить [2].

Соотношения полномочий различных ветвей власти в Конституции имеют своеобразную конфигурацию и прописаны недостаточно четко, но поскольку это Конституция государства, находящегося в процессе «демократического транзита»², то эти недостатки должны быть исправлены в дальнейшем, когда гражданское общество в России станет реальностью,

¹ «Новое (или второе) осевое время», понятие которого ввел Карл Ясперс, берет свое начало в эпоху Возрождения. В политической сфере оно, по мнению данных авторов, характеризуется возникновением и распространением нового типа государства (state — Staate) — суверенного национального государства, опирающегося на Конституцию как на высший закон, регулирующий как отношения между государством и обществом, так и отношения внутри самого государства.

² См. Мельвилль А.Ю. Демократический транзит в России: сущностная неопределенность процесса и его резуль-

реальностью, осознающей свои политические интересы. То, что распределение полномочий в ней очевидно «наклонено» в сторону президента, представлялось сторонникам либерализма лет десять назад не столь существенным (даже могло оказаться полезным для ускорения реформ в отсутствие сформировавшегося гражданского общества), гораздо важнее, что в ней впервые в истории России четко прописана ответственность государства перед своими гражданами: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [3, ст. 53].

Однако теперь либеральные оценки той государственной и общественной реальности, которая выстроилась на основе данной Конституции, безусловно, пессимистичны. Авторы уже упоминавшейся выше книги «История России: конец или новое начало?» утверждают, что российская государственность застыла в «имитационно-правовой и имитационно-демократической» форме, которую «бюрократическо-авторитарная модель властвования» использует «как идеологический инструмент своей легитимации» [1, с. 666]. По сути такова же оценка известного либерального политолога Лидии Шевцовой: «Формируется новый традиционализм, на сей раз без коммунистической шелухи. Под “традиционализмом” я понимаю персонафицированную и никем не ограниченную власть лидера...» [2]. Заведующий отделом социально-политических исследований Левада-Центра Л. Гудков в свою очередь утверждает, что современный политический процесс характеризуется «кархаизацией и склеротизацией социальной жизни, внешне напоминающей последние годы брежневской эпохи» [4]. Известный теоретик в области российской политической истории, член-кор. РАН Ю. Пивоваров в своей статье, опубликованной в «Полисе», подводит черту под «демократическим транзитом»: «Видимо, к началу второго срока президентства В.Путина в основном завершилась эпоха «транзита». Выйдя из пункта «А», Россия пришла к пункту... «А» [5, с. 13]. То есть, получается, что все усилия по модернизации, по крайней мере политической системы, окончились ничем: «...русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но «провиденциальна» в содержательном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим новый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого — не по форме, по существу» [6, с. 13].

тата // Космополис. Альманах 1997. — М. : Полис, 1997; *он же*. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. — 1998. — № 2; *он же*. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. — М. : МОНФ. 1999

Что за заколдованный пункт «А», в который всякое реформирование российской государственности непременно возвращается? Что такое политический «традиционализм» по-русски? Какой старый политический мир был снова спасен? Тут почти все специалисты в области политической науки — классические либералы, консервативные, сторонники российской самобытности — единодушны — это самодержавие. Названия для современного самодержавия теоретиками придумываются разные: «посткоммунистическое самодержавие» (М. Ильин), «выборное самодержавие» и «конституционно-выборное самодержавие» (И. Клямкин), еще одно воплощение Русской Власти (именно так, с большой буквы — Ю. Пивоваров и А. Фурсов), однако все они подчеркивают, что в государстве по-прежнему главенствует неограниченная персонафицированная власть, которая, как и в предыдущие столетия, является главным субъектом российской истории.

Это хорошо известно и обыденному сознанию российских граждан. Если обратиться к упоминавшемуся выше опросу ВЦИОМ, то можно увидеть, что, несмотря на конституционное положение о народе как суверене в российском государстве, сам народ в большинстве своем (55 % опрошенных) считает, что суверенитет в государстве принадлежит его главе, то есть президенту [2].

И тут вновь совершенно современной оказывается характеристика роли власти в российской истории, данная Чичериным полтора столетия назад: «Отличительная черта русской истории, в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти» [8, с. 27]. И в этом «преобладании власти» Чичерин видел как главное основание всех достижений России, так и причину всех ее бед. С одной стороны, именно самодержавная «власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития, власть насильно насаждала просвещение, обнимая своею деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта» [8, с. 27]. С другой стороны, в 1894 он писал: «Ныне Россия управляется отребьем русского народа, теми, в которых раболепство всё превозмогло и в которых окончательно заглохло даже то, что в них было порядочного смолоду. При таких условиях ограничение самодержавной власти становится насущною потребностью. Оно одно может очистить охватывающую нас со всех сторон удушливую атмосферу, внести жизнь в гниющее болото и дать вздохнуть тем здоровым элементам, которые таятся в недрах русской земли» [9, с. 224].

Среди современников Чичерина совсем немногие разделяли точку зрения на самодержавие как на главную действующую силу российской истории, теперь же она стала почти общим местом. Либералы видят в неизбывном самодержавии в первую

очередь источник всех российских бед, а почвенники — основу всех наших достижений.

Именно опираясь на взгляды Чичерина и Ключевского, Ю. Пивоваров и А. Фурсов создали наиболее заметную в настоящее время концепцию политической истории России — концепцию Русской Системы³. Ключевые понятия они определили следующим образом: «Русская Система — это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть — единственный социально значимый субъект. Русская Система есть способ контроля Русской Властью над русской жизнью... Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Властью, а с другой — Русской Системы и русской жизни... и есть Русская История [5, с. 184]. Таким образом, Власть — ключевой элемент и в русской жизни и в истории, ее деятельной силой ничего противостоять не может, она источник всех изменений и все ее проблемы, в конечном счете, результат ее собственных действий. Авторы утверждают, что в русской истории систематизирующий элемент — Власть в ее метафизическом облике. Власть вообще, называется ли она при этом самодержавной или коммунистической. Потому понятия «реформы» и «контрреформы» отражают точку зрения наблюдателя или участника, но бессмысленны по отношению к самому историческому процессу: «... Власть в России не была ни реакционной, ни революционной. Она была просто Властью, а потому выступала одновременно и как главный революционер... и как главный вешатель, как главный реформатор и как главный охранитель, консерватор» [5, с. 179 — 180]. То есть реформы и контрреформы, революции и реакции — все это по существу были способы сохранения и усиления могущества Русской Властью. Потому российское «государство» и в настоящее время очень далеко отстоит от европейского *state* — *Staate* (которые составляют Вестфальскую систему). Сколь либеральной ни выглядела бы Российская Конституция, она всего лишь еще один инструмент в руках Русской Властью, необходимый для ее самосохранения в теперешних условиях.

Может быть авторы данной концепции слишком демонизировали российское самодержавие, но с тем, что теперешний государственный порядок вновь опирается на самодержавный стержень, согласны все. Либералы — с разочарованием вплоть до уныния, почвенники-державники — с оптимизмом и даже воодушевлением.

Правда, либеральные авторы упоминавшейся выше книги полагают, что «правовая и демократическая имитационность», использующаяся властвующей бюрократией «как идеологический инстру-

мент своей легитимации», способствует созданию лишь «ситуативного государства», которое не способно ответить на глобальные вызовы современного мира, потому «его ситуативная природа и очевидная неэффективность рано или поздно сделают его трансформацию неизбежной» [1, с. 667]. Более того, они полагают, что это произойдет скорее рано, потому что в обществе нарастает «социокультурный раскол»: «На этот раз — между формирующейся культурой *гражданства* с его установкой на приоритет личности по отношению к государству и культурой *подданства* с его ориентацией на верховенство государства над личностью, патерналистскую опеку над ней. При этом в многонациональной стране обе культуры скорее всего будут искать опоры в этнических, а, быть может, и конфессиональных идентичностях. В таком случае Россию ждет судьба СССР или утверждение радикально-националистического политического режима, апеллирующего к амбициям и фобиям этнического большинства, что лишь отсрочит ее распад» [1, с. 666].

Получается так, что распад ждет Россию в любом случае, если политическая элита страны не одумается и не займется вновь осуществлением «демократического транзита», что позволит России, наконец, войти в круг цивилизованных государств «второго осевого времени»: «Упредить такое развитие событий может только российская элита, если сумеет консолидироваться, но — не ради сохранения и упрочения ситуативного государства, а ради его исторического преодоления на основе демократически-правового базового консенсуса» [1, с. 666].

Проблемой этого самого вхождения в круг цивилизованных государств и занимался всю свою жизнь Чичерин и также свои надежды возлагал на разумное самоограничение самодержавной власти и разумную же, болеющую за Россию элиту, только тогда под ней понималось просвещенное дворянство, ибо, как он полагал и вполне справедливо, самостоятельного, осознающего свои общие интересы среднего сословия в России тогда не было. Однако в начале прошлого века российское самодержавие (Русская Власть) после десятилетних колебаний предпочло сменить форму ради сохранения содержания и выбрало революцию вместо конституционных реформ. В конце века опять вместо реформирования теперь уже «большевистского самодержавия» (М. Ильин) случилась либерально-демократическая революция (так она себя квалифицировала, судя по официальным и неофициальным лозунгам), в результате чего самодержавие, несколько поколебавшись, сумело приспособить конституционную форму к своему подлинному содержанию, которое есть по-прежнему неограниченная персонафицированная власть.

В результате такого замысловатого политического процесса в последнем столетии российской истории Чичерин как политический мыслитель и в

³ См. Пивоваров, Ю. Русская система / Ю. Пивоваров, А. Фурсов // Рубежи — 1996 — № 2; Пивоваров, Ю. Русская система и реформы / Ю. Пивоваров, А. Фурсов // Pro et contra — 1999 — Т. 4 — № 4 — С. 166—197 и др.

нынешнем либеральном дискурсе ничуть не менее современен и уместен, чем, скажем, Клямкин, Ахиезер или Пивоваров, а теперешние почвенники его и вовсе ничем не смогли бы удивить в сравнении с его тогдашними оппонентами — Данилевским, Леоньевым или Катковым.

Проблемы, которые волновали Б.Н. Чичерина и его современников: происхождение, сущность и значение государства в истории народа и страны; формы государственного устройства; представительные учреждения и их место в системе государственных структур; роль личности в истории, особенно в переломные эпохи; соотношение прошлого, настоящего и будущего; государства и общества; государства и демократии; власти и закона; соотношение центральной и местной властей; власти и политики с моралью и нравственностью; революционного и эволюционного путей развития — все эти проблемы и не могут устареть, но не устарел и сам подход Чичерина к их осмыслению и поискам способов решения. Благодаря разнообразию своих интересов, а он был и философом, и историком, и политологом, и социологом, и правоведом, его поиски ответов двигались разными дорогами, и ответы получались не частными, одномерными, но напротив, «име-

ли в себе много слоев», и именно эта многослойность, многогранность делает их совершенно уместными и теперь, по прошествии стольких лет в этот наш узко-специализированный век.

Литература

1. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. — М.: Новое изд-во, 2005. — 708 с.
2. Известия, 25.02.2004.
3. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. — М.: Юрид. лит., 2000. — 64 с.
4. Независимая газета, 28.05.2004.
5. Пивоваров, Ю.С. Русская власть и публичная политика / Ю.С. Пивоваров // Полис. — 2006. — № 1. — С. 12—32.
- 7 Пивоваров, Ю. Русская система и реформы / Ю. Пивоваров, А. Фурсов // Pro et contra. — 1999. — Т. 4. — № 4. — С. 166—197.
8. Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII в. / Б.Н. Чичерин — М.: Тип. Ал-ра Семена, 1856. — 592 с.
- 9 Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н. Чичерина: Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2 / Б.Н. Чичерин. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 252 с.
10. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин — М.: Наука, 1998. — 655 с.

И. КАНТ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

В конце XVIII — начале XIX столетия эпицентр европейских гуманитарных наук прочно и надолго переместился в Германию. Идеи английских и французских просветителей нашли свое развитие в трудах представителей немецкой классической философии. Ни у одного из представителей этой школы нет отдельных трудов, специально посвященных взаимодействию культуры и экономики, и все же это не только один из самых сложных, но и один из самых плодотворных периодов в истории развития взглядов на взаимоотношение экономики и культуры.

Первым представителем немецкой классической философии является Иммануил Кант. Исходным пунктом для рассмотрения вопроса о взаимоотношения экономики и культуры для Канта является его антропология, а точнее, соединение чувственного и сверхчувственного в человеческом существе. В человеке всегда присутствует антагонизм между его естественно-экономическими и нравственными устремлениями. Высшим принципом для первых является благополучие, для вторых — выполнение нравственного закона, называемое нами добродетелью. Но человеческая природа едина и это единство требует высшего синтеза обеих сторон нашего существа. Оно есть некая золотая середина. В работе «Об изначально злом в человеческой природе» Кант пишет: «Но так как легко может случиться, что ошибаются и в том и другом мнимом опыте, то возникает вопрос: не возможно ли, по крайней мере, что-то среднее, а именно, что человек как член рода своего ни добр, ни зол, или во всяком случае, может быть и тем и другим, т. е. отчасти добрым и злым?» [1, с. 25]. В соответствии с приматом практического разума, свойственным учению Канта, этот синтез может состоять лишь в подчинении чувственного момента сверхчувственному. Отсюда вытекает синтетическое положение, что для нашего нравственного сознания достойной благополучия является одна лишь добродетель.

У Канта мы сталкиваемся с, казалось бы, абсолютно противоположными утверждениями: с одной стороны он с полным ригоризмом учит, что нравственная добродетель состоит в безусловном подчинении закону долга независимо от жизненно-экономического благополучия, «Понятие долга во всей своей чистоте несравненно проще, яснее и для практического применения каждому человеку понятнее и естественнее, чем всякий мотив, почерпнутый из (понятия) счастья или смешанный с ним и принимающий его в соображение (что всегда требует много искусства и размышления); даже в суждении самого обыденного человеческого разума и

притом обособленно от такого мотива и даже в противоположность ему доходит до человеческой воли, оказывается гораздо более сильным, проникающим глубже и сулящим больший успех, нежели все побуждения, заимствованные от низшего, своекорыстного принципа» [1, с. 74], с другой в качестве понятия высшего блага он выдвигает требование мыслить мир так, будто в нем добродетель не только достойна благополучия, но и причастна ему. «По моей теории, не моральность человека сама по себе и не дно лишь счастье само по себе, а высшее возможное в мире благо, которое состоит в соединении и согласии того и другого, есть единственная цель творца» [1, с. 66].

Тот самый человек, который говорил, что все мы существуем не для достижения экономического благополучия, а для исполнения своего долга, настолько не мог оторваться от последнего остатка эвдемонизма, заложенного в человеческой душе, что признал неотъемлемой составной частью всеобщей и необходимой нравственной веры убеждение в том, что в последней инстанции на долю нравственно поступающего человека должно выпасть также и высшее благополучие.

То, что добродетельный человек в земной жизни не достигает экономического благополучия благодаря нравственному образу действий, для Канта неоспоримый факт. Поэтому, если верить в реальность высшего блага, то его не следует искать в мире чувственных явлений. Такое понимание блага, естественно, никоим образом не связано с экономической реальностью. Оно достижимо лишь потому, что человек в сверхчувственном мире ведет существование, выходящее за пределы мира чувственного и не подчиняющееся законам времени. Это скорее критическая идея о бессмертии человеческой души. По Канту мы потому лишь уверены в осуществлении высшего блага, что верим в моральный мировой порядок, благодаря которому естественно необходимый процесс устроен таким образом, что в последней инстанции добродетель ведет к благополучию. Такой общий порядок и взаимодополнение чувственного и сверхчувственного мыслимы лишь посредством признания наивысшего и абсолютного существа, то есть через веру в Бога.

Лишь в связи с этим становится вполне понятным отношение Канта к метафизике, претендующей на то, что она может дать представление о мире сверхчувственном и недоступном опыту. Как научное знание она невозможна, но как убеждение веры она не только возможна, но и имеет всеобщее и необходимое обоснование в нравственной культуре

человека. Следовательно, этика как часть духовной культуры, может опираться не на какое-либо частное, связанное с жизненно-экономическим опытом основание, не на какую-либо попытку научной метафизики, а лишь на «трансцендентальный факт» нравственного сознания и на анализ его априорности. И это учение не только не может быть выведено из теоретического мировоззрения, но, напротив, само служит тем единственным путем, которым можно обрести убежденность в сверхчувственной сущности вещей. Нравственно-культурная действительность, таким образом, становится эпицентром и основой всей человеческой жизни. Но ее никогда нельзя доказать, в нее можно лишь верить.

Здесь мы переходим к кантовской философии религии, или, точнее сказать, моральной теологии. Ее основным пунктом служит философское осмысление учения о грехе. Факт нужды в искуплении для Канта коренится в двойственности человеческой природы, в силу которой естественный механизм со своим стремлением к достижению экономических благ находится в отношении антагонизма к законам нравственной культуры. Но это никоим образом не значит, что сфера экономической жизни осуждается и определяется как зло. Стремление к экономическому благополучию, возникающее под влиянием чувственных побудительных причин, ни в коем случае не может быть злым, так как зло, точно так же, как и добро, обозначает моральный критерий и не имеет никакого смысла в области механизма побуждений, данного в явлениях. Предикаты «добрый» и «злой» неприменимы ни в мире умопостигаемом, ни в мире чувственном, если рассматривать эти миры порознь. Там, где имеет значение один только нравственный или же один только естественный закон, там нет ни доброго, ни злого. Доброе и злое предполагают известное отношение между экономически-чувственными и культурно-нравственными мотивами. Нравственный закон требует подчинения экономических побуждений нравственным, и Кант называет доброй волю, в которой это отношение действительно берет верх. Но в реальном человеческом существе это правильное отношение между побудительными причинами с самого начала существует в перевернутом виде. С сознанием нравственного закона у человека соединяется подчинение этого закона его экономическим интересам.

Эту исконную «наклонность» человеческой природы отодвигать в сторону уже познанный закон нравственной культуры и следовать экономическому побуждению, Кант называет коренным злом, в какой то мере свойственным всему человечеству. Задача религиозной жизни заключается в борьбе доброго (нравственного) и злого (экономического) в человеке. В борьбе, которая должна в итоге закончиться победой доброго начала, существующего в нас в виде абсолютного сознания долга. Кант пишет: «человек со всей ясностью сознает, что он обя-

зан исполнять свой долг бескорыстно и должен полностью обособлять свое стремление к счастью от понятия долга, чтобы иметь его совершенно чистым; Или если он думает, что он этого не сознает, то можно от него требовать, чтобы он сознавал это, поскольку это в его власти? Ведь именно в этой чистоте следует искать истинную ценность моральности, и, значит, человек должен быть в состоянии искать ее» [1, с. 72].

Для Канта нравственная культура определяет не только экономику но и политику. Он полагает, что нравственное сознание требует, чтобы поступок был искуплен страданием, за осуществление которого должно отвечать государство, так как единичное лицо не в состоянии это сделать. Все его учение о государстве сводится к основной мысли о том, что государственная правовая жизнь должна состоять в устроении внешней совместной жизни людей согласно принципам нравственной культуры.

Именно поэтому он вступает в самое резкое противоречие со всеми прежними теориями, всегда искавшими цель государства под влиянием экономического эвдемонизма — безразлично, принимали ли они за руководящую нить индивидуальное или социальное благополучие. Кант считает, что историю человека и его культуры нельзя философски понять, не зная ее цели. Лишь знание той задачи, которая должна быть выполнена посредством этого развития, дает возможность судить о том, были ли в нем отдельные движения действительными шагами вперед или назад. Философия истории как оценка историческо-культурного процесса существует лишь при условии телеологической точки зрения. В скрытом виде телеологическая точка зрения присуща и натурализму, но при этом целью признается экономическое благополучие в грубой или более утонченной, в индивидуальной или социальной форме. У Канта же цель истории культуры нравственная. Он с одной стороны, приспособлял к нуждам своей системы принципы эпохи Просвещения, а с другой — одновременно определял последним их пределы. Особенно явно это проявляется в его маленьких статьях, рассматривавших эти вопросы. Здесь он стоял перед величайшей проблемой, волновавшей умы XVIII века, перед вопросом об отношении человеческой культуры и природы. До него ответ на этот вопрос в большинстве случаев давался в том смысле, что значение, происхождение и цель культуры заключается в достижении большего экономического благополучия, чем то, какое в состоянии предоставить человеку как существу чувственному природа. Такой подход привел в учении Руссо к выводу, что культура не достигает этой цели, что она хуже естественного состояния и поэтому нужно порвать с ней все связи и пойти новым и лучшим путем. Кант сохранил эти мысли женева философа во всей их силе и над взгля-

дами Руссо возвысился лишь в том смысле, что на основе своей философии выработал иное понимание культуры.

Культура для него есть сознательная работа человеческой воли и поэтому ценность ее заключается в ее нравственном характере. Говорить о естественном состоянии человека имеет смысл лишь постольку, поскольку под ним подразумевается естественная жизнь стремлений, направленных к экономическому благополучию без всякого осознания нравственной задачи. Это — состояние абсолютной невинности, состояние райского блаженства. Оно не есть факт опыта. Но если представлять его (и Кант делает это вместе с Руссо) как состояние, предшествующее культуре, то исходя из его эвдемонистического характера, нельзя понять постепенного развития нравственной культуры. Знание нравственного закона возникает сразу и может основываться лишь на том, что данный закон входит в сознание лишь при своем нарушении. Когда в человеческой природе проявляется коренное зло (примат экономических потребностей над нравственными), вместе с этим должны проснуться и совесть, и сознание нравственно-культурной задачи. «Предполагаемое начало» всемирной истории, то есть идея этого начала, хотя и возможная, но не доказуемая посредством опытного знания, есть проявление коренного зла, восстание против нравственного закона, входящего в сознание при самом восстании — это и есть грехопадение, как начало культуры. «Эти пороки, собственно говоря, не возникают сами собой из природы как своего корня; при усиленном домогательстве со стороны других ненавистного нам превосходства над нами они суть склонности: ради своей безопасности добиться превосходства над другими как предохранительного средства, в то время как природа хотела использовать идею такого соревнования (которое само по себе не исключает взаимной любви) только как побуждение к культуре. Пороки, которые прививаются этой склонности, могут поэтому называться пороками культуры» [1, с. 29]. И после такого возникновения нравственного сознания вся история человеческой культуры представляет собой лишь работу воли над задачей приведения себя в соответствие с нравственным законом. С грехопадением естественное состояние утрачено навсегда, потому что, раз нравствен-

ное сознание возникло, оно уже никогда не может исчезнуть. Но вместе с естественным состоянием исчезает навсегда и простодушное осуществление стремления к благополучию. Изгнанный из рая, человек испытывает тягость труда. Начинается антагонизм сил, складывается и усложняется игра общественно-культурной жизни, растет добродетель, а вместе с ней и порок. Напряжение сил становится все сильнее и сильнее, из разрешения каждой задачи возникает новая, еще более трудная. И в то время, как нравственная работа, хотя и бесконечно медленно и с перерывами, но все же продвигается к своей цели, внешние отношения человеческой культуры настолько усложняются, что счастье индивидуума становится все более сомнительным и более редким. Каждое приобретение в нравственной культуре покупается ценой потери в экономическом благополучии отдельной личности. Нравственная работа человека возможна лишь как отречение от своего естественного экономического благополучия. Ввиду этого культура со всей своей работой и со всем страданием, которое в необходимой и во все возрастающей степени связано с ней, действительно была бы, как это и казалось Руссо, безумием и преступлением по отношению к счастью единичного индивидуума, если бы именно экономическое благополучие было назначением человеческого рода и если бы ценой отречения от райского блаженства не приобреталось высшее, абсолютное благо нравственности. При тех потерях, которые при данной работе культуры испытывает каждая отдельная личность, утешение может состоять лишь в том, что приобретает целое. Но это приобретение целого заключается не в экономическом благополучии общества, а в достижении нравственной цели — ведь нелепо говорить, как это часто делают, о росте общего благополучия в то время, когда возрастает неблагополучие всех отдельных индивидуумов. Таким образом, в философии Канта мы видим один из самых ярких примеров этического ригоризма, в котором все сферы человеческой жизнедеятельности полностью подчинены диктату нравственной культуры.

Литература

1. Кант И. Сочинения в 6-ти т. — Т. 4. — М., 1965. — 436 с.

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОДНА ИЗ ВЕДУЩИХ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Стало уже общим местом утверждать, что современная эпистемология (учение о научном познании) — это в значительной мере воплощение натуралистического подхода к познанию. Натурализм проявляется здесь, прежде всего в том, что в учении о познании господствовали, и продолжают господствовать, классические идеалы научности, взятые из естествознания и требующие «наукopodobного» объяснения на основе принципов причинности, объективности всех познавательных процессов и явлений.

Отсюда одной из главных задач, стоящих перед исследователями науки, является преодоление подобного натурализма. Как отмечает Л.А. Микешина, «преодоление натурализма — одно из необходимых условий становления современной философии познания, в которой не только познавательный процесс, но и сам познающий человек должен быть «тематизируем» и не сводим к узко гносеологическим смыслам субъекта» [6, с. 14]. Все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен за скобки без последствий для видения и понимания самого процесса или события. Другими словами, все более становится очевидным, что абстрагирование от эмпирического субъекта ведет к выхолащиванию реального процесса деятельности, в том числе и познавательной.

Для того чтобы более полно осмыслить познавательный опыт человека, необходимо признать, что существуют различные познавательные практики. Так наряду с классическими когнитивными практиками — сенсуалистической локковской и «отражательной» марксистской, можно говорить и познавательных стратегиях неокантианской и аналитической философии, о попперианском критическом рационализме, а также и о феноменологической и герменевтической познавательных практиках. А это значит, что разрушается и единый образ науки, и как следствие, становится возможным говорить о сосуществовании множества когнитивных практик и различных образов науки.

Одной из ведущих когнитивных практик в настоящее время является герменевтика. Как отмечает Х. Гафаров, середина XX века вообще была отмечена своего рода «герменевтическим ренессансом», продолжающимся и по сей день [2, с. 27]. На первый взгляд, это представляется парадоксальным в век науки и техники. Однако достаточно вспомнить, что возникновение и развитие традиционной герменевтики происходило в силу утраты самоочевидности традиции, то есть, прежде всего, из-за

кризиса самой традиции. Как известно, герменевтика в целом является феноменом Нового времени, ознаменовавшегося процессом растущего распада общепризнанного понимания.

Актуализация герменевтики существенным образом координируется с тем, что в современном культурном анализе называется «модерном» («современностью»), в ее отличии от «традиционности»). Модерн можно охарактеризовать как эпоху дифференциации, распада метафизического и социального порядка и описывающего его дискурса на отдельные фрагменты.

Таким образом, можно утверждать, что актуальность философской герменевтики была задана самой культурно-исторической ситуацией XX века.

В данной статье предполагается проанализировать эпистемологические основания герменевтики, взятые в историко-философском аспекте, рассмотреть эволюцию герменевтических идей, которые проясняют особенность герменевтического образа науки.

Как известно, термин «герменевтика» с греческого означает «разъясняю, толкую». В Древней Греции герменевтикой называлось искусство истолкования текстов. Согласно мифологическим представлениям греков, язык богов непонятен простым смертным. Гермес — посредник между богами и людьми — истолковывает волю богов, делает ее понятной человеку. С именем Гермеса связывается возникновение искусства понимания и происхождение термина «герменевтика».

В настоящее время понятие «герменевтика» является более широким. Как утверждает Л. Микешина, «герменевтика понимается сегодня, по крайней мере, в трех смыслах: как искусство понимания, постижения смыслов и значения знаков; как теория и общие правила интерпретации текстов; наконец, как философское учение об онтологии понимания и эпистемологии интерпретации» [6, с. 60]. Если в первых двух смыслах герменевтика выступает как конкретная, специальная дисциплина, то в последнем значении речь идет об общей теории понимания, имеющей преимущественно философский статус.

Родоначальником философской герменевтики Нового времени является крупнейший представитель немецкой «романтической школы» конца XVIII — начала XIX вв. Ф. Шлейермахер. Именно он поставил перед собой задачу создать универсальную философскую герменевтику как науку о понимании в отличие от специальных герменевтик, занимающихся анализом языковых форм и конструктов. Немецкий философ герменевтику рассматривал как «искус-

ство понимания, а не истолкование понимаемого». Такое искусство должно было бы «зависеть только от общих принципов» [5, с. 42].

По мнению Х. Гафарова, универсализация герменевтической проблемы во многом обусловлена новой культурной ситуацией, возникшей в Европе, когда ни тексты Св. Писания, ни тексты античных классиков не являлись более нормативными. Они утратили свое общепризнанное истолкование [2, с. 67].

Утрата нормативности Писания и античных классиков привела к необходимости поиска других оснований понимания текстов. Шлейермахер нашел это основание в реконструкции первоначального замысла автора, в авторском мнении, смысле. Для этого необходимо «настроиться» на ситуацию автора, «перенестись» («принцип транспозиции») в его психику, в его душевное состояние, в язык, в мир его идей и представлений, в его интенции. Такая процедура возможна, прежде всего, на пути психологического перенесения. Этот принцип получил название «принципа конгенности», конгенности автора и интерпретатора, которая основывается на непосредственном предчувствии или вчувствовании в индивидуальность автора.

Безусловным теоретическим достижением Шлейермахера в области герменевтики была тематизация эвристической метафоры герменевтического круга. «Герменевтический круг» — метафора, описывающая продуктивное движение мысли. С одной стороны, представляется очевидным, что часть понятна из целого, а целое — из части. С другой же стороны, в процессе понимания мы словно движемся в некоем круге, ведь понимание целого возникает не из частей, поскольку они только из уже понятого целого могут интерпретироваться как его части. Такой подход к проблеме привел к тому, что для Шлейермахера понимание являлось принципиально не завершаемой деятельностью, всегда подчиняющейся правилу циркулярности, то есть движению по расширяющимся кругам. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию.

И таким образом, вслед за Х. Гафаровым, можно сделать вывод, что Шлейермахеру в общем удалось решить поставленную задачу и создать общую теорию понимания, которое «у Шлейермахера всегда представляет собой единство нескольких моментов: исторического и дивинаторного метода, с одной стороны, и объективной и субъективной интерпретации, с другой» [2, с. 82].

В рамках западной философии линию развития герменевтической проблематики в направлении превращения ее из конкретно-методологической концепции в общенаучную философскую дисциплину продолжил В. Дильтей. Он предпринял попытку обоснования гуманитарных наук, которая была осу-

ществлена им с психологических позиций на базе герменевтической методологии.

Для целей нашей работы, наиболее значимыми являются дильтеевская тематизация проблемы историзма, а также проблемы объективности гуманитарных наук.

В то время как для Шлейермахера предметом интерпретации являлся текст, Дильтей перенес филологическую модель интерпретации на историческую науку. В отличие от текста, который представляет собой законченное произведение и объективирован нами, история не завершена, и сам интерпретатор принадлежит ей и определен ею. Следовательно, исследователь не может выйти за пределы истории, не может превратить её в объект. Исследователь, как субъект истории, является частью своего же собственного объекта.

А отсюда возникает проблема возможности получения объективного знания об истории для историка, исторически обусловленного и заданного. Или другими словами, обозначается проблема возможности объективного понимания истории вообще. Эта проблема и выступила в качестве основной для Дильтея. Немецкий философ в своих трудах пытался ответить на вопрос, каким образом можно добиться объективности в гуманитарных науках, несмотря на то, что для субъекта понимания не существует точки зрения внеположенной по отношению к истории?

Осмывая поставленную перед собой проблему объективности исторического познания, Дильтей, с одной стороны, зафиксировал невозможность абсолютного, априорного понимания, т. к. всякое понимание является исторически обусловленным, релятивным.

Но, с другой стороны, Дильтей не хотел отказываться от привычных критериев научности — объективности и рациональности.

Для того, чтобы понять особенности дильтеевского видения проблемы, необходимо остановиться на его знаменитой идее деления всего комплекса наук на «науки о природе» и «науки о духе». «Сумма духовных явлений, — писал Дильтей, — подпадающая под понятие науки, обычно делится на две части; одна обозначается названием наук о природе; для другой, странным образом, общепризнанного обозначения не существует. Я присоединяюсь к словупотреблению тех мыслителей, которые это второе полушарие интеллектуального глобуса именуют науками о духе» [3, с. 114]. Но как бы они не отличались друг от друга, важной для нас является мысль о том, что они принадлежат к одному «духовному явлению», которое именуется наукой.

И поэтому, считал Дильтей, важно понять, как исторический опыт может стать наукой, если в историческом мире отсутствует естественнонаучная причинность, но имеет место связность и темпоральность жизни, «течение жизни», переживание как «проживание жизни».

Немецкий философ полагал возможным преодолеть ограниченность исторического местоположения посредством тематизации специфики «исторического сознания». Осуществляя свою знаменитую «критику исторического разума», Дильтей приходит к мысли, что именно герменевтику надо рассматривать как «органон наук о духе». По этому поводу он пишет: «Понимание и истолкование — это метод, используемый науками о духе. Все функции объединяются в понимании. Понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой точке открывает определенный мир» [3, с. 115].

Исходя из этой установки, Дильтей вводит понятие «объективный дух» с целью определения и обозначения общности между отдельными проявлениями жизни. Объективный дух как «медиум общества» имеет такие формы, как стиль жизни, общения, обычаи, государство, право и другие, тем самым осуществляется связь общечеловеческого с индивидуализацией, упорядочивание, расчленение на типы. А отсюда следует значимый для последующего развития герменевтических идей вывод, что историческое сознание, с одной стороны, передается посредством исторической традиции, но, с другой, оно относится к этой традиции рефлексивным образом, полностью не совпадая с последней.

Дильтеевские идеи были развиты Эрихом Ротхакером, занимавшимся в основном проблемой историзма, и Рудольфом Бультманом, одним из крупнейших современных теологов, разработавшим в числе прочих и проблемы теологической герменевтики. На итальянской почве идеи Шлейермахера и Дильтея были продолжены представителем юридической герменевтики Эмилио Бетти. Во многом идеи Дильтея были значимы также и для Хайдеггера и Гадамера.

Идеи герменевтики существенно обогатил М. Хайдеггер, для которого понимание — это фундаментальный способ человеческого бытия. Такой принципиально онтологический поворот стал основой хайдеггеровской концепции герменевтической интерпретации и фундаментально изменил видение самой проблематики, представив интерпретацию текстов как способ «опрашивания» бытия.

Следует подчеркнуть, что главной задачей Хайдеггера является философское обоснование такого взгляда на процесс познания, при котором человека нельзя представить как некий принципиально изолированный от мира субъект познания, который затем познает мир, объект. Конкретный человек (Dasein) — есть изначальное бытие в мире. Человек без его отношения к миру невозможен, при чем без осмысленного к нему отношения.

А это значит, что Мартин Хайдеггер, в отличие от Дильтея, который, как мы уже отмечали, придерживался, в целом, нормативных требований естествознания, интерпретировал науку лишь как про-

изводный феномен. Первичным же феноменом для него выступало понимание — одна из центральных категорий герменевтики. И хотя он предложил радикально новый метод прочтения этого понятия, все же есть основания считать, что Хайдеггер переосмыслил место герменевтики в научном познании и предложил свое видение соотношения двух типов наук (естественных и гуманитарных).

В полной мере философская герменевтика оформляется в работах Гадамера, который стремился осмыслить «наработанные» идеи и осуществить их синтез, а также преодолеть гносеологическую ориентацию, обратиться к онтологии, выяснить условия возможности понимания при сохранении целостного человеческого опыта и жизненной практики. Он стремился посредством герменевтической рефлексии раскрыть условия истины, предшествующие логике исследования, преодолеть однозначную ориентацию на науку, поскольку «познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук» [1, с. 138].

Как справедливо замечает Ю. Коткавирта, «для Гадамера герменевтика имеет дело в первую очередь не с методами гуманитарных наук, а с универсальностью понимания и интерпретации. Искомая универсальность относится к кругу объектов понимания, к культуре как целому, организованной на основе языка, а не к методологически значимым требованиям» [4, с. 48]. Отсюда основным вопросом философской герменевтики, по Гадамеру, является прояснение того, что значит понимание, и как оно сбывается на фундаментальном уровне. «Как возможно понимание — это вопрос, который предшествует всякому понимающему отношению субъективности и методическому отношению понимающих наук, их нормам и правилам», — пишет он в предисловии ко второму изданию книги в 1975 году [4, с. 47].

Особое слово в герменевтике — синтез герменевтики и феноменологии, ставший непосредственным предметом внимания у П. Рикера, который вслед за Хайдеггером и Гадамером, пытается выйти из «заколдованного круга» субъектно-объектной проблематики. Так, например, вопрос об истине рассматривается Рикером не как вопрос о методе, но как проявление бытия для бытия, тогда как понимание предстает не способом познания или «реакцией» наук о духе на метод естественнонаучного объяснения, но способом существования как интерпретированного бытия. В этой связи Рикер замечает: «Сознание не первая, а последняя реальность, которую мы в состоянии познать. Мы должны идти к ней, а не исходить из нее» [7, с. 318].

Заканчивая обзор гносеологических идей герменевтики, следует обратить внимание на то обстоятельство, что герменевтические идеи получили свое развитие и в русской философии. Среди них наибо-

лее интересны, но, к сожалению, еще недостаточно изучены идеи, представленные в трудах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина.

Итак, в статье был дан историко-философский анализ основных идей герменевтики. И даже по необходимости беглый экскурс в историю герменевтики и обращение к главным ее типам и представителям показывает глубину и богатство ее опыта в познании, понимании и интерпретации. И мы видим, что в контексте герменевтики — особенно современной, субъект предстает как человек интерпретирующий, герменевтическое понимание которого предполагает разграничение субъекта отвлеченно-теоретического мира и субъекта как «индивидуально ответственно мыслящего» в реальном бытии-событии. Познание, понимание и интерпретация предполагаются укорененными в историческом и социокультурном контексте, тесно связанными с жизнью, традицией и историей.

Таким образом, главное значение философской герменевтики — это утверждение исторической относительности истины. Следствия, которые влечет за собою идея историчности герменевтического субъекта, являются чрезвычайно важными. Фундаментальная герменевтика претендует, благодаря тезису о полной историчности познающего субъек-

та и, тем самым, и познаваемой истины, на то, чтобы адекватно описать то, что есть на самом деле. В этом и выражается объективность и научность герменевтики.

Литература

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философ. герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс, 1988. — 704 с.
2. Гафаров, Х.С. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера. (Эл. ресурс) / Х.С. Гафаров. — М. : РГБ, 2003. — С. 482.
3. Дильтей, В. Введение в науки о духе. // Зарубежная эстетика и теория литературы 19—20 вв. Трактаты, статьи, эссе. — М., 1987. — 184 с.
4. Коткавирта, Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. Маркова. — СПб., 1999. — 387 с.
5. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 192 с.
6. Микешина, Л.А. Философия познания: монография / Л.А. Микешина. — М. : Наука, 2002. — 480 с.
7. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. — М., 1995. — 270 с.

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА ПОЛОВ В КОНФРОНТАЦИИ АНТИФЕМИНИЗМА И ФЕМИНИЗМА

Проблема равенства издавна присутствует как центральная в различных социально ориентированных учениях. Если в философии, логике, математике под равенством понимается отношение одинаковости, тождества, взаимной заменимости объектов, то применительно к социуму о равенстве идет речь как об антиподе неравенства тех или иных социальных групп, различающихся по ряду признаков, положению и роли в той или иной общественной сфере. Стремление к равенству, соответственно, означает преодоление или смягчение различий, варьируясь в различных концепциях от буквальной уравнительности («казарменный коммунизм») до равных возможностей (либеральная демократия).

Природные различия обуславливают изначальное неравенство полов в биологическом отношении, социализация при всех своих значительных достижениях в принципе не способна окончательно покончить с половым диморфизмом. Даже упования на преодоление физических различий между мужчиной и женщиной, столь характерные для некоторых идеологов российского «большевизма», не могли предполагать отмены специфики участия полов в процессе детопроизводства. Во всяком случае, в обозримом будущем — К.Э. Циолковский допускал полное преодоление полового диморфизма и трансформацию прежде двуполого человека в высшее бесполое существо, лишенное не только вторичных, но и первичных половых признаков, по мере выхода человека в космос и ассимиляции с другими разумными существами. Искусственное размножение, технологически осуществимое, полностью отлучает мужчину от отцовства, женщину от материнства, но не снимает генетически заложенных особенностей мужского и женского в «выращенном» вне материнской утробы плоде. (Последующее формирование посредством хирургического вмешательства, гормональной терапии и педагогических технологий «среднепелых» или беспелых особей можно допустить только как результат большого воображения, лишенный какой-либо целесообразности, хотя и снимающий вопрос о «войне полов», столь актуальный ныне в свете противостояния феминизма и антифеминизма. Но отменит ли столь радикальное преобразование человека другие войны?).

Исторически основное неравенство полов определялось отношением господства и подчинения, что позволило Ю.Б. Рюрикову выделить матриархат, патриархат и биархат. Если матриархат предполагает главенство женщины над мужчиной, патриархат — главенство мужчины над женщиной, то биархат — главенство обоих полов. Если матриархат, за исключе-

нием отдельных племен, остался в далеком прошлом, то биархат определяет будущее, хотя уже начинает присутствовать и в настоящем. «Биархатные перевороты пронизывают все отношения мужчины и женщины — экономические и семейные, социальные и сексуальные», — отмечает Рюрик [9, с. 268].

Феминизм не только отталкивается от наличия в истории и у отдельных племен и поныне матриархата, но и провозглашает, в чем его упрекает антифеминизм, возврат к матриархатному состоянию с его преимуществом — отсутствием мужского господства над женщинами. Антифеминизм к наличию матриархата относится скептически, называя теорию о доисторическом бесклассовом обществе, в котором «женщины властвовали, а мужчины были всего лишь их слугами», «бредовой идеей»: «Речь, конечно, идет о матриархате. Это далекое прошлое, которое, согласно последним изысканиям в антропологии и культуре примитивных народов, никогда не существовало, является путеводной звездой для феминизма. Легендами и мифами овеян этот образ в умах его носителей» [11]. «Маловероятно, что существовал реальный матриархат», — считает К. Росс [8], а Р. Шиффер, по мнению которого, предполагаемые матриархаты «никогда не наблюдались непосредственно», отмечает: «Некоторые просто путают существующие “матрилинейные” или “матрилокальные” общества (означающие первичную роль матери в наследовании собственности или в определении места жительства, соответственно) с несуществующими “матриархальными” (управляемыми женщинами)» [14]. Преобладающее влияние мужчин имеется и там, тем более, что физически более сильный мужчина в условиях промискуитета изначальное доминировал над женщиной, как это происходит у большинства природных видов. Но как бы то ни было, историю, в том числе новейшую, определяет патриархат, теснимый биархатом не только на Западе, но и в России, причем целый ряд антифеминистов спешат объявить биархатный переворот матриархатным, приписывая феминизму стремление установить господство женщины над мужчиной. Цель феминизма варьируется от «мягкого матриархата» до «восстановления царствования амазонок»: «Идея была в полной мере выражена в манифесте SCUM (Общество резки мужчин), написанного Валерии Саландж. Туда же можно отнести и известную феминистку-лесбиянку Андреа Дворкин, которая со своими мужеубийственными взглядами не только имеет самый широкий доступ ко всем видам СМИ, но и временами приближаема к правительству (США)» [11].

Феминизм как движение и теория оформляется в европейском Просвещении. Созвучные феминистским установкам мысли, конечно, высказывались и прежде, но трудно согласиться, что идеологию феминизма создала Кристина Пизанская, как отмечает Л.Н. Надолинская [12, с. 74]. Зримых результатов феминизм достигает уже в позапрошлом столетии, поддерживаемый прогрессивно настроенными мужчинами, особенно радикальной частью социалистически настроенных авторов и приверженцев социальных утопий (на Западе К. Маркс и Ф. Энгельс, в России Н.Г. Чернышевский). Не случайно в рядах феминизма оказывается немало женщин-революционерок: борьба за социальное равенство перекликалась с борьбой за равенство полов. На это обстоятельство обращают внимание современные антифеминисты, подчеркивающие, что угнетаем и ограничен в свободах и правах был в прошлом и мужчина низших классов. Феминизм как женское движение XIX века преследовал достижение равенства с мужчинами в избирательных правах (суфражизм), в доступе к образовательным услугам, в возможностях трудоустройства. Женское образование и широкое участие женщин в общественных делах приветствовал и ряд даже патриархально настроенных мыслителей-мужчин, например, Ф.М. Достоевский.

Представители современного антифеминизма к феминизму относят не только марксизм, но и практическое воплощение идей последнего в большевистской России и СССР. Идея равенства полов там распространилась на физическое равенство. А.А. Богданов в романе-утопии «Красная звезда» рассказывает о социалистическом Марсе, где женщины и мужчины трудно различимы по внешнему облику. «...Мужское и женское сложение сходны в большей мере, чем у большинства земных племен: сравнительно широкие плечи женщин, не так резко благодаря некоторой полноте выступающая мускулатура мужчин и их менее узкий таз сглаживают разницу», — так описывает автор людей социалистического будущего [2, с. 149]. С.Н. Смидович в 1926 г. констатировала: «Новый тип женщины выковывается на наших социалистических фабриках и заводах. Там можно наблюдать, правда, медленный, но многообещающий рост женщин будущего, красота которых ничего общего не имеет с вечно женственной красотой, воспетой поэтами старого времени» [10, с. 393—394]. Убежденный и убеждающий других, что женщина — прежде всего товарищ, М.Н. Лядов заявлял: «Наш идеал — это женщина и мужчина, гармонически развитые, одинаково развитые и умственно и физически, чтобы женщина могла работать вместе с мужчиной, чтобы это не была кукла, чтобы мы видели в нем или в ней человека, а не красивый расшитый мундир, не обтянутые рейтузы, не локоны, которые покупаются в парикмахерской, не искусственно подкрашенную, об-

вешанную тряпками и безделушками, пустую куклу» [5, с. 325—326]. Идея «праздничных ватников» (выражение В. Пелевина), как и стремление лишить женщину женственности, провалилась, но осуществилось (и во многом не только декларируемое) равенство полов, при этом в СССР по понятным причинам особое внимание уделялось женщине-матери. Однако феминистской внутренней политике советской власти никак не назвать, скорее это было движение к биархату, конечно, с отступлениями и перекосами, причем происходящее на фоне патриархальных установок, и по сей день характерных для значительной части россиян обоих полов: отечественный культурный постмодерн сосуществует с традиционностью и модерном. И.В. Кондаков отмечает «возникший к концу XX в. небывалый по своей противоречивости и драматизму “синтез” всех предшествующих культурных тенденций», «мозаичное “панно” русской культуры конца XX — начала XIX в.» [3, с. 10]. Отечественный мультикультурализм XXI в., опирающийся на уникальный опыт сосуществования этносов и конфессий, оснований для «войны» полов не дает.

Движение к равенству женщины с мужчиной происходило и на Западе, нарастая и выдвигая все новые задачи и лозунги по мере достижения положительных результатов. В самом западном феминизме выделяется воинствующее крыло радикальных феминисток, идущее далеко вперед от справедливого требования равенства прав и возможностей и провоцирующее антифеминизм и пресловутую «войну полов». «...Для современных феминисток уже недостаточно того, что женщины имеют равные с мужчинами права, чтобы учиться и претендовать на работу», — подчеркивает Б. Френсис [13]. Антифеминизм упрекает радикальный феминизм, что тот стремится не к устранению неравенства, а к реализации «бредовой» идеи матриархата.

Современная критика феминистских претензий на замещение в профессиональной деятельности мужчин женщинами не нова. Так, еще Л.Н. Толстой, последовательный противник женской эмансипации, заявлял, что женщина претендует на «мнимый труд мужчин богатого класса», но никогда не потребует участия в труде мужчины на рудниках или на пашне. «Хотите равенства? Давайте вместе класть шпалы, укладывать асфальт, разгружать вагоны и забивать сваи», — обращается к феминисткам Д. Лычковский [4]. Заметим, что в России использование женщин на «мужских» тяжелых физических работах не столь уж большая редкость, особенно часто это практиковалось в Великую Отечественную войну.

Что женщины-феминистки хотят стать мужчинами, перенимая мужские черты, как и их стремление к однополой лесбийской любви, отмечалось критиками «женского вопроса» и женской эмансипации также в позапрошлом веке. Последователь-

ный противник женской эмансипации, «пены, взбившейся из общественного недомыслия», В.В. Розанов о таких женщинах с «мужской душой», говорит: «не Мадонна, а вахмистр». «И мужа ей совсем не нужно, она скушает с ним, убегая неудержимо в “общественные дела”, в разные “организации”, притворную “благодетельность”, в основе же — в шум, беганье, возню, суету. Мужчина, воин и гражданин (стрелка самца), — уже полупробужден в ней; и только вот не растут усики. И она не умеет нести на себе *по настоящему женскому женское платье*: оно на нее не так надето, неуклюже, и все как-то коротит, без этих длинных и красивых линий, волнующих мужчину. Их и не любят мужчины. Но уже начинают любить женщины: “Какой славный товарищ эта Маша”», — пишет он [7, с. 42]. Розанов, конечно, пристрастен, в чем никак не заподозрить Э.А. Павлюченко, автора книги, в которой представлена галерея «замечательных женских образов» и даются примеры «гражданского мужества», «бескорыстной самоотверженности», «славных дел», т.е. показан вклад женщин «в борьбу со всеми формами угнетения» (автор в русле марксистско-ленинской историографии рассказывает о женщинах в русском освободительном движении). Но в этой книге приводятся неоднократные описания облика и манер русских феминисток и революционерок, в которых легко узнаваем розановский «вахмистр». Е.А. Макулова, например, неистово кричала и стучала кулаками во время спора, по петушину на скакивала, так что казалось, что она готова пустить в ход кулаки. Добавим «грязные руки» и стриженные волосы! А о А.П. Блюммер Павлюченко пишет: «Земляки-воронежцы запомнили ее “высокой, всегда прямо державшейся женщиной, с определенными мужскими ухватками...”» [6, с. 215]. Современные феминистки могут быть внешне женственными и всегда с чистыми руками, но мужские «повадки» демонстративно перенимают, ожидая от мужчин ответных, в сторону феминности, шагов. «Феминизм (или как его теперь называть) был хорош до тех пор, пока женщина не захотела превратиться в мужчину. Из мужских качеств она переняла самые нехорошие», — констатирует О. Батлер [1].

В отношении равенства полов в патриархальном обществе широко практиковались двойные стандарты. К двойным стандартам, но уже в пользу женщин, стремится современный феминизм, что подчеркивается в антифеминистских текстах, обвиняющих уже феминизм в половой дискриминации. (Обе стороны пользуются широко статистическими данными, взаимно сомневаясь в их достоверности и по-своему их интерпретируя). Действительно, нельзя не заметить, что феминизм готов оставить мужчинам обязанности с сокращением прав, а женщинам предоставить максимум прав при минимуме обязанно-

стей. Более того, феминизм настаивает на обеспечении (за счет неравных прав) равенства результата! Принципиальная отличительная черта биархата — равенство прав и возможностей с учетом неизбежного, вопреки позиции радикального феминизма, полового диморфизма (к примеру, выхаживание младенца не может не оставаться сугубо женским, материнским занятием; непосредственное участие в боевых операциях — прерогатива мужчин). Против равенства возможностей выступает П. Малахов, но под возможностями он понимает не условия свободной конкуренции, при которой женщине открывается та же, что мужчине, перспектива, а природные задатки. Реализация имеющихся возможностей от этих задатков во многом зависит, но половой диморфизм в становящемся биархатном обществе отступает на второй план.

Литература

1. Батлер, О. Королевы улья. Великая Феминистская Революция и ее последствия / О. Батлер. // <http://menalmanah.narod.ru/met/queens.html>=2007.04.16.
2. Богданов, А.А. Красная звезда (роман-утопия) / А.А. Богданов // Вопросы социализма: работы разных лет. — М.: Политиздат, 1990. — С. 104—203.
3. Кондаков, И.В. Цивилизационные трансформации. Введение / И.В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). — М.: Наука, 2005. — С. 9—16.
4. Лычковский, Д. Восемь ножей в спину феминизма / Д. Лычковский // <http://menalmanah.narod.ru/met/eightknives.html>=2007.04.16.
5. Лядов, М.Н. Вопросы быта. Доклад на собрании ячейки Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1924 г.) / М.Н. Лядов // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). — М.: Политиздат, 1989. — С. 304—327.
6. Павлюченко, Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер / Э.А. Павлюченко. — М.: Мысль, 1988. — 269 с.
7. Розанов, В.В. Люди лунного света / В.В. Розанов / Уединенное. — М.: Правда, 1990. — С. 3—192.
8. Росс, К. Феминизм. благородная ложь / К. Росс // <http://menalmanah.narod.ru/antifem.html>=2007.04.16.
9. Рюриков, Ю.Б. Любовь. ее настоящее и будущее / Ю.Б. Рюриков // Философия любви. Ч. I — М.: Политиздат, 1990. — С. 268—330.
10. Смидович, С.Н. О «давидсоновщине» / С.Н. Смидович // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов), — М.: Политиздат, 1989 — С. 389—394.
11. Феминизм. Краткий обзор тактики, методологии, противоречий, взглядов и современного состояния зарубежного феминизма. // <http://menalmanah.narod.ru/antifem.html>=2007.04.16.
12. Философия. вера, духовность. истоки, позиции и тенденции развития: монография / Е.М. Галишникова, В.А. Далингер, В.В. Попов и др. — Кн. 5. — Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2005. — 123 с.

13. Френсис, Б. Теория права по феминизму / Б. Френсис // http://menalmanah.narod.ru/fvf_legal.html=2007.04.16.

14. Шиффер, Р. Феминизм, благородная ложь / Р. Шиффер // <http://menalmanah.narod.ru/antifem.html>=2007.04.16.

РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Цель статьи — определить роль рефлексии в системе философского мировоззрения.

В системе философского мировоззрения выделяются различные аспекты: онтологический, гносеологический, логический, аксиологический, праксеологический, антропологический, этический, эстетический и др. Однако сама его системная целостность представляется по-разному. В решении этой проблемы можно выделить различные подходы. Доминирующим в отечественной литературе пока остается предметный или структурный подход. В его основе лежит принцип организации философского знания по проблематике являющейся предметом. Исходя из формулировки основного вопроса философии Ф. Энгельсом, Т.И. Ойзерман, таким образом, выделил в философии два главных аспекта — онтологический и гносеологический [11, с. 49—128]. В.В. Миронов утверждает в качестве основных аспектов три — онтологический, гносеологический и аксиологический [10, с. 9]. Д.И. Дубровский говорит о многомерности предмета философии, считает, что указанные аспекты не охватывают всю ее проблематику. По его мнению, в ней должно выделяться четыре основных аспекта — онтологический, гносеологический, аксиологический и праксеологический [3]. Имеются и другие выделения, сочетания и вариации предлагаемых при таком подходе в качестве основных аспектов философии. Примечательно, что в их число методологический, как правило, не попадает. Чаще всего он представляется составляющей либо гносеологического, либо логического аспекта. Однако философская рефлексия по предметному основанию выделяется в каждом таком аспекте [3].

Другой, менее распространенный подход к решению данной проблемы можно назвать функционально-деятельностным. В известной мере он является противоположным первому. Этот подход представлен, например, в работах М.С. Кагана, указавшего в качестве его первоисточника работу К.Н. Любутина [5]. Выделение основных аспектов здесь опосредствуется полаганием базовых для философского мировоззрения категорий «субъект» и «объект». Причем их теоретическое осознание человеком изначально связывается с определенным уровнем развития философской рефлексии. Отмечая, что различие между субъектом и объектом имеет относительный, функциональный (ролевой) характер, авторы говорят о принципиальном значении в деятельностном отношении субъекта к объекту наличия трех аспектов — практического, познавательного и ценнос-

тного. Философская рефлексия как способ самоопределения философии подразделяется, таким образом, на праксеологическую, гносеологическую и аксиологическую.

В методологических исследованиях философской рефлексии намечен и третий подход к формированию философского мировоззрения, предполагающий, так сказать, его имманентное развитие в исторической перспективе. Попытку построить рефлексивную модель философского знания, которая должна охватывать собой все существующие философские учения, школы и системы, т. е. иметь универсальный характер, осуществил В.Л. Каганов [6, с. 173—182]. Однако, в предположенной им модели определенные выше аспекты оказываются методологическими составляющими рефлексивного подхода к философскому знанию и не имеют самостоятельного значения.

Методологическое мышление, формирующее мировоззрение, С. Попов представляет как поэтапный культурно-исторический процесс. При этом он выделяет три его фазы: «первая фаза — мышление как инструмент (способ) исчисления сущностей — Логика Аристотеля; вторая — мышление как способ создания идеальных сущностей — новоевропейская наука; третий, в создании которого участвует методология — мышление как способ создания новых миров» [12].

Как видно, в представленных подходах к формированию системной целостности философского мировоззрения философская рефлексия играет различную роль и занимает различное место. В первом из них, она определяет предметную область философии, ее специфическую проблематику и оказывается *составляющей* ее онтологического, гносеологического и др. аспектов. Во втором подходе она определяет ее концептуальный аппарат, средства решения мировоззренческих проблем, т. е. является *методом самой философии* как специфического, теоретического мировоззрения. В третьем случае, она выступает как способ самоопределения философии в культуре конкретной исторической эпохи, как участница культурно-исторического процесса. В этом отношении она оказывается *философским методом*. В таком контексте «философская рефлексия» обретает довольно тонкие смысловые различия, требующие аналитического уточнения. Причем, с точки зрения поставленной цели важно учесть не только ее многозначность, но и истинный смысл.

Наличие разных подходов в системном представлении философского мировоззрения свидетельству-

ет, кроме прочего, о возможности осмысливать его предмет с различных точек зрения. При этом обнаруживается зависимость его формы от степени развитости философской рефлексии и, наоборот. Такая зависимость отчетливо прослеживается в истории общества.

Действительно, исходная структура философского мировоззрения, соответствующая уровню обычного сознания, представляет собой отношение: человек — мир. Философская рефлексия этого отношения выражается в различных формах, но в любом случае ее результатом является, с одной стороны, — познание своей природы, т. е. познание естественного мира человеком, а с другой — формирование человеком своего духовного мира. Для такого способа самоопределения философии достаточно одномерного методологического мышления в рамках формальной логики. Его историческим образцом стала Метафизика Аристотеля.

Функциональная, деятельностная структура философского мировоззрения утверждается философской рефлексией в противопоставлении естественному миру (априорному) искусственного (апостериорного). В результате такого противопоставления возникло экспериментально-математическое естествознание и вся новоевропейская наука, которую принято называть классической. Самоопределение философии в этом случае осуществляется в рамках двухмерного — формального и содержательного — методологического мышления. Образцом такого типа мировоззрения стала философская система И. Канта [7, с. 40—43].

Функциональная, деятельностная структура философского мировоззрения выражается в рациональной форме. Взаимосвязь четырех причин бытия, указанных Аристотелем в Метафизике (материальной, формальной, действующей и целевой), здесь воспроизводится в системе отношений субъекта к объекту. Таким образом, тождество объекта и субъекта на основе объекта образует его онтологию (учение о бытии мира и человека); различие объекта и субъекта на основе объекта — гносеологию (учение о чувственном и рациональном познании); тождество субъекта и объекта на основе субъекта образует логику (учение о формах и содержании последовательного мышления); различие субъекта и объекта на основе субъекта — аксиологию (учение о ценностях, о различии сущего и должного). Способ противоречивого взаимодействия субъекта с объектом определяется здесь как метод. Причем он обретает различные формы выражения: в онтологии он представляется как средство (орудие), в логике — как путь, в гносеологии — как принцип, в аксиологии — как критерий.

Модель такой функциональной структуры можно представить в виде своеобразного логического квадрата (рис. 1).

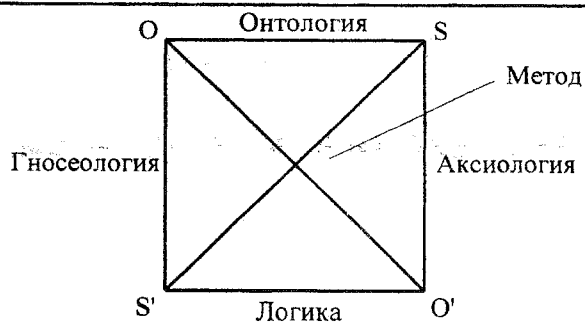

Рис. 1. Функциональная структура философского мировоззрения
S — субъект, O — объект

В системе этого логического квадрата отчетливо усматривается три пары бинарных оппозиций: O — O'; S — S' и S — O. По-видимому, их то и воспроизводит М.С. Каган в своих системных исследованиях человеческой деятельности [4, с. 85—135].

Философская рефлексия как способ самоутверждения человека в мире вводит новое — культурно-историческое измерение бытия. Таким образом, она преодолевает противопоставление естественного и искусственного, формирует смысловые структуры развивающейся системы философского мировоззрения. В методологическом мышлении выражением ее третьего измерения становится понимание содержательных форм (М.К. Мамардашвили).

Как способ самоутверждения человека в мире философская рефлексия сначала реализовалась в своих идеалистических вариантах (учения Фихте, Шеллинга, Гегеля), потом в материалистическом (марксизм). С последней трети XIX века посредством неклассической науки она осознает свою самодостаточность и начинает порождать плюрализм философских учений, направлений и школ.

Общий взгляд на всемирную историю философии показывает, что внимание философской рефлексии последовательно смещалось с природы на различные искусственные предметы, а затем на самого человека. Тем самым она расширяла свое предметное поле и увеличивала его глубину. В.С. Степин показывает, что такая последовательность характерна и для научной рефлексии при переходе науки от ее классической формы, где в центре внимания находился объект познания, к неклассической, в которой учитывается также роль средств и операций познавательной деятельности и, далее, к постнеклассической, которая «учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и ценностно-целевыми структурами» субъекта познания [13, с. 619—640]. Таким образом, современное философское мировоззрение получает и научное обоснование. Его смысловую структуру Л. Лаудан изобразил схемой треугольника (рис. 2).

Рис. 2. Триадная сеть обоснования Л. Лаудана [8, с. 227]

На основе сказанного, расхождение предметно-структурного и функционально-деятельностного подходов к проблеме системной целостности философского мировоззрения, обозначенной в начале статьи, можно истолковать как вариант проявления двухмерного методологического мышления. Но имея структурные и функциональные характеристики, мы имеем возможность учесть еще и его (мировоззрения) генетический аспект, т. е. осуществить его системный анализ в целом.

Исходя из принципиального подразделения человеческой деятельности на практическую, познавательную и оценочную функции, логично предположить, что и предметная структура мировоззренческого отношения субъекта к объекту в философии должна быть троичной. Однако, тот же М.С. Каган настойчиво возражал против этого. Он утверждал, что категории «субъект» и «объект» делят целостный мир пополам и никаких промежуточных категорий, в частности, в виде «средств», вводить не следует. «Выйти за пределы субъектно-объектного отношения деятельность не может, ибо она есть всеохватывающее отношение» [4, с. 42—43]. Вместе с тем, он далее пишет: «Относительность противоположности субъекта и объекта проявляется особенно отчетливо в том, что они способны к своего рода синтезированию, образуя такие социокультурные явления, которые нельзя назвать ни объектами, ни субъектами, но следует рассматривать как «субъектированные объекты» или как «объектированные субъекты». Как субъектированный объект для субъекта — это мир ценностей; как объектированный субъект — это культура, рассматриваемая философской рефлексией в своих специфических качествах» [5, с. 47].

Действительно, синтез субъекта и объекта может быть различным — и на основе субъекта, и на основе объекта. Однако, синтез субъекта и объекта на основе объекта, выражаемый практической деятельностью объективно, осуществляется средством. А синтез субъекта и объекта на основе субъекта, выражаемый познавательной деятельностью субъективно, осуществляется методом. При этом, и средства прак-

тической деятельности, и методы познавательной деятельности оказываются формами культуры, которая также «является связующим звеном между человеком и миром» [9, с. 56] и в этом смысле является способом самоутверждения человека в мире, способом реализации его сущностных сил. Сам способ синтеза противоположных категорий, как видно, по сути связан с переходом от двухмерного методологического мышления к трехмерному.

Как способ самоутверждения человека в мире философская рефлексия предполагает выявление реальных предпосылок, являющихся основаниями для синтеза всех парных философских категорий. Применительно к данному случаю это дело выглядит следующим образом. В предметно-структурном отношении субъекта к объекту выделяются три основных компонента: «субъект», «объект» и «способ действия». Способ взаимодействия субъекта с объектом определяется как средство. Так, в их взаимодействии по формуле $S — O — S'$ «средством» является объект, по формуле $O — S — O'$ «средством» является субъект. Исходные и конечные пункты в этих формулах, соответственно, могут обозначаться как «цели» и «результаты».

Однако, в роли «средства» может выступать и сам способ действия. Например, игра нередко оказывается средством обучения. Причем способ действия определяется в отношении субъекта к объекту. Самостоятельно в отношении к субъекту он выступает как «цель», в отношении к объекту — как «результат». С другой стороны, и средство может быть в роли «способа действия», поскольку оно опосредствует, т. е. связывает (и одновременно разделяет). Противоположным является непосредственный способ действия. Именно в роли способа действия средство становится элементом культуры, которая, по мнению К. Леви-Строса, начинается с правила.

Система элементарных действий образует деятельность. Как сказано, деятельность также имеет три основные ипостаси. В отношении к объекту она определяется объективно, т. е. в онтологическом аспекте и предстает как предметно-практическая деятельность, практика. В отношении к субъекту она определяется субъективно, в гносеологическом аспекте и предстает как познавательная. В отношении субъекта к объекту деятельность определяется в аксиологическом аспекте и предстает как оценочная. Таким образом, практическая, познавательная и оценочная деятельность образуют функционально-деятельностную структуру субъектно-объектного отношения.

Известно, что генетически исходной является трудовая деятельность. В ней различные аспекты не дифференцируются. Вместе с тем, ее специфическая структура оказывается основополагающей для всех других типов деятельности. Она обычно представляется категориями «цель», «средство», «результат».

тат» [15]. Генетическую связь базовых категорий философского мировоззрения с категориальной структурой лежащей в его основании в трехмерном виде можно представить так (рис. 3).

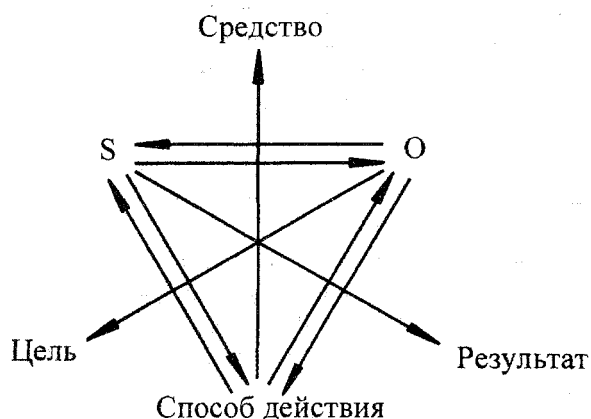

Рис. 3. Связь категориальных структур философского мировоззрения
S — субъект, O — объект

Структура «цель — средство — результат» является инвариантой для всех форм и видов практической, познавательной и оценочной деятельности. Однако, функции элементов этой структуры в них различны. Так, целью практической деятельности является материальное преобразование объекта. Достижение ее цели осуществляется с помощью таких средств, как орудия, техника и т. д. Результатом практической деятельности является материальный продукт, определяемый целью. Целью познавательной деятельности оказывается идеальное приспособление к объекту, т. е. его адекватное отражение или истина; ее средством — различные методы, а результатом — знание. Целью оценочной деятельности является определение ценности объекта; средством — установленные критерии, результатом — положительные и отрицательные оценки.

Далее, философская рефлексия позволяет определить функциональные характеристики каждого элемента этой деятельностной структуры. Их функционирование в различных формах и видах практической, познавательной и оценочной деятельности также инвариантно. Таким образом, выявляется новая глубинная мировоззренческая структура. Например, метод познания обретает особые функциональные характеристики определяясь: в практической деятельности — как технология, в познавательной деятельности — как способ решения проблем, в оценочной деятельности — как норма. Система: технология — способ решения проблем — норма является особой методологической структурой деятельности. Функции ее элементов также имеют особенности в различных формах и видах деятельности. Рефлексивный процесс выявления глубинных мировоззренческих структур бесконечен. В силу

мировоззренческой специфики эти структуры являются предельными основаниями человеческой деятельности. В настоящее время их выявлено немало и называются они по-разному: «априорные схемы», «методологические схемы», «неявное знание», «предпосылочное знание», «парадигма», «картина мира», «стиль мышления», «эпистема», «матрица», «категориальные структуры», «универсалии культуры»... В.С. Швырев удачно называет их «порождающими механизмами» [16, с. 134—136].

Выявление этих глубинных структур, порождающих механизмов сопровождается специализацией философской рефлексии. Однако, как родовое начало, в своих формах, видах и разновидностях она сохраняет свою специфику.

Как и любой иной, генетический анализ человеческой деятельности, осуществляемый философской рефлексией, представляет собой ее расчленение на срезы или аспекты. Причем, в различных функциональных отношениях деятельность рассекается с точки зрения самого субъекта, «изнутри» — «по вертикали». В структурных отношениях она рассекается с точки зрения объекта, «извне» — «по горизонтали». Переход этих аспектов друг в друга, осуществляемый разными способами, можно представить с культурно-исторической точки зрения или с точки зрения средств.

Общая картина такого генетического анализа представляется иерархической трехгранной пирамидой с расширяющимся основанием. На ее вершине оказывается философская рефлексия, а ее стороны означают субъектные, объектные и культурные характеристики саморазвивающейся системы человеческой деятельности.

Среди компонентов культуры, как сказано, находится и такой ее элемент, как метод. Метод тоже обретает специфические функции в различных типах и видах деятельности. Философская рефлексия над его основаниями обычно называется философско-методологической рефлексией. В этом плане она определяется как методология — в смысле учения о методах. Философская методология как учение (теория) *строит* свою, аналогичную пирамиду методов. В ней в настоящее время выделяются три основных уровня: философский, общенаучный и частнонаучный. Последний конкретизируется вплоть до методик и операций [14, с. 41—45, 312—314]. На вершине этой пирамиды философская рефлексия определяется рационально — в форме диалектического метода [17, с. 86—88, 171—175]. В философско-методологической рефлексии Гегеля он, как раз, и расширяется в систему [1, с. 304].

Таким образом, мы видим существенное различие между рефлексией как методом (способом) философии и рефлексией как философским методом в его научной, рациональной форме. Причем их различие также относительно, поскольку диалектический метод рефлексивен, а философская рефлексия

диалектична [9, с. 37; 16]. Однако философская рефлексия как метод не только диалектична, но и прагматична — указывает К. Льюис [18].

Действительно, выявляя предшествующие всякому опыту его исходные мировоззренческие основания (в виде порождающих механизмов, категориальных структур, универсалий), она использует их как принципы и критерии в культуротворческом процессе. В этом отношении она реально является участницей культурно-исторического процесса — определяет его параметры, основные направления и ориентиры [14; 16, с. 132; 17, с. 83—93]. Воспроизводящая функция философской рефлексии здесь реально оборачивается [2, с. 206—229] ее производящей функцией. С другой стороны, производящая рефлексия в новых формах культуры воспроизводит свои предпосылки.

Воспроизводящая и производящая рефлексия, очевидно, имеют различную временную направленность. Но само их взаимное оборачивание осуществляется всегда актуально.

И как мировоззренческая теория, и как теоретическое мировоззрение философия подразделяется на фундаментальную (метафизика) и прикладную. В этом плане обнаруживается ее родство с фундаментальной и прикладной наукой. В фундаментальной философии очевидно господствует воспроизводящая рефлексия, в прикладной — производящая. Родовая идентичность прикладной философии с прикладной наукой позволяет конкретизировать характер производящей функции философской рефлексии.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1972. — Т. 3. — 371 с.
2. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание: коллективная монография / отв. ред. Е.Я. Режабек. — Ростов-на-Д. Изд-во Ростовского ун-та, 1983. — 240 с.
3. Дубровский, Д.И. О специфике философской проблематики и основных категориальных структурах философского знания / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. — 1984. — № 11. — С. 62—68.
4. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. — М.: Политиздат, 1988. — 319 с.
5. Каган, М.С. Проблематика субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии / М.С.

Каган // Философские науки. — 1980 — № 4 — С. 40—49.

6. Каганов, В.Л. Рефлексивная модель философского знания и культура (методологический подход) // Философия и ее место в культуре: сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Донских, А.Н. Кочергин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. — С. 173—182.

7. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. — СПб.: Наука, 1999. — 471 с.

8. Лаудан, Л. Главы из книги «Наука и ценности» / Л. Лаудан // Современная философия: хрестоматия / составление, перевод, вступ. статья, вводные замечания, комментарии А.А. Печенкина. — М.: Наука, 1994. — С. 197—229.

9. Лойфман, И.Я. Мировоззренческие штудии: Избранные работы / И.Я. Лойфман. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. — 100 с.

10. Миронов, В.В. Предисловие. Философия как рационально-теоретическое знание и наука // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. — М.: Гардарики, 2006. — С. 5—12.

11. Ойзерман, Т.И. Главные философские направления: (Теорет. анализ ист. филос. процесса) / Т.И. Ойзерман. — 2-е изд., доработ. — М.: Мысль, 1984. — 303 с.

12. Попов, С. Организационно-деятельностные игры: мышление в «зоне риска» / С. Попов // Кентавр. — 1994. — Вып. 12. — № 3. — <http://www.circle.ru/entavr/noms2.html>.

13. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

14. Степин, В.С. Философия и образы будущего / В.С. Степин // Вопросы философии. — 1994. — № 6. — С. 10—21.

15. Трубников, Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н.Н. Трубников. — М.: Высшая школа, 1986. — 148 с.

16. Швырев, В.С. Теория познания и методологический анализ науки // Гносеология в системе философского мировоззрения / отв. ред. докт. филос. наук В.А. Лекторский. — М.: Наука, 1983. — С. 123—148.

17. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки: монография / Э.Г. Юдин. — М.: Наука, 1978. — 391 с.

18. Mind and World-Order. Outline of a Theory of Knowledge by C.Lewis. — http://www.amazon.com/gr/product/1417908920/gid=1151640543/sr=2-2/ref=pd_bbs_b_2_2/002-6661974-5356026?s=books&v=glance&n=283155.

ДИАЛЕКТИКА РАССУДКА И РАЗУМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современный цивилизационный процесс характеризуется необычайно быстрым и всё более ускоряющимися качественными изменениями всех сторон человеческой жизни. Данный процесс получил обозначение глобального.

В основе глобального изменения бытия человечества лежат два основополагающих фактора: Первый — интенсификация естественно-научного знания, рост и всепроникающее значение современных информационных технологий. Более того, информационно-технологические возможности распространения и воплощения не просто качественно изменяют условия бытия человека, а изменяют само человечество. В связи с чем возникает отнюдь не чисто теоретический вопрос: Куда устремляется человечество, каким оно хочет быть и каким оно хочет сохранить себя.

Вторым основополагающим фактором глобальных изменений в современном цивилизационном развитии является ориентация на прагматизм, возможности которого в условиях наличия почти универсальных информационно-технологических средств воплощения становится самоцелью. Причиной таких процессов является изменение диалектики в сфере сознания современного человека между рассудком и разумом, утрачивается единство между ними.

В связи с этим в современной ситуации и в длительной исторической перспективе весьма затруднительно ответить на вопрос: Каковы перспективы будущего человечества и какие гуманистические цели оно преследует. Одним словом современному цивилизационному процессу присуще внутреннее фундаментальное противоречие. Всё более усиливается тенденция к прагматизму, который ориентируется на достижение лишь успеха в какой-либо области. С другой стороны человечество сталкивается с возрастанием дефицита нравственности и гуманизма. Или, по крайней мере, и тот и другой вытесняются на периферию бытия. Эта тенденция носит не частный, а глобальный характер.

Как известно, человеческая история есть нечто иное как результативный процесс воплощения того знания, которым располагает человечество. Само же знание есть результат деятельности человеческого интеллекта и сознания. В общепринятом философском смысле под интеллектом понимается наличие разума, способности к продуктивной мыслительной деятельности, направленной на получение знания о чём-либо, особенно научного знания [5, с. 181].

Интеллект приобретает конкретную форму бытия в виде сознания. Поэтому стало традицией понимать познавательный процесс как деятельность сознания. Само же сознание включает в себя деятельность рассудка и разума и материализующихся в форме чувственных и умственных образов знания о мире и законах его бытия, а так же знания о самом человеке [5, с. 423].

Но интеллект и сознание являются сложными, включающими в себя деятельность рассудка и деятельность разума, между которыми, как сторонами целостности, нередко, а в практике бытия почти постоянно возникают противоречия, хотя они призваны дополнять друг друга. Например, И. Кант подчёркивал, что «познание начинается с чувства, переходит к рассудку и заканчивается в разуме и выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцания и для подведения его под высшее единство мышления» [3, с. 211].

В тоже время, как рассудок стремится к познанию конечного, в чём, по Канту, и состоит его ограниченность в практике человеческого бытия рассудок преимущественно ориентирован на субъективные, частные, эгоистические потребности и интересы, а потому и знание рассудок вырабатывает такое, которое соответствует им. Но высшей инстанцией для человека является не рассудок, а разум. Ибо его призвание состоит в том, чтобы давать человеку универсальные принципы бытия, а также и всему человечеству. «Разум, — действительно подчёркивает И. Кант, — старается свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу (общих условий)». То есть, создание таких принципов бытия человека и человеческого рода, которые бы носили абсолютно безусловный характер. Такими универсальными принципами, по И. Канту, могут быть только принципы нравственных императивов, которые вырабатывает не рассудок, а разум [3, с. 214—224].

Именно эти императивы, по Канту, позволяют минимизировать эгоистические устремления человека «заложённых в человеческой природе и неопределимых по степени» [3, с. 218—219]. Как известно, высшей формой проявления эгоизма в человеке выступает безудержная алчность.

Конечно, противоречия, а нередко и конкуренция между рассудком и разумом всегда присутствует в сфере сознания людей в реальном процессе социально-исторического бытия, хотя в различных культурах по разному. Например, между целями

бытия, которые вырабатываются разумом и средствами, которые вырабатываются рассудком. Многообразие реально существующих средств достижения цели приводит нередко к деформации и искажению самой цели.

Как бы средства оправдывают любую цель. В чём, на наш взгляд, и выражается сущность прагматизма, ведущего в тенденции к алчности. Усиление и возрастание возможностей техники, современных информационных технологий особенно в сфере практического применения научного (да и любого) знания создают всё большие напряжения в диалектике рассудка и разума в современном цивилизационном процессе.

По мнению К. Ясперса, целью современной цивилизации становится достижение таких условий, «...чтобы бытие человека сделать более удобным для самого человека, его необходимо сделать более технологичным» [7, с. 345—398].

Современная цивилизация как бы направлена лишь на потребительскую сторону бытия, а не смысловую, отвечающая на вопрос: «Каково предназначение человека и человечества?» Происходит невольная подмена и деформация ценностей. Свобода бытия сводится к комфорту бытия и его доступности. И сферы свободы изымаются нравственно-этические импнативы и заменяются императивами удобства и комфорта бытия, что в реальной практике бытия приводит к нравственной нейтральности в отношениях между людьми, к нравственной безучастности.

Как небезосновательно подчёркивает Г. Гадамер «Сама техника (но особенно современные информационные технологии и производство – Г. Ч.) уже потому, что она представляет собой науку в действии, контролю не поддаётся [2, с. 55]. Современные информационные, в сущности которых воплощается научное знание, добываемое рассудком, становится и мощным средством манипуляции не только поведением людей, но и их бытия.

Как бы продолжая мысль Гадамера, К. Поппер отмечает, что возрастание технологизации всех сторон жизни в современной цивилизации может привести к тирании и стать всемогущим человеческим фактором, который всё более апеллирует к рассудку, чем к разуму, к частно-эгоистическому интересу, капризы нескольких людей или нескольких стран могут довлеть над всеми остальными. В современном цивилизационном процессе это можно рассматривать уже как устойчивую тенденцию.

Даже такой выдающийся современный писатель фантаст и философ как Рей Бредбери, несмотря на оптимистический характер своих произведений, в одном из последних своих интервью с тревогой отмечает: «...можно заметить и в моих произведениях, где машины зачастую являют собой врага человека. Машины ограничивают нашу свободу, хотя призваны её расширять. Прогресс неизбежен. Глав-

ное, чтобы этот прогресс не раздавил человечество» [1, с. 21].

Глобальный процесс информационной технологизации становится угрозой для пересмотра или деформации фундаментальных общечеловеческих ценностей, призванных к сохранению человеческого рода как такового, сохранению нравственных начал человека. Так нередко понятие полезности становится синонимом нравственности, а ценность человеческих отношений заменяется принципом — насколько мы полезны друг другу, настолько мы гуманны и человечны. Под воздействием универсальных информационных технологий, которые становятся всепроникающими и в области общественной жизни, нередко подменяется и понятие разумности, ядром которой И. Кант считал нравственность, добро и благо.

В современной цивилизации всё более распространённым становится иное понимание разумности. Разумным считается всё то, что технологически воплощаемо и достижимо. Разумность как ценность нравственно-этического порядка как бы удаляется на периферию бытия человека, утрачивает своё необходимое универсальное значение и изымается из повседневной жизни.

Если прагматизм базируется только на императиве полезности и из него изымается всякое присутствие нравственных начал и требований, то такой прагматизм и принцип полезности становятся цинизмом. Хотя он, как таковой, в практике повседневной жизни и может быть руководством в действии, не всегда осознаваемый людьми, но неотвратимо приводит к отсутствию нравственного содержания как в самом действии, так и в его результате.

Расхождение между рассудком и разумом, а нередко и их противопоставление придаёт иное содержание современному цивилизационному процессу. Он становится как бы неразрешимым противоречивым единством: с одной стороны несомненен научно-технический, информационно-технологический прогресс, тотально влияющий на все стороны человеческого бытия, на взаимодействие человека и природы в глобальном масштабе, а с другой стороны мы наблюдаем явную деградацию человека и человечества, связанную с минимизацией разумности, нравственности в угоду прагматизму, полезности утилитарного порядка.

В современном цивилизационном процессе возрастает к универсализации технико-технологического и информационно-технологического воплощения и применения научного знания на все стороны бытия человека, человечества и природы как таковой. Насколько нравственно готово человечество противопоставить трансцендентно-имманентной экспансии современных технологий, границы которых всё более становятся неочевидными, сумеет ли найти разумные и нравственные императивы контроля.

Ещё с эпохи Просвещения утверждалась основополагающая идея о том, что развитие научного знания, техника как адекватная форма бытия человеческого разума обязательно приведут и к прогрессу всех сторон человеческого бытия: социальному, экономическому, культурному и, конечно же, нравственному. Как показала дальнейшая история, человечество добилось действительно впечатляющих успехов в социально-экономической жизни, создала всё больше возможностей для комфортного, цивилизованного бытия человека, расширяя сферы социально-экономических и политических свобод. И в то же время, человечество в XX веке пережило две мировые войны, катастрофические по своим последствиям именно в силу применения научно-технических достижений в ведении войны. В силу расхождения между рассудком и разумом, о возможных отрицательных предупреждал И. Кант, человечество оказалось нравственно-этически не готово для предотвращения этих войн. Сила рассудка апеллирующего к частно-эгоистическому интересу, возделение прагматизма были противопоставлены доводам разума, ядром которого являются нравственность, добро и благо. И лишь оказавшись на краю гибели, человечество сумело обратиться к разуму и выработать универсальные нравственные императивы противодействия «мировому злу» и победить его.

И в XXI веке человечество сталкивается с новыми вызовами, которые оно само и порождает. Таким вызовом становится проблема смысла, целей и будущего человечества, которая приобретает всё более актуальное значение не только в теоретическом, но скорее в практическом плане. «Овеществлённое» знание, являющееся продуктом деятельности, обладающее практически неограниченными возможностями информационного и технологического воплощения и распространения, приобретает черты самостоятельной, суверенной, трансцендентальной реальности, стремящейся к тотальному самоутверждению, независимости от человека. Настоящее и будущее человеческой цивилизации в значительной степени, если не во всём, определяется требованиями виртуальной реальности постиндустриальных и постинформационных технологий. Расхождение, разрыв между рассудком и разумом порождает дефицит предсказуемости будущего человеческой цивилизации. В связи с этими новыми обстоятельствами бытия современной цивилизации возникает и такой фундаментальный вопрос — каким может стать человек. Это особенно актуально в постоянно ускоряющемся историческом процессе качественного изменения развития человеческой цивилизации. Как отмечает К. Ясперс «... То, что надлежит показать в образе настоящего, никогда не бывает этим настоящим полностью. Каждый живёт в мире ещё не осознанных возможностей» [7, с. 345].

Но всё же кое что о современном человеке мы можем сказать. Человек вынужден жить в обществе

«массового потребления», основанном на высокотехнологических рыночных отношениях. «Человек в реальной жизни становится востребован как потребитель различных благ. И в этой ситуации люди не отличимы как личности по своей сущности друг от друга. Люди утрачивают тягу к духовной жизни и, как следствие, интерес друг к другу. Человек-потребитель легко становится толпой. Тогда связь (между людьми — Г. Ч.) относительна, её можно разорвать, она всегда лишь временна, и безусловность всегда воспринимается как не имеющая к делу патетика в такой условности хаоса. Поэтому сегодня вызывают к новым связям, к авторитету и церковной религиозности», — отмечает К. Ясперс [7, с. 403]. Данная ситуация характерна и для современной России. Бытие Человека для современного человека становится «борьбой без флангов» как образно отмечает К. Ясперс. И «... человек теряется от путаницы в фронтах борьбы» [7, с. 397]. Как мы уже отмечали, дефицит предсказуемости будущего человеческой цивилизации всё более возрастает. И это связано, на мой взгляд, с тем, что человечество всё более апеллирует к возможностям научно-технологического развития и экономической эффективности, чем к разуму, опирающегося на нравственные императивы как основу самосохранения человечества. Возникает парадоксальная ситуация: человечество стремится к непредсказуемому будущему, которого оно и опасается.

Противоречия и расхождения рассудка и разума в современном цивилизационном развитии порождает усиление в ней присутствия иррационализма и его многообразных форм, необычайно разросшихся и проникающих во все сферы общественной жизни. Ему подчас доверяют больше, чем разуму, в том числе научному. Суеверие в современной повседневной жизни довольно распространённое явление, проникающее во многие сферы жизни, уводящее от разумного, рационального понимания противоречивых процессов в развитии современной цивилизации.

В условиях усиливающегося расхождения между рассудком и разумом, в условиях всё большего давления современной техногенной цивилизации на человека люди всё чаще обращаются к вере и не обязательно к религиозной, а к предрассудкам и суевериям, никак не апеллируя к разуму.

И всё же и в современном крайне противоречивом цивилизационном процессе человек должен оставаться самим собой, то есть, родовым существом. Но для того, чтобы быть самим собой, человек нуждается в позитивно наполненном мире. «Если этот мир пришёл в упадок, идеи кажутся умершими, то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своём сознании не обретёт в мире вновь идущую ему навстречу идею» [7, с. 399]. В условиях современного цивилизационного процесса необходимо выработать новую «идею, концепцию» человека, чтобы сохранить единство человека и мира, а не конкурен-

цию человека и мира, человека и природы. В современной цивилизации до сих пор человек преимущественно рассматривается как покоритель и потребитель природы, которая уже не в состоянии противостоять давлению современного информационно-технологического мира и информационно-технологического производства. Что является одним из следствий расхождения рассудка и разума. Современная цивилизация достигла впечатляющих успехов в повышении комфорта бытия человечества, в области здравоохранения, в развитии различных биотехнологий, которые с одной стороны совершенствуют условия бытия людей, а с другой используют человека для собственных манипуляций. В связи с этим возникает вопрос — что же такое современная цивилизация: прогресс или деградация?

Литература

1. Брэдбери, Рей. Я считаю Марс своей родиной / Рей Брэдбери // Российская газета — 20 июня 2007. — № 155 (4418) — С. 21.
2. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного / Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991 — 367 с.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. — СПб. : Тайм-Аут. — 1993.
4. Поппер, К. Ницета философии / К. Поппер // Вопросы философии. — № 7—8. — 1994.
5. Философский энциклопедический словарь / ред. Е.Ф. Губский. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 575 с.
6. Яблоков, Н.Н. Религиоведение / Н.Н. Яблоков. — М. : Гардарики, 2005.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Республика, 1994. — 527 с.

РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ

ИСТОРИЯ

УДК 930.85
ББК ТЗ(2Р37)

Балакин В.С. Специфика социокультурного развития советской науки (1950-е — 1970-е годы). В статье раскрываются особенности социокультурной динамики советской науки. Раскрывается взаимодействие внешних социокультурных и когнитивных факторов научного знания. Определяется сущность «организованной науки» и личностные факторы ее развития. Обосновывается роль менталитета в научном творчестве.

УДК 378
ББК 4 481.00

Балакин В.С. Балакина Л.П. Человеческий капитал и развитие индустрии Урала. В статье анализируется роль социального, человеческого аспекта в развитии Уральской промышленности. Автор анализирует отношение властей и общества к человеку и его работе в течение различных исторических эпох. Подробно проанализирована динамика и структура интеллектуальных ресурсов Уральского региона, как компонента человеческого капитала. Раскрывается роль потенциала высшей школы в накоплении знания и их применении, показано значение экономической политики в наращивании человеческого капитала и его эффективном использовании.

УДК 73.01(5)
ББК Щ135.55

Деменова В.В. Мир буддийской металлической скульптуры. В статье рассматривается мир буддийской бронзовой пластики как целостное явление, включающее в себя творческий процесс, концептуальность материала и другие аспекты ее создания и бытования. Материалом, иллюстрирующим данные положения стала коллекция буддийской бронзы Свердловского Краеведческого Музея.

УДК 711.8
ББК ТЗ(2Р36) + У9(2Р-4Че) + У9(2)44

Журавлева В.А. Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения края в 20—30-е годы XX века. В работе рассматривается становление и развитие городского хозяйства Урала. Особое внимание уделяется строительству водопровода, канализации, транспорта, озеленению городов, созданию коммунальных предприятий. Показано влияние степени развитости коммунального хозяйства на естественное воспроизводство горожан.

УДК 378 + 622
ББК Ч481

Куликовских С.Н. К вопросу о профессиональной подготовке кадров для Златоустовских горных заводов (конец XIX — начало XX вв.). Исследование путей влияния западноевропейских и восточных культурных традиций на формирование и развитие Златоустовской школы художественного металла предполагает рассмотрение вопроса подготовки квалифицированных кадров. Златоустовская оружейная фабрика и заводы Златоустовского горного округа, где уже в первой половине XIX века зародились уникальные виды декоративно-прикладного искусства, к середине столетия сформировались не только как промышленные, но и культурные центры Урала, на которых в разные годы работали их воспитанники — талантливые выпускники Императорской Академии художеств.

Во второй половине XIX века вопрос профессиональной подготовки кадров для старейших промышленных предприятий Южного Урала получил новое развитие. Проведенное исследование позволило выявить новые архивные материалы, открыть новые имена воспитанников Строгановского училища технического рисования, уточнить биографические сведения. Были выявлены замечательные произведения мастеров Златоустовской школы художественного металла второй половины XIX века. Открыта новая страница в истории искусства, технологии и технике промышленного Урала.

УДК 72(075.8) + 72.03 (075.8)

Пономаренко Е.В. Особенности формирования церковей городов-заводов Южного Урала в XVIII — первой половине XIX вв. В статье рассматривается процесс эволюции церковных зданий на Южном Урале. На основе воспоминаний очевидцев XIX в., архивных изысканий в Российском государственном историческом архиве и анализа чертежей зданий выявляются архитектурные особенности церковей. В свете практики архитектурного проектирования анализируется наследие Южного Урала.

УДК 378
ББК Ч482

Свистунов В.М. К вопросу истории строительства и планировки Верхне-Кыштымского завода 1755—1815 гг. В статье представлено исследование первоначальной истории строительства Верхне-Кыштымского завода. На основе анализа выявленных архивных документов, исторический планов XVIII в. и современного обследования ряда культовых, промышленных, гражданских объектов г. Кыштыма, сделана попытка реконструкции их первоначальной планировки, строительства. В первую

очередь это относится к характеристике выбранного места под завод, к планировочной структуре его селитебной части, заводским плотинам, господскому дому, дозорным (сторожевым) башням.

ББК ТЗ(2)-27

Сёмочкина Е.И. Периодизация истории российской эмиграции. Статья посвящена периодизации всего многовекового процесса российской эмиграции. Предпринята новая попытка определить хронологические рамки для трех основных периодов истории эмиграции из Российской империи, Советского государства, и современной России. Также рассматривается и одна из наиболее дискуссионных проблем современной отечественной историографии: что такое волны эмиграции, сколько их было и когда.

ББК Ш5(2р-4Че)6-32 + Ш5(2)6-32

Сибиряков И.В. Челябинское отделение Союза советских писателей в первые послевоенные годы. Статья посвящена одной из самых слабоизученных проблем истории Южно-Уральской художественной интеллигенции. В ней проанализированы основные направления работы челябинского отделения союза советских писателей в первые послевоенные годы. Особое внимание в статье обращено на проблему взаимоотношений региональных партийных органов и художественной интеллигенции Южного Урала в 1945—1953 гг. В статье рассматривается как позитивный, так и негативный опыт решения социально-экономических проблем творческой интеллигенции Южного Урала, накопленный региональным отделением Союза советских писателей в эти годы.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК Ф4(0)

Герман В.А. Парадигмы региональной национальной политики и проблемы совершенствования национальных отношений. В статье рассматривается региональная национальная политика в контексте реализации Программы национальной политики. Раскрываются методы организации системы для реализации программы региональной политики. Автор определяет основных субъектов организующих процесс реализации этой Программы, а также цель и задачи, которые необходимо решить по мере реализации проекта.

ББК Ф01

Евсеев И.В., Хвощев В.Е. Политический курс по вопросу о количестве заключенных в сталинской исправительно-трудовой системе. В статье рассматривается вопрос о масштабах политических репрессий в сталинских лагерях, предпринимается попытка разделить уголовное и полити-

ческое делопроизводство того времени, проанализировать имеющиеся расхождения исследователей в оценках исправительно-трудовой системы.

ББК Ф01

Лукина Ю.А. Сущность политического времени. В статье рассматривается феномен политического времени, дается его сравнительный анализ со временем социальным, определяются характеристики временных событий. Автор статьи приводит противоположные точки зрения на понятие политического времени и пространства, распространенные в современной отечественной политологии.

УДК 94(4)

ББК ТЗ(4Г)6

Медведева Н.В. Международная деятельность в системе высшей школы — одно из основных направлений развития современных международных отношений. В статье изложены представления автора о месте и роли международных связей высшей школы в общей системе международных отношений, описаны основные общие и отличительные характеристики исследуемого явления по отношению к общему понятию «международные отношения».

ББК Ф4(0)38

Петров В.И. Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации. В статье предпринята попытка на основе обширного материала проанализировать новые тенденции развития международного терроризма, связанные с процессом глобальных изменений в мировой политике и международных отношениях. Большое внимание уделяется определению терроризма как общественного явления и соответствующего научного понятия. Автор пытается обобщить появившиеся в литературе характеристики и показатели «нового терроризма», выявить его особенности и отличия от «старого», связать со спецификой изменившегося мирового порядка.

ББК Ф01 + Ч6

Прилукова Е.Г. Политический мир как виртуальная реальность. Современные средства массовой информации все чаще берут на себя функции политической власти, в результате чего, по нашему мнению, происходит виртуализация политической жизни. Мы видим в современных медиа-технологиях силу, создающую виртуальную реальность и управляющую обществом.

Все телевизионные образы, несмотря на их жанровые различия, представляют на телеэкране вереницу сюжетов, сливаясь в единое целое. Мир на экране выглядит как единая нескончаемая серия. Реальность порождает новые мифы, которые представляет телеэкран, что особенно ярко видно в после-

днее время в детских подвижных играх: все чаще встречаются герои из видеофильмов (ниндзя, инопланетяне, киборги).

Телевизионные образы *задают* реальность, *формируют* социальные представления и *создают* возможность для формирования общества тотального контроля.

ББК Ф06 + Ф01

Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Дискурс политического бренда. В статье рассматриваются проблемы формирования отношения к политическим брендам, в частности, в дискурсивном поле. Устойчивость политического бренда зависит в большей степени от организации коммуникационного процесса, который создает уникальные, идентифицируемые и запоминающиеся имена и символы, которые отражают позиционирование бренда. На этом уровне проявляет себя политический дискурс.

Создание определенного отношения является ключевым эффектом дискурса, состоящим из когнитивного и эмоционального компонентов, мнения и чувства.

Политическая структура стремится обладать качествами бренда, что означает попытку завоевать лояльное отношение посредством методов и инструментов самопрезентации, базовый дискурс-анализ которой можно представить на примере современных отечественных политических акторов.

ББК Ф06

Сазонов В.О. Формирование научного фундамента ядерной безопасности России в первой трети XX в. Статья посвящена проблеме развития научных знаний в области внутриатомной энергии радиоактивных элементов в России. Период первой трети XX века явился началом открытий внутриатомной энергии и сопутствующих ему явлений в физике. Это время развития научных направлений и школ в этой области исследований, создания фундаментальных знаний, ставших со II половины XX века основой ядерной безопасности России.

ББКФ01:Ю + Ю3(0)

Хвощев В.Е. Идеи активности и самодвижения в учении об эманации Прокла Диадоха. Прокл Диадокх (412—485 гг.) — малоизвестный в России представитель неоплатонизма. Однако в его теологических опусах при внимательном прочтении открываются фундаментальные представления о материи и самодвижении, которые через много веков составили основу теории активности человеческого сознания и материальных образований. В статье делается попытка дать оценку эманационному учению Прокла как основополагающему для научного материалистического понимания мироздания.

ФИЛОСОФИЯ

ББК Ю51

Вишев И.В. Философия науки и проблема ее гуманизации. Обсуждение опыта преподавания нового аспирантского курса «История и философия науки» является исключительно актуальной задачей. Главное сегодня — ответственное отношение к реализации его несомненного потенциала для философской подготовки молодых ученых. Важный аспект курса — проблема его гуманизации, которая прежде всего решается посредством рассмотрения реальной достижимости личного бессмертия и воскрешения человека в контексте иммертогуманизма и трансгуманизма.

УДК 510.21

Григорьева Л.М. Понятие функции: к проблеме существования объектов математической теории. Проблеме существования объектов математической теории имеет решающее значение для судеб математики. С привлечением обширного материала из истории математики в статье делается попытка рассмотреть закономерности развития математического знания на примере понятия функции.

ББК Ю3

Зарубина О.А. Принцип персональности в морали и праве: встреча Соловьева с Кантом. В статье предпринята попытка осветить проблему персональности в морали и праве через сопоставление подходов И. Канта и В.С. Соловьева.

В естественно-правовой концепции Канта принцип персональности обосновывается в рамках индивидуальной этики с позиций категорического императива. В философии права Соловьева — в русле социальной этики через формулу естественного права: «свобода, обусловленная равенством»

В статье проводится сравнительный анализ воззрений обоих мыслителей и выявляется их единство в рассмотрении самооценности каждой личности.

ББКЮ217 + Ю717 + Ю66

Кашапов Ф.А., Терентьев О.В., Цейслер В.Э. Здоровье как ценность: культура и биоэтика. В статье анализируется проблема ценности здоровья человека в контексте культуры и биоэтики. Показано, что здоровье в системе мировоззренческих ценностей является важнейшим ориентиром личной жизни человека, так как выступает условием реализации его творческого потенциала. В статье обосновывается мысль о том, что эффективное решение проблемы здоровья возможно только на основе междисциплинарного подхода, разрабатываемого в рамках научной философии.

ББК Ф02 + Ю3(2)51 + С55.4/5

Мионов Е.В. Политическая концепция Б.Н. Чичерина и конституционный процесс в современной России. Главной темой для Чичерина, как политического мыслителя и гражданина, было торжество конституционализма в России. Субъектом конституционного процесса в России он полагал государственную власть, опирающуюся на просвещенное дворянство, в виду слабости российского общества. В современной России главным субъектом конституционного процесса также оказалось государство при равнодушии широких общественных слоев. Это делает концепцию Чичерина вполне адекватной для анализа конституционного процесса в современном российском обществе.

ББК Ю3(4Г)5-563.1/2 + У02(4Г) + Ч113

Русских Л.В. И. Кант о взаимодействии культуры и экономики. В данной статье рассматриваются основные особенности понимания экономики и культуры в классической немецкой философии и, в частности, в работах И. Канта. Значительное внимание уделено анализу взаимосвязи культуры и экономики. Освещается основной принцип кантовского понимания этой взаимосвязи: верховенство нравственности над экономикой.

ББК Ю22 + Ю251.1:С

Сидорова У.В. Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект. В статье автор обращает внимание на одну из главных задач современной эпистемологии (учения о научном познании) — преодоление натурализма в познании. Исходя из этой установки, автор пытается проанализировать эпистемологические основания герменевтики, взятые в историко-философском аспекте, а также рас-

смотреть эволюцию герменевтических идей, которые проясняют особенности герменевтического образа науки.

УДК 572:008.001

Страхова К.А. Проблема равенства полов в конфронтации антифеминизма и феминизма. Рассматривается антифеминистская критика идеи равенства полов в феминизме. Отмечается присущая отечественному культурному постмодерну тенденция к биархату, которая способна снять актуальность конфронтации феминизма и антифеминизма. Делается вывод, что оснований «войне» полов российский мультикультурализм не дает.

ББК Ю2 + Ю251 + Ю251.54 + Ю959.18

УДК 101 + 140.8 + 101.8

Усов В.Н. Рефлексия как способ философского мировоззрения. В современных представлениях философского мировоззрения рефлексия играет различную роль. Во-первых, она определяет предметную область философии, ее специфическую проблематику. Во-вторых, она определяет ее концептуальный аппарат, средства решения мировоззренческих проблем. В-третьих, она выступает как способ самоопределения философии в культуре конкретной исторической эпохи, как участница культурно-исторического процесса.

ББК Ю217 - Ю223.3 - Ю517

Чистов Г.А. Диалектика рассудка и разума в контексте со временной цивилизации. В статье анализируются противоречия между рассудком и разумом как сферами сознания и мышления. Показывается, в современном цивилизационном процессе приводит к нарастанию противоречий как в самом цивилизационном процессе, так и в бытие человека, что приводит к негативным и необратимым последствиям.

SUMMARY

HISTORY

Balakin V.S. Specificity Sozialkulture development of the Soviet science in 1950—1970. In article features sozialkulture dynamics of the Soviet science are opened. An interaction external социокультурных and когнитивных factor of scientific knowledge is opened. The essence of “the organized science” and personal factors of its development is determined. The role of mentality in scientific creativity is proved.

Balakin V.S., Balakina L.P. The human capital in development of the industry of Urals Mountains. This article analyzes a role of the social subject in development of the industry of Urals Mountains in XX century. The Author analyzes the attitude of authorities and societies to the person and its work during various historical epoch. The author analyzes the historical maintenance of a labour, a manpower and the human capital. Dynamics and structure of intellectual resources of of the Ural region, as component of the human capital are analyzed. The role of potential of the higher school in accumulation of knowledge, their rational application and escalating of the human capital is analyzed. Attempt to carry out human measurement of industrial potential is undertaken. Ways of an effective utilization of the human capital are analyzed.

Demenova V.V. World of Buddha metall sculpture. The article deals with the world of the Buddha bronze plastics as an integral phenomenon covering artistic process, conceptuality of the material and other aspects of its creation and being. The collection of Buddha bronze sculptures in Sverdlovsk Museum of Regional Studies is an excellent illustration of these speculations.

Zhuravleva V.A. Municipal Economy Development in the Urals and its Influence on Natural Reproduction of the Urban Population in the 20—30-s of the XX-th Century. The paper is devoted to the establishment and development of the urban housing in the Urals. Special attention is paid to constructing water-supply and sewerage system, plant verduring and establishing housing maintenance enterprises. It is shown that municipal economy development had an impact on natural reproduction of the urban citizens.

Kulikovskih S.N. About the professional training of specialists for Zlatoust mining plants (the end of XIX — beginning XXc). The research of the ways of influence of Western European and Eastern cultural

traditions upon forming and developing of Zlatoust engraving school presumes the consideration of question about training of skilled workers. Zlatoust armory and factories of Zlatoust region (where in the first half of XIX century the unique types of decorative-applied arts were born) formed not only industrial but cultural centers of the Urals by the middle of the century. The talented gradulators of Emperor academy of Arts worked there.

In the second half of XIX century the issue about professional training of specialists for the oldest Urals enterprises got new development. The conducted research allowed to reveal new archive materials, discover new names of the students of Stroganovsiy college, to specify the biographical data. Remarkable works of Zlatoust engravers of the second half of XIXc. were revealed. New page in the history of art, technology and technique of industrial Urals was opened.

Ponomarenko E.V. The peculiarities of formation of the South-Ural factory churches in the XVIII – XIX-th centuries. The article considers the evolutionary process of church’s buildings in the South Ural. On the basis of the XIXth century eyewitnesses’ recollections, archive investigations in the Russian State Historical Archive and analysis of designs for buildings, the researcher discovers the architectural features of the churches. The research analyses the heritage of the South Ural in the light of practice of architectural design.

Svistunov V.M. To a question of a history of construction and lay-out Verkhne-Kyshtymsky works. 1755—1815. In article the beginning of construction Verkhne-Kyshtymsky of a factory is analyzed. On the basis of new documents and inspection of existing objects reconstruction of an initial lay-out of construction is carried out. The choice of a place of a factory is proved; construction of a dam of the river and patrol towers is shown.

Semoshkina E. I. The division into periods for history of russian emigration. The article is about the division into periods concerning the whole history of Russian emigration and especially its waves during the XX century. The number of waves during Russian emigration is one of the most discussed problems of the

Domestic Historiography now. The new attempt is taken to determine chronological limits for three main periods of emigration process from Russian Empire, Soviet State and modern Russia.

Sibiryakov I.V. The Chelyabinsk branch of union of the Soviet writers in first postwar years. The article

Summary

is devoted to one of most poor investigated of problems of a history of the South-Ural art intelligency. In it the basic directions of work of the Chelyabinsk branch of union of the Soviet writers in first postwar years are analysed. The special attention is inverted on a problem of relations of regional party bodies and art intelligency of Southern Ural in 1945—1953. In this article is considered both positive and negative experience of the decision of socioeconomic problems of creative intelligency of Southern Ural saved by regional branch of union of the Soviet writers in these years.

POLITILOGIA

German V.A. Problems of the paradigm realization and perfection of the regional national policy. In article the regional national policy in a context of realization national Program of a policy is examined. Methods of the organization of system for realization of the regional program policy are opened. The author determines the basic subjects organizing process of this Program realization, and also the purpose and problems which are necessary for solving in process of realization of the project.

Evseev I.V., Khvoshcev V.E. Political discourse concerning amount of prisoners in stalin corrective-labour system. In article the question on scales of political reprisals in Stalin camps is examined, attempt to divide criminal and political office-work of that time is undertaken to analyse available divergences of researchers in estimations of corrective-labour system.

Lukina Y.A. Essence of political time. In article the phenomenon of political time is examined, its comparative analysis in due course social is given, characteristics of time events are determined. The author of article results the opposite points of view on concept of political time and the spaces distributed in modern domestic political science.

Medvedeva N.V. The international activity in system of the higher school — one of the basic directions of development of modern international attitudes. Article offers the author's view on place and role of International relations of the Universities in general system of International relations. Author describes similarity and difference of approaches in studying international relations in Higher Schools and International relations on governmental level.

Petrov V.I. The basic tendencies of modern terrorism in conditions globalization. In article attempt is undertaken on the basis of an extensive

material to analyse new tendencies of the international terrorism development, connected with process of global changes in world politics and the international relations. The big attention is given definition of terrorism as public phenomenon and appropriate scientific concept. The author tries to generalize the characteristics which have appeared in the literature and parameters of «new terrorism» to reveal its features and difference from «old», to connect with specificity of the changed global order.

Prilucova E.G. Political world as the virtual reality. Modern mass media even more often incur functions of political authority therefore, in our opinion, occurs virtualization of political life we see in modern media-technologies the force creating a virtual reality and managing a society.

All television images, despite of their genre distinctions, represent on the telescreen a chain of plots, merging in a single whole. The world on the screen looks as a uniform never-ending series. The reality derivates new myths which are represented with the telescreen, that especially brightly it is visible recently in children's outdoor games: even more often there are heroes from videofilms (the ninja, aliens, kiborgs).

Television images *set* a reality, *form* social representations and *create* an opportunity for formation of a society total control.

Rusakova O.f., Maksimov D.a. The discourse of a political brand. Sustainability of a political brand depends on how the communication is organized. This communication produces unique, identified and memorable names and symbols, which would express the brand positioning. At this level discourse reveals itself.

Making an attitude is the key discourse effect, which consists of cognitive and emotional components, opinion and feelings.

When a political structure tends to become a brand that means it tries to gain some sort of loyalty through the methods and instruments of self-presentation.

Sazonov V.O. The scientific base of russian nuclear safety of in first third XX. Article is devoted to a problem of development of scientific knowledge in the field of intratomic energy of radioactive elements in Russia. The period of first third XX century was the beginning of opening of intratomic energy and the phenomena accompanying it in physics. This time of development of scientific directions and schools in this area of researches, creations of the fundamental knowledge becoming since II half XX century a basis of russian nuclear safety.

Hvoschov V.E. Ideas of activity and self-movement in the doctrine about emanation of Prokl Diadoh. Prokl Diadoh (412—485) — the little-known representative in Russia of neoplatonism. However in his theological opuses at close perusal fundamental representations about matter and self-movement which in many centuries have made a basis of the of activity of human consciousness and material formations open. In article attempt to assess emanation to doctrine of Prokl as basic for scientific materialistic understanding of a universe is done.

PHYLOSOPHY

Vishev I.V. Philosophy of science and problem of its humanization. The discussion of the new post-graduate course “History and philosophy of science” teaching experience is of current importance. The most important point for today is the responsible attitude to the realization of its apparent potential for the philosophical training of young scientists. An important aspect of the course is the problem of its humanization which is foremost solved by means of consideration the real attainability of personal immortality and human resurrection in the context of immorto-humanism and trans-humanism.

Grigorjeva L.V. Notion of function: to problem of existence of mathematical theory objects. The problem existence of mathematical theory objects is of decisive importance for mathematics as a science. Using extensive material from the history of mathematics, the article attempts to consider the regularities of the mathematician knowledge development by the example of the notion of function.

Zarubina O.A. The problem of person in moral and law comparing Kantrs and Solovievrs approaches. The article examines the problem of person in moral and law comparing Kantrs and Solovievrs approaches.

In Kantrs conception of natural law the principle of person in shown from the point of views of categoric imperative. In the philosophy of law of Soloviev this question is examined in the social ethics approach to the natural law: « The Freedom determined by equality».

The comparative anlysis of opinions these philosophers reveals their unanimity in the considerasion of the value of each person itself.

Kashapov F.A., Terentiev O.V., Zeissler V.E. Health as a value: culture and bioethics. The article analyses the problem of the value of human health in the context of culture and bioethics. It shows that in the

system of world outlook values health is the most important benchmark of private life of a man as it is a condition of his creative potential realization. The article proves the idea that effective solution of health problem is possible only on the basis of interdisciplinary approach which is being developed within the frames of scientific philosophy.

Mironov E.V. B.N. Tchitcherin’s political concept and the constitutional process in modern Russia. The Main theme for Tchitcherin as political thinker and citizen was a celebration of constitutionalism in Russia. The subject of the constitutional process he believed the government basing enlightened nobility in Russia, because of weakness of the Russian society. In modern Russia the main subject of the constitutional process also has appeared the state because of indifference of wide public layers. It makes Tchitcherin’s concept quite adequate for the analysis of the constitutional process in a modern Russian society.

Russkikh L.V. Kant about interaction of culture and economy. In this article are considered the basic features of understanding of economy and culture in classical German philosophy and, in particular, in Kant’s works. The significant attention is given to the analysis of interrelation of culture and economy. The main principle of Kant understanding of this interrelation — leadership of morals over economy.

Sidorova U.V. Hermeneutic as one of the leading modern cognitive practice: the historical-philosophical aspect. In the article author draws attention to one of the main problems of the modern epistemology — negotiation of the naturalism in cognition. Proceed from this attitude author tries to analyse epistemological foundations of the hermeneutics, used from the point of the historical-philosophical aspect, and to examine the evolution of the hermeneutic ideas, which clear the peculiarities of the hermeneutic way of science.

Strahova K.A. Problem of equality of sexes within confrontation antifeminism and feminism. The text examines antifeminism’s criticism of the idea of equality of sexes in feminism. The tendency to biarhat that is usual for home cultural postmodern, which is capable to destroy the actuality of confrontation of feminism and antifeminism is pointed out. The author comes to the conclusion that Russian multiculturalism doesn’t give the ground for “war” of sexes.

Usov V.N. Reflection as a way of philosophical outlook. Modern philosophers define the role of reflection differently. Firstly, it determines philosophical

subject field, its specific character. Secondly, it defines its basic notions and ways how to solve major ideological problems. Thirdly, it serves as a means of philosophical self-determination in a particular epoch, as a part of cultural and historical process.

Chistov G.A. Dialectics of mind and reason in a context of a modern civilization. The article contradictions between mind and reason as spheres of consciousness and thinking are analyzed. It is shown, that these contradictions in civilization process results in increase both in a society and in life of the person.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛАКИН Виктор Сергеевич, родился в 1955 г., в 1978 г. с отличием окончил Челябинский педагогический институт, в 1985 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. в Институте истории и археологии УрО РАН — докторскую диссертацию «Отечественная наука в 1950—1970-е гг.: Динамика социокультурных процессов». Декан социально-гуманитарного факультета, зав. каф. «История», профессор. Автор более 60 научных работ по проблемам теории и методологии истории, истории науки и науковедению, истории Урала, интеллектуальной истории, истории городов Урала. E-mail: bvs@susu.ac.ru.

БАЛАКИНА Людмила Павловна, родилась в 1957 г., в 1980 с отличием окончила Челябинский педагогический институт, в 1994 г. в МГУ им. М. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию «Советская научная интеллигенция в 1960-е гг.: социальное развитие и общественно-политическая деятельность». Доцент кафедры «История», автор более 30 научных работ по проблемам социальной истории, истории общественных наук в СССР.

ВИШЕВ Игорь Владимирович, философ, специалист в области философской антропологии и религиоведения. Родился 5 мая 1933 года в г. Вольске Саратовской обл. В 1947 в результате несчастного случая (сильный химический ожог лица и глаз) потерял зрение. В 1958 окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и по госраспределению был направлен на работу ассистентом в Челябинский политехнический институт (впоследствии — ЧГТУ, ЮУрГУ). В настоящее время — доктор философских наук (1991), профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (1991), действительный член (академик) Академии гуманитарных наук (1999). Разработка философской концепции решения триединой задачи укрепления здоровья человека, сохранения его молодости и достижения личного бессмертия (концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения). Опубликовано более 360 научных, методических и публицистических работ, в том числе 14 книг и ряд публикаций на иностранных языках. Участвовал в работе 9 Международного конгресса геронтологов (Киев, 1972), XIX Всемирного философского конгресса (Москва, 1993) и XXI Всемирного философского конгресса (Стамбул, 2003), на котором был организатором и руководителем Круглого стола «Жизнь, смерть, бессмертие».

GERMAN Василий Анатольевич в 1986 году закончил исторический факультет Челябинского государственного университета; в 1993 году аспирантуру названного университета. С 2003 года по настоящее время работает старшим преподавателем кафедры политологии Южно-Уральского государственного университета.

ГРИГОРЬЕВА Людмила Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ЮУрГУ. Сфера научных интересов: проблемы гносеологии и методологии научного познания.

ДЕМЕНОВА Виктория Владимировна, окончила Уральский Государственный Университет им. А.М. Горького по специальности «Искусствоведение» в 1999 году. Аспирант кафедры искусствоведения факультета искусствоведения и культурологии УрГУ. Специализация: искусство Древнего и Средневекового Востока; буддийская бронзовая скульптура. Один из авторов иллюстрированного издания «Буддийская бронзовая пластика из коллекции Свердловского Краеведческого Музея».

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович преподает политологию, геополитику, экономику, является специалистом в области исследования исправительной системы, ее региональных особенностей

ЖУРАВЛЕВА Вера Анатольевна. В 1979 году с отличием окончила исторический факультет Уральского государственного университета. В 1988 году защитила кандидатскую диссертацию в УрГУ, кандидат исторических наук, доцент. В настоящее время работает заведующей кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в городе Златоусте. Автор свыше 50 публикаций по проблемам истории Урала 20—30-х годов XX века.

ЗРУБИНА Ольга Анатольевна. В 1995 г. закончила с отличием Челябинский государственный институт искусства и культуры, культурологический факультет. С 1995 по 1996 г. работала старшим преподавателем кафедры психологии и педагогики Челябинского института повышения квалификации работников образования. В 1999 г. защитила диссертацию на тему: «Эманация и имманация как аспекты творчества» по специальности «Онтология и теория познания». С 2000 г. преподает на кафедре философии ЮУрГУ, доцент. Автор ряда статей по проблемам творчества. В настоящее время занимается проблемами философии права и работает над докторской диссертацией.

КАШАПОВ Федор Адеевич, доктор философских наук, доцент. Закончил философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького, защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Доцент кафедры социально-гуманитарных наук Челябинской государственной медицинской академии. Область исследований: онтология, гносеология, антропология, социальные проблемы науки, биозтика. По данным проблемам имеет 35 научных публикаций. Принимал участие в международных, общероссийских и республиканских конференциях по философии.

КУЛИКОВСКИХ Светлана Николаевна, кандидат исторических наук (2002), автор монографии «Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815—1860 гг.)», вышедшей в издательстве ЮУрГУ под редакцией доктора исторических наук, доктора искусствоведения, профессора Н.П. Парфентьева (2006). Ответственный секретарь оргкомитета по проведению на базе филиала ЮУрГУ в г. Златоусте международных научно-практических конференций «Бушуевские чтения». Доцент кафедры филиала ЮУрГУ в г. Златоусте, куратор специальности «Технология художественной обработки материалов».

ЛУКИНА Юлия Александровна, преподаватель кафедры политологии, выпускница университета 2007 года по специальности «Политология». Специализируется по проблемам хронополитики и конституционного права.

МАКСИМОВ Дмитрий Аркадьевич, родился в 1981 г., в 2005 г. окончил магистратуру факультета политологии и социологии УрГУ в г. Екатеринбурге. В настоящее время является аспирантом ИФиП УрО РАН.

МЕДВЕДЕВА Наталья Владимировна, аспирантка кафедры педагогики Института психологии и педагогики ЧелГУ, закончила факультет Права и финансов ЮУрГУ по специальности «Государственное и муниципальное управление», в настоящий момент — начальник отдела внешнеэкономических связей Министерства экономического развития Челябинской области. Научные интересы: международные отношения, международные связи в системе высшей школы, педагогика высшей школы.

МИРОНОВ Евгений Владимирович, родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета в Екатеринбурге по специальности «Философия»,

обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Научные интересы: геополитические проблемы формирования регионов, теории конфликтов в мировой политике.

ПЕТРОВ Валерий Иванович, бывший преподаватель кафедры политологии Южно-Уральского государственного университета, в настоящее время аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, готовит диссертацию по проблемам борьбы с современным международным терроризмом.

ПОНОМАРЕНКО Елена Владимировна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Искусствоведения и культурологии» ЮУрГУ. Область научных интересов: градостроительство и архитектура Южного Урала в XVIII — начале XX веков.

ПРИЛУКОВА Екатерина Григорьевна, доцент кафедры политологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат философских наук. Круг научных интересов — проблемы конструирования политической и социальной реальности масс-медиа. Роль современных медиа-технологий в формировании общественного сознания и политической культуры.

РУСАКОВА Ольга Фредовна, доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии Института Философии и Права УрО РАН, главный редактор научно-практического альманаха «Дискурс-Пи».

РУССКИХ Людмила Викторовна, доцент кафедры социологии ЮУрГУ, кандидат культурологии. Научные интересы связаны с изучением проблем взаимодействия культуры и экономики на различных этапах развития общества, автор более 20 работ по проблемам культуры и социологии. E-mail: ludmilaruss@mail.ru.

САЗОНОВ Владислав Олегович, канд. исторических наук, преподаватель кафедры Политологии ЮУрГУ, доцент. Научные интересы: проблемы безопасности и пограничной политики, история ВПК.

СВИСТУНОВ Вячеслав Михайлович, старший научный сотрудник Южноуральского филиала

Института истории и археологии УрО РАН г. Челябинск, к. и. н.

СЁМОЧКИНА Екатерина Ивановна родилась в Челябинске. В 1981 г. закончила исторический факультет Челябинского государственного университета, после чего год работала учителем истории в школе. В 1982 г. была принята на работу на кафедру истории КПСС ЧПИ. В 1984—1987 гг. училась в очной целевой аспирантуре МГУ и в 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 1998 г. — доцент кафедры истории России ЮУрГУ. Сферы научных интересов: Урал в годы Великой Отечественной войны; история российской эмиграции.

СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович, родился в 1963 г., доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1985), аспирантуру МГУ (1987). С 1999 — заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ. Докторскую диссертацию защитил по теме «Нравственные ценности нового российского либерализма. Исторический аспект» (1998). Исследует роль интеллигенции в формировании и разрушении нравственных ценностей российского общества; особенности развития социоморальной среды российского либерализма, вопросы политической этики. Автор более 60 научных и методических публикаций, из которых две монографии.

СИДОРОВА Ульяна Владимировна, старший преподаватель кафедры философии ЮУрГУ. Закончила философский факультет УрГУ (г. Екатеринбург) по специальности «онтология и теория познания». В настоящее время обучается в заочной аспирантуре УрГУ.

СТРАХОВА Ксения Александровна, аспирантка кафедры философии Белгородского государственного университета.

ТЕРЕНТЬЕВ Олег Владимирович, аспирант Московского государственного университета сервиса. Закончил философский факультет МГУ. Область исследований: антропология, этические проблемы науки, биоэтика. Имеет 7 научных публикаций.

УСОВ Владимир Николаевич, кандидат философских наук, доцент. Окончил философский факультет и защитил диссертацию в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. Область научных интересов: гносеология, методология, праксеология, философия рефлексивного управления.

ХВОЩЕВ Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии ЮУрГУ. Председатель Челябинского отделения Российской ассоциации политической науки, кандидат философских наук, доцент. Автор более 60 научных работ, участвовал в руководстве 6 научными проектами РФФИ, РГНФ и Минобразования. Научные интересы — проблемы безопасности и пограничной политики, теория политической активности субъектов, геополитика.

ЦЕЙССЛЕР Виктор Эдмундович, в 1974 г. Окончил Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Старший преподаватель кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, автор 32 научных и методических публикаций по философии.

ЧИСТОВ Геннадий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент. Закончил исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и аспирантуру философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Область исследований: эстетика, природа и сущность ценностей, ценности и бытие человека. По данным темам опубликовано более 80 работ. Принимал неоднократное участие в международных, межреспубликанских и республиканских научных конференциях по философии, эстетике и социально-гуманитарным проблемам.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 24 (96) 2007**

**Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
Выпуск 9**

Отв. ред. серии *Балакин В.С.*

Компьютерная верстка *Феркель В.Б.*

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 15.10.2007. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 18,38. Тираж 500 экз. Заказ 387/75.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.